

НАДЕЖДА САМАЕВА

НА ПЕРЕСДАЧУ-
С КЛЫКАМИ!

Annotation

Если упала как снег на голову одному из бойцов во время подпольного поединка и умудрилась остаться живой, здоровой и даже удрать с места событий, то ты однозначно везучая девушка.

Если на следующий день тебя, мага-артефактора, распределили в отдел правопорядка на стажировку, где получить зачет равносильно чуду, – то, наверное, все же не очень.

А вот если при этом куратором оказался тот, кому ты накануне сорвала операцию под прикрытием, вмешавшись в бой... То, как говорят оборотни, блохи твои дела...

Сможешь ли ты сработаться с этим холодным и циничным офицером? Что ж, прятки на выживание наперегонки с пульсарами это покажут. Ведь дело, в которое ты и оборотень ввязались, окажется таким же непредсказуемым, как и ваши с ним отношения...

-
- [Надежда Мамаева](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Эпилог](#)
 - [От автора](#)
-

Надежда Мамаева

На пересдачу – с кльками!

© Надежда Мамаева, 2021

© Юлия Таланова, обложка, 2021

© Наталья Мазуркевич, Бронислава Вонсович, Рина Гиппиус,
корректурa, 2021

Глава 1

«Это провал!» – успела подумать, когда опора под ладонями и коленями угрожающе затрещала, а я замерла враскорячку, боясь пошевелиться. Потому как один неверный вдох – и эта демонова конструкция, не иначе как по ошибке именуемая воздуховодом, рухнет ко всем гремлинам на головы улюлюкающей разгоряченной толпе оборотней, что шумела под нами и пока не подозревала, что над ними по вентиляции ползут две девицы.

Двуликие были поглощены зрелищем сражения. Я не разбиралась: по правилам шел меж оборотнями мордобой или без, со ставками или это был поединок чести... Я оказалась слегка занята другим: спасала нас от крупных неприятностей.

Нас – это себя и мою подругу Линк, которую я сейчас честно старалась не ругать. Хорошо. Хотя бы не материть. Вслух. Не браниться еще и мысленно в нынешних обстоятельствах для меня было недостижимой сверхспособностью.

«Магнит авантюр» подруги, обтянутый короткими красными шортами и маячивший передо мной весь тот тернистый и пыльный путь по вытяжной шахте, тоже застыл, без слов подтверждая: Ли, как и я, замерла на месте, надеясь, что пронесет и наш план побега не провалится во всех смыслах этого слова.

Внутри квадратной пыльной шахты было душно, тесно и... жирно. Да, именно так. Пыль, покрывавшая ровным слоем стены, была именно такой: не воздушно-пуховой, а маслянистой, комковатой, сдобренной парами пота разгоряченных тел. Ее-то мы и протирали. Подруга – голыми коленями, я – джинсами, дизайнерски порванными в совершенно, как выяснилось, неудобных для ползания местах.

Короб перестал опасно поскрипывать, намекая, что вот-вот развалится, и я, выдохнув, чуть слышно прошипела команду:

– Ползем...

Округлости в красном согласно зашевелились. А я стиснула зубы, чтобы не прокомментировать, как одна не сильно умная особа меня не послушала и сделала все по-своему.

По вентиляции мы медленно, но усиленно и удирали от неприятностей. Сильных таких, впечатляюще мускулистых и жаждущих продемонстрировать на практике не только все удовольствие от поцелуев, но и то, насколько приятно девушкам начинать беременность. Молодые оборотни, одним словом. Да еще и выпускники факультета ночных стражей после сдачи сессии...

На их закрытую вечеринку Линк с помощью уговоров, улыбок, угроз и шантажа раздобыла-таки приглашение. Причем вела ее в этом деле не жажда приключений, а исключительно злость. А все оттого, что она застукала своего уже экс-парня в спальне со своей мачехой. И они там отнюдь не икебаной занимались. К слову, мачеха уже тоже была бывшей: решительность и бескомпромиссность были отличительной семейной чертой Фортсмудов. И как только отец Линк узнал об измене супруги, ее вещи тут же оказались на пороге дома.

Но подруга все равно знатно психанула. И во имя мести решила в режиме «срочно!» непременно заполучить себе нового парня, причем не абы кого, а именно двуликого. Да-да, прямо так и заявила: «Заарканю самого сильного и впечатляющего оборотня из всех, до кого смогу дотянуться, чтобы этот клыкастый все кости кобелю Грэгу переломал...»

Лично я этого самого Грега сейчас ненавидела настолько, что была близка по меньшей мере к убийству с отягчающими. Ей-богу! Лучше бы я сама его по-тихому в подворотне с папиным разводным гаечным ключом из мастерской встретила и отвендеттила за подругу по полной со всеми удобствами в вертикальном положении и без риска ежеминутно то ли застрять в шахте, то ли грохнуться и переломать себе все кости, а оборотням – еще и психику.

К слову, я этот план подруге даже озвучила, будто печенкой чуяла, во что в итоге выльется ее авантюра. Но Ли лишь фыркнула. По ее мнению, это была не такая месть. Неправильная... К тому же теоретически уголовно наказуемая. А двуликий – ему что будет? Они же стражи кантонов – высшая каста. К тому же у них защита своей пары в прерогативе. И узаконена.

А уж зная Линк, я была уверена, что она подстроит все так, чтобы оборотень «защитил» ее от Грега и при этом отправил того в долгое кругосветное путешествие по палатам травматологии столичной целильни.

Как итог – сейчас и ползли в лучших традициях «правильной мести», если руководствоваться логикой Ли, о чем я ей и сообщила раз так двадцатый.

Она в ответ мне прошипела, что да, признает, что была дурой... И не учла ма-а-аленькой такой детали: клыкастые были больше, как бы это сказать, постельно ориентированными и не сильно жаждущими не то что узаконить их с девушкой развращения, но даже назвать ту своей парой.

Нет, сказать, что план Линк завести себе оборотня совсем не сработал, – значит погрешить против истины, пульсара и пентаграммы. Вот только вышло все слегка иначе, чем задумывала подруга. Двухлик, а точнее, даже двухликые, завелись – это был плюс. Минус, что завелись они сильно, активно и коллективно. К тому же при этом еще и раззадорились, возжелав избавить белокурую красотку от лишних, на их взгляд, предметов гардероба. Ну вечер же жаркий, зачем ей париться в этих шортах и топике?..

Настолько далеко заходить ради мести подруга оказалась не готова. А я – тем более. И мы решили самоликвидироваться с вечеринки. Но, как оказалось, выбраться отсюда несовращенной – та еще задачка. Ведь, как выяснилось (увы, после, а не до!), придя на вечеринку, мы тем самым дали согласие, что готовы к необременительным отношениям с двухликами.

Выйти в дверь помешали ребята, которых наш решительный отказ, казалось, лишь раззадорил. Они восприняли его как своеобразный флирт.

Потому у нас сначала случился уход в дамскую комнату под предлогом «припудрить носик». Увы, надежды на окно в уборной не оправдались, зато там обнаружилась вентиляция, достаточная, чтобы протиснуться двум худым девицам, но не широкоплечим оборотням. Хоть в этом нам повезло.

Еще бы немножечко удачи, чтобы преодолеть этот тоннель.

Линк уже проползла центр зала, когда я оказалась аккурат над бойцами. Их головы были видны в зарешеченный вентиляционный люк. И именно в этот момент какой-то... паразит решил открыть бутылку с шампанским. Пробка выстрелила прямо в решетку, на которую я опиралась. И это оказалось последней каплей, подточивший инженерный гений того, кто разрабатывал местную систему

вентиляции. Днище подо мной дрогнуло, решетка закрипела и в следующий миг полетела вниз. И я – верхом на ней, словно на летающей скатерти из сказки. Лишь в последний момент сообразила оттолкнуться от сомнительной опоры ногами, в результате чего мы отстыковались друг от друга. И если решетка грохнулась, врезавшись на бреющем полете в колонну, то я – аккурат на шею одному из поединщиков.

Вот прям как рыцарь в седло. Только ноги не по бокам гнедого жеребца свисали, а оказались на мужской, лоснящейся от пота груди. Ну точно фанатка на концерте, которая забралась на плечи своего парня, чтобы все хорошенько разглядеть.

Тело подо мной тут же спружинило, пригибаясь, и я на рефлексах схватилась за первое, что попало в руки: правой – за загривок, левой – за короткий хвост из темных волос.

От неожиданности тот, на кого я приземлилась, пропустил удар, пошатнувшись, но от второго хука успел закрыться блоком и... матом:

– Какого...? – взревел двуликий, когда я судорожно вцепилась когтями в его шею, пытаюсь удержаться. Потому как шансы сверзиться с двухметровой груды мышц, при этом свернув себе шею, были вопиюще высоки.

Толпа зрителей взревела, противник моего оборотня решил воспользоваться ситуацией и нокаутировать соперника, который с новой ношей вынужденно ушел в глухую оборону, а я... поняла, что вот теперь начались настоящие неприятности.

В нашей с Линк паре обычно она решала проблемы по мере их: «Ой! А это еще вчера надо было?!» Но сегодня, похоже, настал мой, не побоюсь этого слова, звезданутый час использовать годами отработанную подругой схему.

Задача номер один – не грохнуться на пол и выжить. И если эта почти невыполнимая миссия удастся, то задача номер два – удрать отсюда. Как – пока не знаю. Но сбежать!

Эти мысли пронеслись в моей голове, пока я клацала зубами. Волосы, собранные до этого в свободный хвост, окончательно растрепались. Длинные темные пряди так и норовили прилипнуть к моему потному лицу, заслоняя весь обзор. Убрать их я не могла по той простой причине, что руки оказались слегка заняты: ими я вцепилась в шевелюру и шею двуликого.

Не сказать, чтобы оборотень был этому рад. Его и так бугрящиеся мышцы дрогнули, словно увеличившись в размерах еще больше. Хотя вроде бы куда еще-то? А потом... от меня попытались технично избавиться с пользой для дела и вредом для тела. Знамо, польза была оборотня, травмы – мои.

Двуликий, на котором я галопировала, резко крутанулся на пятках, уворачиваясь от удара противника, который был рыжим, как лис, но здоровым, как матерый гриззи. Тело подо мной стремительно повернулось боком к огневолосому, а потом и вовсе спиной. На которой, к слову, сидела я, причем вынужденно откинувшись назад и пытающаяся судорожно удержать равновесие!

Брюнетистый блохастый решил превратить меня из помехи во врагобитное орудие. Проще говоря, как своеобразной битой с разворота моей головой снести черепушку противника.

Я была с таким раскладом категорически не согласна и, сжав ноги, словно пыталась залезть на дерево, отпустила руки. Совсем.

Нет, я не была гимнасткой ни разу. Но смертельная опасность – лучший стимул сдать на кандидата в мастера спорта безо всяких тренировок. В общем, жить захочешь – возьмешь и первое место в беге, и золото со столовым серебром, и бронзовые подсвечники... В этой воровской мудрости я ныне убедилась лично.

Потому как, резко откинувшись назад, прогнулась так, что мои ноги плотным хватом сжали шею оборотня, а своей макушкой я прижалась к тому месту, где у приличных людей ноги заканчивают свое благородное название. Если проще – врезалась затылком в крепкие мужские ягодицы, и мы оказались с двуликим спина к спине в самом неклассическом понимании этих слов.

Вот только мои руки не успели ни за что схватиться или хотя бы прижаться к корпусу. Как итог – я со всего разворота полоснула рыжего аккурат над самой опушкой чуть приспущенных шорт. Судя по тому, как огневолосый, уже выставивший блок от удара о его голову мной, взревел, такого коварства он не ожидал. Ну да, пара пядей – и я бы оскопила его целиком. А так – всего-то лишила завязки шорт, зацепившись за шнурок и дернув его.

Толпа вокруг азартно взревела, но никто, ни одна с... собака и не подумала прерывать бой! Зато среди зрителей самые ушлые активно делали ставки. Причем уже не на брюнета с рыжим, а на меня!

Размажут ли свалившуюся девицу тонким слоем по рингу или просто выкинут во внешний круг без сознания. И если вышвырнут – то в какую сторону?

Мой оборотень меж тем завершил разворот, вновь оказавшись лицом к лицу с противником. А я же, вися вниз головой, увидела люк вентиляции, из которого выпала. Сейчас из него выглядывала каким-то немыслимым образом умудрившаяся развернуться в костоломно узкой шахте Линк, бледная, как вампир. Подруга судорожно озиралась, закусив губу. Наши с ней взгляды на миг встретились.

– Дэй, держись там... я... сейчас! – завопила она, исчезнув в провале.

Кто-то сбоку, как и я, услышав Линк, задрал голову к потолку, ткнул вверх пальцем и проорал зрителям:

– О, гляди, и вторая цыпа, кажись, прыгнет.

– Главное, чтобы точно прицелилась и на конопатого присела, – ответили ему.

– Ага, пусть придавит рыжего. А то я на чернявого десятку поставил, – ударив кулаком о ладонь, припечатал еще кто-то.

Я уже хотела закричать подруге в духе: не смей! А то она могла, как истинная светлая голова, в смысле блондинка по велению души, а не только по масти шевелюры, презрев всякую опасность, прийти мне на выручку, не думая о последствиях.

Вот только едва я набрала воздуха в легкие для того, чтобы завопить, как его из меня тут же выбили. Очередным резким поворотом. Но на этот раз я все же умудрилась не размахивать руками, а вцепиться в то, что первым попало. Увы, это оказались шорты. Причем, судя по тому, как вздрогнула поясница, к которой я прижималась лопатками, нога принадлежала «моему» оборотню.

А затем уже я ощутила себя как на дыбе, когда спина подо мной выгнулась коромыслом. Я не видела, что происходило между поединщиками, но, похоже, темный перешел от обороны к атаке.

И тут произошло сразу несколько событий: резкий стремительный удар, от которого мою голову мотнуло так, что она едва не слетела с плеч, слитный выдох потрясенной толпы и глухой звук упавшего тела. А затем крик:

– Победа Стэйна!

Он разрезал ножом обрушившуюся на ринг за несколько секунд до этого тишину. А затем по залу покатила лавина многоголосицы из радостных возгласов и воплей брани болельщиков.

И все были настолько поглощены этим, что не заметили, как в шахте вновь появилась Линк и, держа в каждой руке по своей красной босоножке с каблучком запредельной высоты... метким броском первой туфли сбила прикрепленный к потолку защитный сигнальный артефакт, отвечавший за пожарную безопасность.

С потолка ливанула вода вперемешку с пеной. Не сказать, чтобы это охладило пыл толпы, но зато помогло ее отвлечь и навести суматоху.

Линк обрадовалась, чуть качнулась вперед и... едва не выпала из люка, успев в последний момент ухватиться за край. Зато ее рука разжалась, и вторая босоножка полетела вниз, угодив туда же, куда и я, – на темноволосую макушку с коротким хвостиком. И я почувствовала, как моя вертикальная опора от повторного за вечер удара судьбы свыше начала крениться...

Оборотень все же упал. Благо не на спину, а лицом вперед. И я оказалась не придавленной грудой мышц, а всего лишь отбившей колени. Ну и чувствовала себя как та знаменитая пышка-танцовщица на шесте, которая однажды, выполняя пируэт, погнула гвоздь программы. Ну, правда, я не совсем погнула, а скорее придушила...

Я шустро слезла с двуликого, тело которого покрывали синяки и ссадины (две – на шее и плече – мои!), и, машинально схватив за каблук босоножку, воспользовалась пенной завесой и ввинтилась в толпу.

Линк, судя по тому, что я смогла различить гул из воздуховода, тоже удирала на четвереньках по шахте.

Ринувшаяся прочь из зала толпа внесла меня на улицу. Пена покрывала лица и отчасти даже фигуры, ее резкий химический запах наверняка перебивал ароматы тела. Да и не до сомнительных девиц оборотням сейчас было.

Зато я, завидев дыру в живой изгороди, нырнула прямо в нее. На ночную улицу, к припаркованному Линк чаромобилю, я вышла в лучших традициях гриззи после зимней спячки: в колтунах, облепленная листвой, с ветками в волосах и желанием убивать.

Линк появилась спустя пару минут. Она ковыляла ко мне пыльная, грязная, со сбитыми коленями. Дойдя до машины, она оперлась о капот и мученически простонала:

– Дэйна Драккарти, поклянись мне, что, если еще раз я решу, что мне нужен парень-оборотень, ты дашь мне как следует по голове.

– Да я и сейчас могу стукнуть. Превентивно, – отозвалась я, понимая, что вся злость на подругу детства куда-то улетучивается. Линк всегда была такой: порывистой, искренней, открытой. А то, что она чаще сначала действовала, потому думала... Ну должен же быть у почти идеальной мисс Фортсмуд хоть один недостаток? И вместо отповеди я лишь протянула ей босоножку: – Держи, я твою обувь нашла!

– Лучше бы мои мозги. Я их точно тоже где-то посеяла, раз во все это вляпалась, еще и тебя втянула... – беря обувь, сокрушенно простонала Линк, видимо до конца осознав, что я едва не угодила сегодня на койку в целильне.

– Не переживай, не потеряла. Твой разум просто от тебя иногда скрывается, как подпольный миллионер от вездесущей налоговой.

Я пожалала плечами, разведя при этом руки в стороны.

– Дэй! – тут же возмутилась подруга. – Нет чтобы сказать что-то вроде: «Линк, ты умница, не наговаривай на себя», ободрить...

– Мы живы и лишь слегка вредимы, – иронично отозвалась я. – Сойдет для поддержки духа?

Подруга критически посмотрела на меня в пене и грязи, потом на свои босые ноги и, нацепив одну босоножку и выдохнув, ответила:

– Вполне. – Раздавшийся со стороны дома, из которого мы удрали, шум заставил нас вскинуться. Линк бодро заковыляла, припадая на босую ногу, к водительскому месту, на ходу произнеся: – Садись в машину, довезу до дома.

Дважды просить меня не пришлось. И, уже пристегиваясь ремнем безопасности, я подумала: «Надеюсь, что никогда больше не встречу этого темноволосого оборотня, чьего лица я так и не увидела». И из всего его облика запомнила только темную макушку и в чем этот двуликий был раздет. Потому как разглядеть даже шорты, вися вниз головой на мужской шее, мне не удалось.

Хотелось верить, что и я для этого двуликого осталась лишь смутным пятном в его биографии. Именно так, в надеждах и

молчании, я и Линк доехали до моего дома.

Чаромобиль, или чабиль, как его еще называли для краткости, притормозил аккуратно напротив крыльца, ступени которого были озарены тусклым светом, лившимся из окна гаража, который располагался рядом с домом. Похоже, папа опять в ремонтной полуночничает. Или забыл выключить свет в мастерской?

Хлопок, от которого беззвучно дрогнули стекла, подсказал: все же отец там. Наверняка разбирает очередной мотор гоночного кара, воюя с элементом, засевшим в клапанах. Благодарить за бесшумность стоило амулеты. Если бы не они, то, подозреваю, соседи уже нас сожгли бы на костре, не дожидаясь приезда отряда правопорядка.

Заречная часть города, где я жила, с каждым годом смотрелась все более контрастно на фоне многоэтажек из стекла и бетона. И район, именуемый Йонтрон, где мы с отцом жили, давно бы уже снесли, но здания, выдержавшие землетрясение, случившееся две сотни лет назад, оказались стойки не только к катаклизмам, но и к алчности нынешних застройщиков.

А все потому, что здесь некогда успели пожить (каждый – в свое время) выдающиеся деятели магии и искусства, внесшие немалый вклад в культурное и чародейское наследие не только нашей страны, но и мира в целом. И на улочках Йонтрона дома, через один, оказались под защитой исторического фонда.

Приказом мэра столицы было решено маленький район не трогать и оставить как есть. Так что... рядом с нами высотные дома росли все выше, их огни светили все ярче, и бетонные коробки уже почти вплотную подбирались к частному сектору, на улицах которого сейчас вовсю цвели каштаны. Их белые остроконечные свечи-соцветия без слов говорили: наступило лето... Время, когда все люди и нелюди делятся на две категории. Тех, у кого каникулы или отпуск, и тех, кто ненавидит тех, у кого этот самый отдых.

К слову, от последнего меня отделяла лишь практика. Сущя малость, если повезет с завтрашним распределением. Да даже если и не повезет... грязной работы я не боялась. И пусть дара артефактора во мне была всего капля, но к ней я прибавляла все девяносто девять капель пота и добивалась результатов там, где более одаренные чародеи пасовали.

К тому же я, как и папа, была прикладным механиком, а не теоретиком. И руки в машинном масле пачкала регулярно. А детство мое и вовсе прошло по большому счету в ремонтных ангарах, где вместо погремушки у меня была мультифазная отвертка, а пчелок и паучков я изучала не по картинкам, а по татуировкам на плечах рабочих.

Но потом наколки мне надоели, а вот мир элементарей и моторов, в которых первородные силы были заключены с помощью магии, заинтересовал...

Настолько, что сейчас я училась на четвертом курсе по специальности магическая механика.

– Кажется, твой отец еще не ложился спать, – прервала мои размышления подруга и кивком указала на гаражное окно.

– Скажу больше, он сегодня утром и не вставал, – я выдохнула, вспомнив гору из грязных чашек кофе, которую, проснувшись, обнаружила в раковине. – Он, когда работает, ничего и никого вокруг не замечает. Ни часов, ни людей, ни даже взрывов.

– Завидую тебе, – печально отозвалась Линк. – Спокойно можешь зайти в дом в любом часу, и тебя не будут отчитывать, как школьницу.

Да, мистер Фортсмуд, отец Ли, был по национальности прапорщиком. И хотя в армии не служил ни дня, а всю жизнь проработал начальником налогового отдела, но изъяснялся он сухим, как пески в Гонийской пустыне, языком, будто цитировал устав, поэтому я, слушая его, чувствовала себя кактусом. Иногда мне казалось, что не иначе как судьба послала ему в дочери именно легкомысленную Линк. Не в наказание, а исключительно для противовеса. Чтобы человек, который довел отчетность в своем отделе до идеального состояния, а подчиненных – до нервного срыва, не зачерствел окончательно. Ну и не заскучал тоже. Вот и сегодня, чувствую, их обоих: и его, и Ли – ждет веселая ночка, полная увеселен... тьфу, нравочений.

– Сочувствую, – печально отозвалась я и предложила: – Можешь позвонить и сказать, что осталась у меня ночевать...

– Нет уж! – решительно произнесла подруга. – Лучше выслушать все сейчас, пока папа хоть и злой, но зато сонный. С утра же он будет бодр, полон сил и нерастраченной ярости... И вся его кипучая энергия уйдет на меня. Нет уж, спасибо!

– Тогда желаю, чтобы все побыстрее закончилось.

И я вышла из машины.

Чабиль заурчал мотором, уезжая. А я направилась к крыльцу. Повернула ключ в замке, открыла дверь. Прихожая встретила меня нерасплесканным густым мраком. Я сняла обувь и не успела сделать первый шаг, как тихо взвыла и в очередной раз уверилась: основная роль мизинца в человеческом организме – это убедиться, что все углы в доме при выключении света остаются на своих местах, а не разбегаются в разные стороны.

Заскакала на одной ноге, держа ушибленную на весу, натолкнулась на какую-то здоровенную коробку и, потеряв равновесие, упала.

Грохот вышел знатный. И я, лежа на полу и глядя в темноту потолка... засмеялась над собственной избирательной везучестью. Надо же: умудрилась сегодня со всеми этими оборотнями-поединками остаться целой, но стоило зайти в милый безопасный дом, как тут же, почти у порога, навернулась по полной.

Я хохотала и не могла остановиться. Ведь сдержать можно все: слезы, боль, отчаяние, ярость... Но, паразитство, смех, как и зевоту, невозможно сдержать ни при каких обстоятельствах!

Такой меня и застал папа. Он вернулся из гаража и щелкнул выключателем, узрев меня на полу рядом не с коробкой, как я подумала, а с аккумулятором от тягача.

– Дэй... Как ты? Не сильно ушиблась? – засыпал он меня вопросами, помогая подняться. Зато в сложившейся ситуации мой помятый вид оказался весьма органичен.

Убедившись, что со мной все в относительном порядке, отец уже хотел было вернуться в ремонтную, но был остановлен вопросом:

– Пап, ты сегодня хотя бы завтракал?

И, увидев, как серьезно он задумался, поняла: нет. Совсем нет. И, не дожидаясь ответа, уккоризненно добавила:

– Тогда пошли ужинать.

Порой мне казалось, что я не дочь выдающегося механика-инженера, мага пятого круга, Оливера Дракарти, а его сестра. Причем старшая. Потому как папа порой забывал о таких вот бытовых мелочах. Но зато отлично помнил все расчетные формулы, коэффициенты магического сопротивления, плотности,

энергетический заряд чар разных стихий... Он жил своей работой, любил ее безмерно. И меня тоже. Причем меня – больше. И за эту его любовь я готова была простить папе все его недостатки.

– На ночь глядя есть нельзя. – Отец попытался под благовидным предлогом вернуться в ремонтную.

– Тогда мы будем есть не глядя. – Я не дала сбить себя с пути истинного обогащения калориям, или попросту насыщения.

Вот только пока я готовила пасту, папа, проявив несвойственную ему бдительность, поинтересовался:

– А где ты была, дочка? – произнеси он это другим, подозрительным, особым «нотационно-родительским» тоном, который практикуют в других семьях, и я бы замерла, насторожившись, замкнулась. Но в его голосе было лишь дружеское любопытство. Без осуждения. Как всегда.

Ну и я, как всегда, и рассказала все, без утайки.

Отец хмурился, но не осуждал. Лишь под конец сказал:

– Понял, если спросят, где ты была сегодня ночью, отвечу, что мы вместе смотрели фильм. До... – Он глянул на часы и закончил: – ... трех утра.

– Пап, ты чудо. – И я обняла его.

Да, у меня не было мамы. Она оставила нас с отцом, когда мне исполнился месяц. И я даже не знала, кем она была. Версии отца могли меняться по несколько раз на дню: от отважной полярницы до дочери банкира. Но имя папа никогда не называл. Хотя лично я подозревала, что родившая меня была просто брачной аферисткой.

И пусть с матерью мне не повезло, зато папа с лихвой заменил мне и ее, и всех дядей-тетей, вместе взятых.

– Знаешь, – призналась я отцу, – больше никаких тусовок.

– Совсем? – Папа иронично изогнул бровь, видимо вспомнив себя в моем возрасте.

– Ну... разве что таких, где я бы просто лежала, ничего не делала, а все вокруг только хвалили бы меня за это... – описала я для себя идеальный вариант вечеринки.

– Дочка, боюсь тебя огорчить, но такая тусовка называется похороны, – усмехнулся отец, с невозмутимым видом закинув тарелки в раковину. Хотя до этого мне казалось: в мойку больше не влезет даже трубочка от коктейля.

– Кстати, о вечном. – Я ничуть не смутилась. – Вечно ты невыспавшийся. Дай своему организму хоть раз удивиться – ляг в постель не с рассветом. И вообще, отдохни как следует!

Папа скептически посмотрел за окно, где занималась заря. Но спать мы все же пошли. И я даже помню, как завела будильник на семь утра, чтобы не проспать. Скажу больше: он даже звонил, но если папиной суперспособностью было впихнуть невпихуемое, то моей – не услышать звука, перебудившего, наверное, полквартиры. В общем, утро прошло под девизом: пунктуальность – мое второе ять... ять... ять... опять ничего не успеваю!

И это было только первой, самой малой неприятностью начавшегося дня.

Осознание того, что я опаздываю в академию, взбодрило лучше чашки крепкого, только что вскипевшего кофе, причем такого, который не пьют, а обычно проливают на ногу.

Я буквально впрыгнула в любимые джинсы, натянула легкий безразмерный свитер, попробовала еще провести расческой по волосам и взвыла. Шевелюра оказалась крепка, как бетонная стена, и так же монолитна. А все потому, что после вчерашних приключений я, сонная, помыла голову и легла спать с мокрыми волосами, потому как еще и сушить их сил не было. И вот утром меня настигла кара...

Еще никогда выражение «обломать зубы» не было столь наглядным: расческа после попытки причесаться напоминала улыбку первоклашки и была на редкость дырявой.

Плюнула, выдернула из колтунов пластиковые обломьши и, скрутив темные густые волосы в гульку, со второй попытки запихнула их под бейсболку.

Перекинула через плечо лямку рюкзака, впрыгнула в кроссовки и уже была готова рвануть к двери, когда едва не столкнулась с зевающим папой, выходящим из кухни.

– Удачного дня! – полетело мне вслед напутствие, когда я выскочила из дверей дома.

А дальше была остановка, к которой я неслась сломя голову, наперегонки с вагончиком, что спешил по рельсам, оглашая улицу своей звонкой трелью и утробно стуча поршнями, которые толкали элементали в недрах его мотора. И хотя согласно всем законам физики, анатомии, магии и здравого смысла я не могла его догнать, но все же

каким-то чудом в последний момент успела вскочить на последнюю ступеньку. Створки за моей спиной со скрежетом закрылись, и я очутилась в тесном пространстве, полном чувств. Ну правда, так страстно прижиматься, дышать прямо в лицо непередаваемым ароматом духов и перегара – на это способны лишь люди и нелюди, которые друг к другу явно небезразличны и что-то испытывают. А любовь, неприязнь или просто раздражение – ну какая, к демонову барьеру, разница?

Вот так мы и ехали несколько остановок подряд, считая, что самые страшные существа в вагончике – это соседи. Ну еще, может быть, кондуктор, курсировавший по салону и распихивавший локтями пюре из пассажиров. Но тут на одной из остановок в вагон, который был не иначе как резиновым, непостижимым образом влезли сразу два класса, спешивших на экскурсию. И тут же стало понятно: до этого момента все происходившее было лишь прелюдией апокалипсиса, а вот сейчас всем дружно наступит полный шумного детского энтузиазма армагеддец!

Из этой толчеи я выбралась чудом. И даже на нужной мне остановке. Причем сразу вся, не потеряв ни кроссовок, ни рюкзака, ни кепки, ни своего здравого смысла и души.

Едва оказалась на мостовой, продолжила свой забег к стенам альма-матер. Пронеслась мимо парковки, где в меня чуть на полном ходу не врезался бронированный чабиль с эмблемой законников. Разминулась с ним в какой-то паре футов. А клаксон и понимание, что будет, если водитель решит меня догнать, придали дополнительного вдохновения моему занятию убегательным видом спорта.

Мысль, что здесь забыли двуединые, царапнула, но мне было сейчас не до хвостатых. Сейчас гораздо важнее – не опоздать на распределение.

Вот такая взмыленная я и примчалась, едва дыша, к дверям кафедры, где уже собрались студенты. Лица у однокурсников были мрачные, из категории «похмельно трезв, хоть и не пил ни капли». И это настораживало. Потому как практика – это вам не молниеносно громыхнувшие экзамены весенней сессии, которые, к слову, были уже давно и прочно прокляты (всецел нашей группой) и пропиты (мужской, то есть почти всей частью оной). Сегодня знаний не потребуют.

– Чего это вы? – выплёвывая воздух пополам с легкими, спросила я, пытаясь отдышаться.

– Катафалк в комиссии, – сказал, как в пентаграмму к демону закинул, обычно шалопаистый Эйкай.

И это при том что сокурсник не терял оптимизма, даже когда перед его носом ректор размахивал армейскими сапогами. Да не просто тряс, а грозил при этом написать рыжему столь хорошую характеристику, чтобы этого талантливого разгильдяя-мага тут же с руками оторвали стражи барьера. И лет на пять упекл... пригласили послужить на благо кантонов – южных приграничных областей нашей страны, после которых начинались пустоши, населенные демоническими тварями.

А тут Эй был серьезен, мрачен и собран. А после его слов и я сглотнула.

– А он что тут делает? Должна же быть... – непонимающе спросила я.

– Заболела она. Слегла, – пояснил Мэт, почесывая голову, волосы на которой были сбриты от кончиков ушей и ниже. Отсутствие шевелюры у парня заменяла густая вязь татуировок, уходивших с шеи на спину и прятавшихся за воротник.

Леди Миртвуд – строгая, но внимательная дама того возраста, когда женщина уже всегда права, но еще не деспотична, – была нашим куратором. Она даже любила нас. По-своему. И на распределении, когда наши личные дела будут рассматривать через лупу, дабы отделить достойнейших среди блатных, а последних – от всех прочих, решающее слово должно было остаться именно за ней, нашим куратором.

И несмотря на ее педантичный и придирчивый характер, мы знали: она будет абсолютно беспристрастна и справедлива. А вот Катафалк... точнее, преподаватель по магической механике – это крышка. Причем для нашей группы сегодня – коллективная. Потому как любимым занятием профессора Ульриха фон Грейта была ненависть. И он отдавался ему всей душой.

Магистр, мягко говоря, не любил студентов, считая всех и каждого тупицами. Зато обожал власть. А поскольку до руководящих должностей его, слава святым шестеренкам, не допускали, то он повелевал адептскими умами. Хотя, чего не отнимешь, Грейт являлся

талантливым и сильным магом, одним из лучших в стране в области артефактной механики.

В общем, он был одновременно и редкостным специалистом в своем предмете, и гадом. В последнем я убедилась лично. Причем дважды. На зачете и на экзамене. Оба раза, выходя из кабинета, я слышала его крик: «Низший балл! На передачу!» И это при том что я все прекрасно знала... Просто больше всех остальных людей и нелюдей Катафалк ненавидел женщин. Считал, что наш мозг просто не способен вместить гений инженерной артефакторики. А еще мы могли внезапно родить, выскочить замуж или иным способом отвлечься от специальности... И получится, что Грейт потратил свой преподавательский труд впустую. А профессор зазря даже не моргал. Поэтому предпочитал минимизировать убытки заранее.

Именно благодаря его стараниям в группе из семи поступивших девушек осталось всего две. Я, оба раза сдававшая его предмет при комиссии из нескольких преподавателей, и дочь главы министра финансов. Ей профессор в зачетке вывел с первого раза «удовлетворительно». Вот только не знаю, при этом что больше скрипело: ручка о бумагу или его зубы.

Дверь аудитории открылась, выпуская бледного Орта, который шагал вперед, не глядя шоркая подметками по паркету. Однокурсники накинулись на него, как стервятники на свежий труп. К слову, вышедший не сильно от мертвяка своим видом и отличался.

– Ну? Как? – понеслось со всех сторон в разных вариациях.

– Стомбриджская мастерская. Артефакторика разрывных механизмов, – почти беззвучно просипел адепт, ослабив узел галстука, словно тот являлся висельной петлей, едва его не удавившей. К слову, Орт был из семьи потомственных магов-оружейников.

– Ну ясно, папенька поспособствовал, – донеслось откуда-то сзади.

И в ответ на эти слова у Орта сначала заалели кончики ушей, а потом он весь вмиг из белого как мел превратился в перезрелый, готовый вот-вот лопнуть и заодно забрызгать вокруг алым соком злого отчаяния помидор.

– Наплюй на него. – Я хлопнула Орта по плечу. – Тебе и без фамилии отца прямая дорога в оружейники. Северную же башню, кроме тебя, больше никто разворотить не смог.

Он понимающе улыбнулся: то его экспериментальное заклятие и правда оказалось уж очень забористым. Даже безопасники им заинтересовались. Так что это распределение было целиком заслугой самого Орта, а не его фамилии.

Парень усмехнулся и со словами: «Жду тебя в “Глотке храбрости”» – растворился в толпе.

Следующим, приложив дверью о косяк, а всех остальных – матерком, явил себя одноклассникам стоеросина Стронс.

– Демонов погодник! – взревел он, не дожидаясь вопросов. – Меня! Почти отличника – и вшивые амулеты для дождя настраивать.

М-да... Наш хорошист, активист, немного стукач и староста негодовал на весь коридор. Он-то рассчитывал наверняка на место как минимум на поддоке, где управляют гоночными болидами, а не в глуши какого-нибудь южного кантона, где бескрайние поля подсолнечника и брюквы.

Третий, появившийся из дверей, Малыш – так звали в группе детину Лока, в прошлом мага-боевика, отслужившего пять лет у границы барьера и потерявшего там ногу, – широко и счастливо улыбнулся:

– Бытовик, – и с этими словами сгреб меня, стоявшую рядом с входом, в охапку и закружил.

Причем стиснул так крепко, что я даже пискнуть не смогла. Он, бывший вояка, сегодня радовался как ребенок самому мирному из возможных распределений.

– Буду в «Глотке храбрости» с ребятами. Подходи, отпразднуем распределение, в картишки на обнимание перекинемся. – И хулигански, чисто по-дружески подмигнул.

Так, похоже, что мои приятели, пока я усердно опаздывала, перед дверями кафедры успели кое о чем договориться...

Но я даже не начала как следует обдумывать эту мысль, как двери вновь распахнулись и из недр кафедры прозвучало:

– Следующий!

– Иди, мелкая, не бойся. – И Лок дружески подтолкнул к порогу, напутствовав: – Там Катафалк, конечно, звереет, но и нормальные маги тоже есть.

Кто эти загадочные «нормальные», я узнала спустя несколько секунд, когда стояла по центру зала перед столом, по ту сторону

которого собралась комиссия. Главенствовал ректор. А справа от него, приосанившись, гордо восседал Катафалк. Слева – декан нашего факультета артефакторов, магистр Хрумс.

– Назовитесь, – проскрипел не хуже, чем несмазанные двери лифта, старичок-секретарь.

– Драккарти, – от волнения мой голос вышел на пару октав выше, отчего вздрогнули все присутствующие. А я почувствовала, как одиноко прозвучала фамилия, и добавила: – Дэйна Драккарти. Вторая группа! Артефакторский факультет!! Четвертый курс!!! – мой голос набирал не только уверенность, но и громкость.

А Катафалк все больше морщился, словно я не говорила, а гвозди забивала. Причем в его личный гроб.

Секретарь на удивление по-юношески шустро зашелестел бумагами, отыскал среди личных дел папку, подписанную моим именем, и подал ректору.

Председатель комиссии посмотрел на подношение. Потом на меня. Еще раз на жиденькую папочку и наконец ее открыл. Потянулись томительные минуты молчаливого ожидания, во время которых меня раз двадцать сличили с написанным на листах. Как будто сомневались: а это точно она? В смысле я. В очередной раз, когда на моей скромной персоне в кепке задержался долгий, препарирующий взгляд, я не выдержала и ляпнула:

– Здравствуйте.

– И вам не хворать, – отозвался ректор и менторским тоном добавил: – И о каких своих талантах вы нам поведаете, госпожа Драккарти?

А я посмотрела на преподавателя по механике и поняла: что бы я сейчас ни произнесла, это будет вывернуто наизнанку, исковеркано и использовано против меня Катафалком, на губах которого уже играла предвкушающая улыбка. И я уже набрала побольше воздуха в грудь, чтобы выдать какую-нибудь до оскомины очевидную банальщину, с которой мой верный враг поспорить бы не смог, в духе «я девушка, а не юноша», как была перебита на первом звуке. И кем! Деканом Хрумсом.

Он вдохновенно начал вещать, какая я умница и слегка чокнутая молодец. И что статья по мотивам моей курсовой, посвященной смазочным плетениям, удостоилась публикации в научном магическом

вестнике рядышком с трудами архимагов. А я сама заняла почетное первое место (угу, среди двух участников!) в конкурсе артефакторов-конструкторов. К слову, в оный меня загнал... записала куратор лишь по той простой причине, что сие мероприятие было организовано в срочном порядке для имитации бурной внеучебной деятельности факультета перед нагрянувшей проверяющей комиссией. Призом являлось исключительное «спасибо». А опытные образцы для конкурса предлагалось тестировать в такой глухомани, о которой даже демоны имеют ну очень смутное представление. В общем, участвовать в этом балагане никто по доброй воле не хотел. Вот и пришлось нам с Отром отдуваться.

Меж тем декан, словно я лично дала ему взятку в особо крупном размере или пригрозила в темной подворотне монтировкой (а может, и то и другое сразу), пошел на новый виток. Он пел оду мне – умнице, участвовавшей в государственном гранте и награнтившей там аж на стипендию мэра. А как я талантливо играла в студенческом спектакле труп... И мои искрометные эпитаф... то есть эпиграммы... Декан едва по памяти не зачитал одну из них, но вовремя опомнился и продолжил мое восхваление, но уже без цитирования оригинальных версий, упирая больше на учебу. Дескать, в моей зачетке только две сомнительные записи профессора Катаф... в смысле Ульриха фон Грейта. И то те пересдачи были на отлично!

– Господин Хрумс, спасибо, мы поняли, что перед нами выдающаяся адептка, – оборвал моего нечаянного заступника ректор.

Выдающаяся адептка в моем лице потупилась. Катафалк отчетливо заскрипел зубами, а потом, словно что-то вспомнив, просиял.

В наступившей тишине раздался его голос, в котором мне почудилось ехидство:

– Думаю, именно такая выдающаяся адептка подходит для запроса, который нам отправили в этом году законники. Им как раз нужен артефактор-эксперт...

Мысленно взвыла. За что?! Я не смогу пройти там стажировку. Просто НЕ СМОГУ!

Это же оборотни! Сильные мира сего. Закон и порядок. Защита для слабых. А люди были слабее двуликих. Большинство мужчин – так точно. А уж женщин – тем более. И в чем единственном человеческие

девушки хороши, по мнению двуипостасных, так это... как бы поприличнее выразиться... в нечленораздельных беседах на горизонтальной плоскости, заканчивающихся увеличением разнообразия генофонда. Вчерашний вечер, когда пришлось удирать от любвеобильных хвостатых по воздуховоду, стал наглядным подтверждением этой истине.

Поэтому сомнений не было: оборотни в оперативном отряде меня, мягко говоря, не воспримут всерьез. И это помимо того, что для работы экспертом нужен опыт. И не только магической практики. Но и оперативной. Громила Лок гораздо лучше подошел бы для работы в боевом отряде двуликих. И по дару, и по... кхм, габаритам. Но не я, пигалица.

В ушах зазвенел голос Катафалка и его коронное: «На пересдачу!..» Вот только это не экзамен или зачет, который можно сдать комиссии.

Непройденная практика – это автоматом отчисление. И второго шанса поступить на бесплатное отделение у меня уже не будет. И мало того – придется вернуть все деньги, которые государство потратило на мое обучение. Ведь причиной, по которой я не доучилась, будет не болезнь, катаклизм или иные не зависящие от меня обстоятельства, прописанные в учебном договоре. Нет. Моя неуспеваемость.

И вообще, какого демона безопасники берут к себе на практику? Хвостатые раньше никогда не присылали заявок...

Тысяча и один вопрос пронеслись в моей голове в этот миг. Но сказала я совершенно другое:

– Боюсь, что мой уровень...

– Уровень дара для мага вторичен, – перебив меня, возразил Катафалк. – Главное – как им пользоваться. А вы у нас, милочка, особо ценный интеллектуальный кадр...

Этой сомнительной похвалой Катафалка я и подавилась, закашлявшись. А ректор, которому меня рекомендовал один из лучших специалистов магической механики, отчеканил:

– Драккарти – распределение: служба безопасности. Артефактор-эксперт.

И его слова тут же записал секретарь. Зачарованным пером. В приказ. А приказы, увы, не обсуждаются не только на войне, но и в рамках учебного устава.

Это уже позже я узнала, что законники сделали запрос вынужденно: из-за недавнего прорыва барьера больше половины артефакторов, кто был в звании, срочно мобилизовали. Их отправили на границу для восстановления сети защитных артефактов после прорыва, о котором в столице не слышали, потому как в новостях о нем и не упоминали.

Но преступности в столице после прорыва не убавилось, и экспертов катастрофически не хватало. Вот только обычно на эту должность шли не просто маги с сильным даром. А опытные, матерые, с большим опытом работы с разными, совершенно разными артефактами.

А пока же мне вручили конверт с адресом, куда нужно прибыть, и направлением, в которое вписано мое имя. А еще к окончательной и беспробудной «радости» я узнала, что, в отличие от остальных, моя практика начинается уже сегодня. И в полдень я должна уже быть как штык в участке.

Все это я слушала, глядя на улыбающегося Катафалка, и думала, что стоит подналечь на боевые заклинания и проклятья.

Глава 2

Выйдя из дверей, я поняла, что спонсором сегодняшнего дня являлась невозмутимость. Невозмутимость – не моя, вот я и бесилась. От души. Рука непроизвольно смяла конверт.

– Ну? Чего? Как? – за порогом на меня накинулись одноклассники.

Я промолчала, решив, что заговорю тогда, когда мои мысли станут хотя бы немного цензурными, этичными и политкорректными. И лишь выйдя из академии, выдохнула. Достала из кармана амулет связи и, выбив на нем большим пальцем замысловатую дробь, позвонила Локу, чтобы предупредить: в «Глоток» я сегодня не приду.

И лишь когда закончила разговор и отняла от уха переговорник, вспомнила о конверте, который все еще держала в другой руке. Убрав артефакт, вскрыла печать и, вчитавшись в строки, поняла: если не хочу опоздать еще и на саму практику, то задерживаться не стоит.

Квартал источников, где располагалось центральное отделение законников, находился хоть и недалеко от района Груши, в котором я сейчас была, но медлить все же не стоило. К слову, «Груша» получила свое название не из-за аллеи одноимённых деревьев, которые тут могли бы расти, а исключительно за свою вытянутую вдоль набережной форму, чуть расширяющуюся к устью залива, с которого сейчас дул свежий ветер.

Ему навстречу я и повернулась. Злая, голодная и решительная. Но голодная – больше всего. И тут вспомнила, что в кошельке у меня осталась пара центов. Стипендия обещала быть на днях. А деньги, которые я получала, помогая в ремонтной мастерской чабилей «Спич и партнеры», тут же кончились, стоило мне отложить подработку из-за экзаменов. И я осталась на мели.

Есть хотелось. Еще, как назло, горячие хот-доги, которые продавали прямо на улице, так и манили своим ароматом. Но я лишь мужественно сглотнула слюну и решила, что раз нет денег, то стоит хорошенько подумать. Ведь идеи, как известно, кормят. Поэтому пусть сегодня меня питают размышления. Например, как пройти эту демонову практику.

И я даже попыталась найти позитив в сложившейся ситуации: не на границу барьера, за которым беснуются демонические твари, меня же отправили, в самом-то деле. Всего лишь какие-то оборотни. Много здоровенных оборотней. Сильных. Матерых. Хищников.

Ветер дул в лицо, но я лишь ниже надвинула козырек бейсболки. Как там говорят двуликие: блохи наши дела? Плевать, прорвусь!

Впрочем, моя решимость слегка поугасла, когда я добралась до здания из красного кирпича, располагавшегося в самом центре города. «Центральное отделение правопорядка Нэйлы» – информировала вывеска над входом.

Предъявив на входе направление на стажировку, я была бдительно осмотрена и отчасти даже обнюхана оборотнем в форме. А потом мне выписали временный пропуск и сообщили, в каком кабинете я могу найти свое временное начальство – Гаррина Торкра, начальника отдела безопасности.

В дверь, на латунной табличке которой было выгравировано это имя, я и постучалась спустя пять минут и, услышав «Войдите!» – толкнула створку.

– Здравствуйте, – произнесла я, как с обрыва сиганула. – Меня зовут Дэйна Драккарти, и я прибыла для прохождения практики по распределению из магистери-и-и...

Последние звуки я договаривала, глядя в начавшее звереть начальство. Натуральным образом звереть. Верхняя губа внушительного, заматеревшего офицера приподнялась, обнажая сахарно-белые клыки, черты лица заострились, и на скулах даже проступила шерсть. Еще немного – и оборотень точно перекусил бы дымившую сигару, которую до этого курил. Но быстро совладал со вспышкой гнева.

И по этой его реакции я поняла: характерами с начальством мы сойдемся. Причем врукопашную. Я с прищуром, оценивающе прошлась по внушительной, состоявшей, казалось, целиком из накачанных мышц фигуре оборотня, словно прикидывая, какое оружие в этой словесной битве выбрать: колкости и сарказм или надо пока ограничиться предупредительным пуском слезоточивого газа. Потому как зачет мне нужен был до смерти. Желательно – не своей. И я приготовилась за него сражаться.

– Они там совсем ополоумели, что ли? – рыкнул он то ли на меня, то ли на всю вселенную разом и тряхнул русой шевелюрой, в которую уже успела забраться седина. – Я же просил ОПЫТНОГО эксперта, а не сопливое недоразумение...

– Я понимаю, что хотели вы опытного, а случилась я, – с этими словами положила перед сидевшим за столом обратном направлением, – но если вы напишете отказ, то наверняка пришлют кого-то другого из выпускников.

На меня посмотрели так выразительно, что сразу стало понятно: этот оборотень из породы тех вспыльчивых мудрецов, которые воспринимают глупость подчиненных как неизбежное бытовое зло. Такое, которое нельзя искоренить, а можно лишь возглавить. И я, глядя на двуликого, лоб которого прочертили несколько морщин, могла поспорить: спроси офицера, что он думает о своих служащих, Торкр наверняка ответит, что думает не о, а за них.

– Ты сама-то веришь в то, что только что сказала? – скептически уточнил он, переходя на «ты».

– В то, что вы напишете, или в то, что пришлют? – вопросом на вопрос ответила я, изогнув бровь. Панибратски отвечать своему пока что слегка теоретическому начальству у меня язык не поворачивался.

– Пришлют... – он выдохнул это слово с клубами крепкого табачного дыма и добавил: – Скорее уж пошлют. И куда подальше, раз сейчас направили сюда такое недоразумение, как ты. Хотя формулировка была четче некуда. Я просил ЛУЧШЕГО... И если посчитали, что ты – оно самое и есть, то, подозреваю, второй вариант будет еще хуже... Нет уж. Да и с этими заменами проволочек столько... А у меня дела раскрывать надо. – Он ткнул на внушительную стопку отчетов. – И с каждым днем их все больше! Так что работы в отделении, как половину артефакторов мобилизовали, столько, что напрактикуешься выше крыши... Лучшая выпускница академии, – последние слова он произнес, как приговор вынес.

А затем решительно потянулся к переговорному артефакту и, несколько раз стукнув по нему пальцем, приказал:

– Элиния, милая, вызови ко мне в кабинет Рида.

Женский голос из динамика мышкой пискнул: «Сейчас сделаю», – и отключился.

– Ну а пока мы ждем твоего няньк... кхм, – мое начальство, уже не теоретическое, а похоже, что вполне реальное, на миг задумалось, будто подбирая слово, – куратора практики, расскажи-ка мне, – двуликий глянул на измятый лист направления, видимо, затем, чтобы прочесть имя, и тоном «ну раз послали к демонам, то добро пожаловать» добавил: – Дэй, расскажи-ка мне, что ты за человек. Желательно для краткости – одним словом.

То, что мою расу он определил точно, не удивляло. Потому как двуликие, которых до оборота от людей и не отличишь, магией не владели в принципе. Они и без нее прекрасно обходились. И в схватке двуипостасного с чародеем я бы лично поставила на первого. Ибо магия магией, а аркан еще нужно успеть накастовать. А когда на тебя летит живая машина убийства, способная вмиг перегрызть глотку (а с ней, перфорированной клыками, заклинания, увы, не читаются), почему-то чаще срабатывают убежательные, а не убивательные навыки.

А я была чародейкой, артефактором. У меня об этом даже бумажка имелась. Хоть и сильно мятая, словно ее виверна жевала. Причем с особым остервенением.

Так что оборотни из моей расовой индексации выпадали однозначно.

На вампирессу же я не походила цветом загара. Для истинной фэйри – не вышла ни ушами, ни дурь... пардон, величием. Да и редкими гостями были дочери дивного народа, предпочитая жить среди сидхэ, а не людей.

Будь я драконицей, то явно практику проходила бы не здесь, а на границе южных кантонов, сражаясь с демонами, стремящимися прорвать барьер. Ибо крылатые обычно рождались с тремя, а то и четырьмя кольцами дара.

К слову, эти самые кольца проявлялись лишь во время кастования заклинаний. Они возникали вокруг запястья мага светящимися обручами, один внутри другого, так что центром первого из них была рука самого чародея. И чем этих энергетических орбит больше, тем выше уровень дара.

У меня же в детстве, когда проснулась магия, зажглась лишь точка. Со временем и упорными тренировками, которые не давались без боли, рядом с этой самой точкой появились еще семь. И я искренне надеялась, что они замкнутся в единое звено до того, как возможный

рост дара прекратится. Чаще всего у людей это порог тридцатилетия. У других рас – чуть дольше.

Поэтому моей целью было получить звание мастера первого круга, сделать то, о чем папа, обладатель трех точек, мог только мечтать... Хотя и его дара хватало на то, чтобы выполнять свою работу на отлично и без звания, и без диплома академии.

– Ну-с... – напомнил о себе оборотень, рассматривая меня с энтузиазмом орнитолога, в силки к которому случайно залетел здоровенный дракон.

– Описать себя одним словом? – усмехнулась и без тени сомнения и самомнения ответила честно: – Мудрая... Могу и намудрить, и умудриться, – попыталась я предостеречь оборотня от необдуманного шага принятия меня на практику.

– Без пояснений было бы лучше, – фыркнул двуликий, не проникнувшись увещанием. – Но зато у тебя с юмором все в порядке... А без него, паскуды, в нашем деле туго. Он нам помогает выжить, пережить и даже дожить до...

До чего именно дожить: до пенсии или нервного срыва, оборотень, правда, не уточнил. Ему помешал стук в дверь. А после короткого командного «Войдите!» в кабинете появился высокий широкоплечий офицер, чей рельеф мышц не способны были скрыть ни форменная рубашка с закатанными по локоть рукавами, ни брюки.

Бугры мускулов, переплетения сухожилий перекатывались под бронзовой кожей. При этом вошедший двигался с бесшумной кошачьей грацией хищника. Такой, которая неизбежно появляется у всякого, кто проводит время скорее не со штангой в тренажёрном зале, а в спаррингах на татами.

Каждый жест этого оборотня дышал свободой, уверенностью, легкостью. Я посмотрела на его руки... Сильные. Привыкшие к работе. Разной работе. Отчего-то я не сомневалась, что они не дрогнут и от отдачи чарострела пятидесятого калибра и с ловкостью вскроют капризный тонкий и строптивый механизм секретного замка. Может, такая уверенность поселилась во мне потому, что я уже видела подобные ладони у мастеров-артефакторов и пальцы, которые были способны и удержать дьявольский напор взбесившегося в поршне элементаля, и прикрутить шестеренку, которая размером чуть больше капли воды.

Мой взгляд поднялся выше к локтю, по плечу. Скользнул на шею, и тут... Я судорожно сглотнула. И вовсе не из-за демоновых феромонов двуликих, от которых порою девушки забывали все на свете, превращаясь в охочих до любви весенних кошек.

Нет.

Я узнала три царапины. Потому как именно я их вчера и оставила.
– Офицер Стэйн. Ты просил артефактора для дела по Оку Урнир. Вот, получите и распишитесь.

Двуликий ткнул в мою сторону дымящей сигарой.

И я ощутила на себе холодный, циничный взгляд синих глаз. Этот Стэйн рассматривал меня. Пристально. Остро. Неотрывно. Отчего мне захотелось поежиться. А еще – создать парочку защитных плетений. Ну или хотя бы заиметь в руках вот прям в этот самый момент гаечный ключ, а лучше – ломик.

Узнал или нет? Казалось, этот вопрос бился в моей голове, суматошно ударяясь о виски и перепонки. По ложбинке позвоночника пробежала капля холодного пота. Секунда. Вторая. Третья. А по ощущениям – годы, за которые моя совесть дошла до столь высокого напряжения, что могла и убить. Морально.

Мне было жутко. Что там у этого брюнета на уме?

– Теперь ты, Рид, за этого специалиста отвечаешь свой башкой, – оценив реакцию враз помрачневшего подчиненного тоном «Ты не рад? А придется!» пророкотало начальство, добавив: – И задницей тоже отвечаешь! Сейчас введешь Драккарти в курс дела. Покажешь, где, что в отделе находится. И да, на склад за формой отведешь... Вопросы есть?

Надо ли говорить, что я тут же удостоилась еще одного раздраженного взгляда брюнета. Вот как пить дать, этот законник первое, что сделает, едва мы выйдем из кабинета Торкра, укажет мне вектор движения на три буквы.

– Никак нет, – баритон поцарапанного оборотня вроде и прозвучал негромко, но столь отчетливо, что невольно закралось подозрение: а точно ли Торкр тут главный?

– Порычи мне тут, – прищурилось официальное начальство. Впрочем, совершенно беззлобно. Словно учитель, только что преподавший урок талантливому, но своевольному ученику.

– Разрешите идти? – выпрямил и так идеально ровную спину Стэйн.

– Свободны. Но вечером, Рид, жду от тебя отчет по вчерашней... – отставив сигару, двуликий потер подбородок, словно подбирая обтекаемое слово, – ...операции.

Мой... кхм... куратор и по совместительству громадная, просто-таки вселенского масштаба неприятность, лишь коротко кивнул и вышел. Я – за ним.

На удивление, по коридору шли в молчании. Предупредительном таком. Которое сближает двоих примерно так же, как снайперский прицел. Полулетально сближает, поскольку один из пары на конец randevу все же остается здоровствовать.

– Мы с тобой раньше не встречались, пацан? Ощущение, что я тебя где-то видел?

От таких вопросов, внезапных, как кусок известки в чашке утреннего кофе, я едва не споткнулась. Какой я, к ржавому поршню?.. Нет, определенно, прежде чем задавать подобные вопросы, нужно предупредить в духе: «Внимание! А сейчас готовьтесь обалдеть, очуметь и слегка так прифигеть...»

И лишь потом до меня дошло: оборотня обманул внешний вид «специалиста». Я была в безразмерном свитере, таких же джинсах и бейсболке. Так что... Но он же оборотень! А двуликие по запаху должны отличать... Хотя... тот же Торкр курил. А сигары, по идее, должны были напрочь отшибить ему нюх, если, конечно, вторая ипостась начальства не дельфин. Эти китообразные по природе запахов не чувствуют. Или это дымный запах так перебил мой собственный... Вон как в кабинете табаком разило... Даже у меня, человека, нос зачесался.

– Нет, – кхекнув, чтобы голос звучал чуть грубее, кратко ответила я на оба прозвучавших вопроса. Но не смогла удержаться и добавила: – А разве оборотни курят?

– Редко, – лаконично просветил меня двуликий и наверняка хотел этим и ограничиться. Но, видимо, мой вид был столь выразителен, как у дотошного репортера, который ради сенсации готов не только труп раскопать, но и организовать оный, что Стэйн сподобился пояснить: – У Торкра первый оборот случился не в детстве, а когда ему уже

исполнилось восемнадцать. К тому моменту он уже дымил... И теперь перманентно пытается избавиться от этой привычки.

– Это как? – пытливо уточнила я.

– Пока не узнаешь – не отвяжешься? – прищурившись, уточнил двуликий. – И кстати, как тебя зовут?

– Дэй Драккарти, – я решила слегка подсократить и так не длинное «Дэйна»... На всякий случай, для профилактики завала зачета. Вдруг все же удастся во время практики остаться для моего куратора неопознанной? Как говорится, чего только адепт не сделает ради учебы... Правильно, всего. Даже свое полное имя не назовёт!

– Значит, Дэй... – произнес следом за мной оборотень таким тоном, словно вбил эту информацию в свою мысленную базу данных. Причем навечно, без вариантов удалить, стереть, забыть... – Так вот, Дэй, мой, а теперь и твой начальник пытается бросить курить постоянно. Но каждый раз срывается, когда начинает нервничать... Торкр старается лишний раз не нервничать, но с нашей работой вокруг одни лишние разы. Еще вопросы есть?

Последнее он спросил таким тоном, что мне тут же захотелось отрапортовать: «Никак нет!» Чудом удержалась и ограничилась тем, что помотала головой.

Дальше по коридору двинулись так, что Стэйн шел чуть впереди, а я – на шаг отстав и глядя на его широкую спину, плечи, узкие бедра... Фигура оборотня впечатляла. Да что там впечатляла. Она была эталонным образцом мужского тела. Прямо хоть на выставку скульптур древних атлетов выставляй. Прямо вот в этих форменных брюках и рубашке... только без. Чтобы люди любовались.

Расшалившееся подсознание даже картинку услужливо подкинуло оскульптуренного Стэйна, отчего в горле пересохло и я невольно сглотнула. И чуть не споткнулась повторно, потому как именно в этот момент двуликий обернулся. В его синих глазах на миг за клубилась тьма, а острый взгляд буквально пришил меня. Это длилось всего долю секунды, после чего я надвинула козырек кепки еще ниже. Двуликий ничего не сказал, лишь сжал губы и повернулся обратно, продолжив путь.

А я... я постаралась сосредоточиться исключительно на его темной макушке, посчитав, что так будет безопаснее. И усердно пялилась, пока мы шли мимо кабинетов и через холл, отметив про

себя, что волосы двуликого отливают южной ночью. Такой же густой, чернильной, не разбавленной молочными поденками рассвета. Ну чистый мрак... Хм... Мрак. А этому оборотню подходит.

От размышлений меня оторвала офицер. Она, завидев Стэйна, махнула рукой и прокричала:

– Рид, вот ты где. А я тебя ищу!

Оборотень увидел безопасницу, устремившуюся к нам решительным шагом, и вместо ответа громко, проникновенно чихнул. Оказавшаяся рядом законница даже дернула плечом и поинтересовалась у моего провожатого вместо приветствия:

– Все еще нюх отбит после вчерашнего, Рид?

– Да, – досадливо фыркнул Мрак. – Этот алхимический пожарогасящий раствор весь нос сжег, зараза. Ни низвергнутого не чую... А что, уже весь участок в курсе провала?

– Угу, – поддакнула оборотница. – Пока ты остаток ночи писал рапорт, слухи тоже не дремали, а активно передвигались по отделу. Я бы даже сказала: устраивали забеги по умам.

В том, что она относится к двуликим, даже не возникло сомнений. Поджарая, сложенная из одних костей и сухожилий, с коротко стриженным, абсолютно белым ежиком волос на голове и шрамом через всю левую скулу и дико, прямо вопиюще уверенная в себе, своей силе – она взирала на этот мир двумя абсолютно разными глазами: одним человеческим, с зеленой радужкой, а вторым – желтым, с вертикальным змеиным зрачком.

Лишь позже я узнала, что второе око Миникре Риру досталось по наследству, когда ее вытащили полуживую из-под шквального огня. Тогда случился очередной прорыв барьера. В бою она лишилась глаза, пары ребер, нервов, юношеских иллюзий, зато заимела седину.

Целитель, к которому оборотница попала на операционный стол, собрал ее кости, а глаз позаимствовал у погибшего в той же стычке дракона, успевшего начать частичный оборот. В нем-то зрачок и застыл. Навсегда. Вот только когда Риру встала с койки, к военной службе оказалась уже непригодна.

Она перевелась на гражданку, в департамент правопорядка. Пришла в кабинет Торкра, и первое, что тот ей заявил, глянув на ершистую оборотницу: «Не приживешься». На что Риру безапелляционно ответила, указав на свой драконий глаз, что раз у нее

он прижился, то и она сама тоже. Причем в любом месте. Даже если с одного кого-то придется выдавить, как какой-то гнойный прыщ.

В общем, бросила вызов начальнику стаи... пардон, отдела правопорядка по всем правилам обратной. Надо ли говорить, что с тех пор вот уже несколько десятков лет эти двое, хоть и работали бок о бок, друг друга недолюбливали.

– Эти... репостники, – ни на что не намекая, но точно охарактеризовав местных сплетников, двулика хмыкнула и кивнула на сидевших в столовой безопасников. Через распахнутые двери их было отлично видно сквозь весь холл. Офицеры, как один, сейчас старательно делали вид, что нас не замечают, но при этом едва ли не пряли ушами, явно прислушиваясь. – Все утро только и судачили о грандиозном провале непогрешимого Риднора Стэйна. И хотя подробностей, знамо дело, никто не разглашал, но... Рид, ты сам же в курсе: самая лучшая почва для домыслов – недостаток информации. А у ребят никогда туго с фантазией не было.

– И какие версии? – хмыкнул Мрак с интонацией «трудно придумать что-то настолько глупое, чтобы меня удивить».

– От нанятого по твою душу киллера до ревнивой любовницы, – с готовностью просветила офицер.

Из их короткого обмена фразами я поняла одну вещь: судя по всему, поединок, в который я умудрилась вчера вляпаться, был не просто боем без правил, а какой-то операцией. И мы с Линк ее сорвали...

– Хотя я спешила к тебе не за этим, – меж тем оборвала сама себя двулика. – Дик хотел тебя видеть в допросной. Слабосилок-маг, которого вчера после той пенной заварухи удалось все же замести, начал колотиться. Он сейчас в допросной.

– Понял, – уже разворачиваясь к входу, коротко кивнул Мрак и добавил: – Риру, будь другом. На меня тут стажера шеф скинул. Ну, чтобы я тут желторотику все показал и формой обеспечил...

– Главный решил тебя повоспитывать, назначив нянькой? – понимающе хмыкнула оборотница. При этих словах я удостоилась ее разномастного взгляда. Он прошелся по мне катком – от кроссовок до кепки. – Ладно, так и быть, отведу твоего с-с-стажера на склад, – поняла двулика Стэйна без лишних пояснений. – Но ты мне будешь должен, Стэйн.

Мрак шуточно козырнул двуликой и исчез. А я осталась с оборотницей.

– Ну, пошли... – хмыкнула она и, едва мы двинулись в сторону коридора, с сомнением поинтересовалась: – В боевики?

– Артефактор, – я в ответ с неприкрытым любопытством изучала собеседницу. Не ей же одной пытаться закатать меня в асфальт взглядом.

– А-а-а, значит, в помощь Хуку, – протянула она. – Ну и хорошо, а то старик зашивается один. Да и не в его возрасте по вызовам мотаться... К тому же ты хотя бы одному требованию главного точно соответствуешь...

– Мне сказали, единственное требование было про лучшего специалиста, – с сомнением отозвалась я.

– Единственное? – Оборотница расхохоталась, запрокинув голову. – Да у главного был целый перечень, в котором еще имелись пункты про расторопность, выносливость... Чтобы, значит, специалист от зарядов чарострела мог уклоняться. Длинный список, в общем...

Да уж... Зато теперь я получила ответ на вопрос, почему департамент решил направить прошение Торкра в магистерию. Адепты – однозначно самые шустрые существа в этом мире. Они даже могут находиться сразу в двух местах одновременно: на экзамене и в полной жопе. Причем, судя по размеру последней, подхвостие минимум драконье.

Моя провожатая, несмотря на порой излишнюю язвительность, оказалась неплохой собеседницей. Я узнала, что в отделении есть несколько оперативных следственных групп, а многие оборотни приходили в департамент после службы на границе барьера. Мой куратор, к слову, тоже оказался из бывших военных, как и Риру. И да, между штатскими и армейскими шло негласное противостояние. Не всегда, конечно...

Вот так, за весьма познавательным разговором мы и дошли до склада, у дверей которого Риру меня и покинула. После получения формы мне следовало заглянуть в канцелярию для подписания бумаг и потом отправиться в лабораторию.

Вот только загвоздка вышла сразу же, на первом пункте этого нехитрого плана. Я стояла в новеньких, еще жёстких от фабричной

глажки штанах и куртке и чувствовала себя, мягко говоря, странно. Говорят, что дизайнеры женской одежды создают ее с таким расчетом, чтобы в получившемся образе всегда имелось специальное место для бросания нескромных мужских взглядов. Декольте там, или длина юбки...

Так вот, разработчики моей униформы не стали мелочиться. И это «специальное место» было везде: от обтягивающих мою... кхм, пусть будет бедра брюк до выразительно потрескивающих пуговиц рубашки на груди.

А ведь я попросила свой размер! И именно он был указан на бирке. И длина – ровно моя, но вот объем... Он оказался исключительно мужским. Хотя гоблин-кладовщик с пафосом заявил, что форма универсальная! Причем вручил мне комплект с так гордостью, словно это было минимум знамя. Еще и добавил:

– Смотри, стажер, не посрами возложенных на тебя одежд!

И вот сейчас, глядя на расходящиеся на груди пуговицы, поняла: посрамлю. Обязательно. Как выйду отсюда, так и начну...

Идея пробыть всю практику парнем с каждой секундой становилась все более соблазнительной по причине своей стремительно растущей несбыточности. И дело не столько в спецодежде... Куратор в любой момент может узнать о том, что я девушка. Или другие оборотни...

Вон Риру весь разговор подозрительно на меня косилась. И я печенкой чувствовала, что она поняла: перед ней девушка. Но почему-то двулика не стала уточнять. Может, как женщина, работающая среди мужчин, поняла причину моего маскарада? А может, это лишь плод моего воображения и ей вообще плевать с небоскреба на нечаянного стажера. Но так или иначе, если я продолжу обман, то объяснение с куратором потом получится весьма тяжелым... К тому же главное – не чтобы Стэйн не опознал во мне девушку. Главное – чтобы не учуял ТУ САМУЮ девушку, со вчерашнего вечера.

А это значит, сегодня же вечером мне нужно измениться настолько, чтобы стажировку проходила все же адептка Дэйна Драккарти, но слегка и не она... Запах, цвет моих волос и их длина... Наверное, все. Значит, нужно заглянуть в парикмахерскую и парфюмерную лавку. Ну и глушащий амулет, чтобы чуткий нюх оборотня не смог меня опознать. Его я смогу сделать сама. Для

артефактора создать подобный – все равно что сделать кофе с пенкой: раз плюнуть.

– Ну как, подошло? – проскрипел сварливый голос кладовщика из-за двери с интонацией «катись отсюда поскорее, меня важные дела ждут: кроссворд сам себя не разгадает!» – Распишись давай и мотай отседова... И как енту свою практику пройдешь – не забудь вернуть! А то приходят тут такие вот соплежуи... Новенькое все им выдаешь... А они даже на куртку наработать не успеют, как сматываются. И всю обмундировку с собой утягивают, не думая возвращать!

Мне было не обидно за «соплежуя», но я запомнила. И скривилась: вот почему в детстве, если кто-то тебе не нравился, можно было стукнуть его совочком и засыпать песочком, а сейчас это статья? А гоблин-кладовщик прямо-таки просил лопаткой по голове. Хотя бы чтобы поправить корону на темечке у этой пипетки, вообразившей себя клизмой.

– Не подошла! – мстительно сообщила я.

Ответом мне стал отчетливый скрежет зубов. Новый комплект мне принесли спустя четверть часа проклятий, увещеваний и стенаний. Не сказать, чтобы он сел идеально, но во всяком случае я теперь могла спокойно двигаться и не опасаться, что на мою пятую точку будет пялиться весь отдел. К тому же в ней можно было не бояться, что если вздохну чуть глубже, то нечаянно могу совершить покушение метко отстреливш... точнее, оторвавшейся пуговицей.

Покончив с униформой, я отправилась в канцелярию оформить и там-то узнала, что на время стажировки мне положены дотационные выплаты. И это была самая приятная из всех новостей. А когда увидела сумму своего «жалования», то впечатлилась. Весьма.

И вот так вот, с охапкой форменной одежды и договором в зубах, я наконец добралась до лаборатории, властелином которой был магистр Хук.

Внешность единоличного правителя местной лаборатории идеально подходила для должности главного казначея. Потому как, случись последнему пуститься в бега, ориентировку писать на такого было бы одно удовольствие. Столько особых примет... Это и идеально лысая, как коленка, голова, и белоснежные пышные усы с кустистыми бровями, и бородавка, опять же, на кончике носа. А пергаментная, сморщенная, словно кора столетней липы, кожа?... А хромота? И

радикулит, напоминавший о себе Хуку едва ли не чаще, чем рудничный кашель, душивший старика?.. Ах да, самая главная черта в облике моего коллеги – это характер. Стальной. И дабы оный не подвергался коррозии, магистр Хук его регулярно протирал. Чистейшим спиртом. Изнутри своего организма.

Это все я успела понять за оставшиеся полдня, пока стояла в фартуке из дубленой кожи, очках-гогглах, дыхательной маске и жёстких перчатках и помогала магистру Хуку с анализом обгорелого обломка от тяжеловесного артефакта Элоа.

Сплавленный в пожаре кусок металла, к слову, сначала пришлось разделить рассекателем. Хук, глядя на то, как я привычно работаю громоздким резакон, добродушно проворчал, поглаживая пышные усы:

– Тяжко тебе, мелкая, в профессии придется, ой, тяжко... Но тем, кто поперек тебя попрёт, еще тяжелее будет, – вынес вердикт эксперт и, запустив руку в один из многочисленных карманов на штанах, выудил оттуда фляжку, отхлебнул из нее и крякнул.

Хуку, оказавшемуся троллем, я сразу же решила сказать о том, что стоящее перед ним стажерообразное существо – это девушка. Хотя бы потому, что в отличие от двуликих магистр идентифицировал людей по облику, а не по запаху. А завтра... Завтра частичную смену облика объясню тем, что решила перекраситься в блондинку. Дабы своим видом соответствовать всем тем глупостям, которые могу натворить на стажировке.

Резать и красить свои темные волосы было жаль, но это самая малая из жертв для поддержания конспирации.

А мастер меж тем продолжал:

– Упрямая у тебя порода, Дэйна, наша, артефакторская... Да и руки, смотрю, привычные к ремеслу, будто дюжину лет уже отвертку в руках держишь.

– Больше, – усмехнулась я, закончив с распилом.

– Как так? – удивился эксперт. – Тебе же, небось, около двадцати всего? Когда успела-то? Не с гаечным же ключом в руках родилась? – не поверил он.

– Почти, – усмехнулась я, не став объяснять, что мое детство прошло под треск гайковертов, звон разводных ключей и шум элементарей в моторах. И с инструментами у меня вообще отношения

складывались лучше, чем с людьми. Причем со школы, где я умудрилась расквасить нос сыну директрисы за то, что тот меня попытался травить. Вот только его издевательское «ублюдочная сквырь» я стерпела два раза, а на третий вернула с хуком... За что меня вызвали на ковер и потребовали извинений.

Ну отец, который был в курсе подоплеки произошедшего и, подозреваю, втайне гордился моим поступком, такого требования не стерпел. И тоже ответил все, что думает о мальчиках, которые ведут себя как девочки и прячутся за мамину юбку. Вот прямо так и высказал. Только матом. А потом взял меня за руку и привел в частную школу. Там от меня, дикарки с мальчишеской стрижкой и пацанскими же замашками, все отвернулись. Все, кроме Линк.

И мы подружились. Я к тому времени уже прочно вжилась в рабочий комбинезон, знала тридцать шесть рифм на «...ять» и могла собрать двухтактный двигатель образца «Максус» в абсолютной темноте за час. И Линк, которая чувствовала себя в бутике как русалка в воде, имела первый спортивный разряд по стрельбе глазами и могла из ничего сделать прическу, скандал и ужин.

В общем, столь разительно различающихся девушек было еще поискать. И, скорее всего, не найти. Но Линк, знавшая меня уже давно, привыкла к тому, как я ловко управляюсь с механизмами и чарами. А вот Хук нет. Потому тролль и проявлял такое любопытство.

– А ты не замужем? – еще раз отхлебнув из фляжки, спросил он.

От такого вопроса я чуть резак не выронила. Причем прицельно на голову эксперта.

– Нет, – отрезала я, с подозрением глянув на старика. – И не собираюсь в ближайшее время.

– Что «нет» – это хорошо. Что «не собираешься» – это плохо, – рассудительно ответил тролль. – А то у меня племянник, талантливый алхимик, между прочим, в холостяках непристроенным ходит... – пояснил свою мысль.

После его ответа я не знала, что делать. То ли выдохнуть с облегчением и рассмеяться на этого старого сводника, то ли насторожиться. Ведь тролли весьма упороты... пардон, упорные ребята и привыкли добиваться своего. А мне попался не только упрямый, но и дюже опытный специалист-артефактор, да еще и сват-любитель по совместительству.

И да, мастер Хук действительно в профессии эксперта был отменным специалистом. Факт. В этом я убедилась, когда мы наконец добрались до не поврежденных пожаром деталей обломка. Те оказались от души сдобрены ядом. И нам с Хуком нужно было выяснить, каким именно. И главное – где производят оный.

Аккуратно соскоблив зеленый налет, я положила его на слюдяную пластину и навела спектральную линзу Лораха, пустив через ее кристалл магический импульс.

Магия срезонировала с механизмом, и мы увидели шкалу калибровки, высветившуюся над артефактом.

– Ну, как по-твоему? Что это? – поинтересовался Хук.

Это был вопрос наставника, а не просто опытного коллеги. И я поняла: хоть в чем-то с практикой мне повезло.

А спустя совсем немного времени только укрепились в своем утверждении, когда эксперт лишь дополнил мой ответ по тому, какие элементы и магические составляющие входят в состав анализируемого вещества, и пояснил:

– Присмотришь, Дэй. Это не одна сплошная, а две почти сливающиеся тонкие зеленые полосы в альфа-спектре колорографа. Значит, в состав входит не только триозиновый, но и триозминоидный компонент.

Я понятливо кивнула, вспомнив из курса аналитической магии материй, что упомянутые Хуком вещества хоть и весьма похожи и даже взаимозаменяемы по отдельности, но вместе могут резонировать свойства друг друга и тем не только усиливать действие основного вещества, но и переводить его в парообразное состояние. Главное – подобрать нужные дозы... А это значило, что тот, кто сделала яд, усилил свойства последнего в разы, превратив в газ. Эту мысль и озвучила.

На что эксперт удовлетворенно кивнул и заметил:

– Да, концентрация рассчитана ювелирно. К тому же действие катализатора не повлияло на свойства самого яда. Какого, кстати?

Эксперт хитро прищурился.

– Судя по свечению остальных компонентов спектра... – Я призадумалась. – Это больше всего похоже на полумагические яды норкор, но я бы не исключала и трепс классический. Они весьма похожи в спектральном разложении, катализатором к ним как раз

служит наша триозная пара... Внешне вещества абсолютно идентичны... К тому же оба не разъедают магические связи, которые, как видно по этому обломку артефакта, вполне целые. Зато возбуждающе воздействуют на первородных элементарей, часто приводя последних в состояние плазмы, – глядя на оплывшие бока обломка охлаждающего артефакта, закончила я.

Хук удовлетворенно кивнул.

– Вот только норкор в любом агрегатном состоянии парализует и центральную нервную систему, и периферическую и гарантирует стопроцентную гибель. А трепс в парообразной форме воздействует только на головной мозг, – тролль назидательно поднял палец, – вызывая головокружение, обморок, потерю сознания.

Я же, увы, таких тонкостей уже не артефакторики даже, а скорее целительства, не знала. Этим и отличалась от умудренного опытом Хука, но с жадностью впитывала новые знания.

А еще припомнила, что в новостях и по чаронету не было сообщений о массовой гибели горожан. Зато репортеры упоминали, что на открывшейся пару дней назад выставке, проходящей под зеркальным куполом, из-за жары и духоты посетителям стало плохо и их пришлось даже вывести из зала...

Я критически посмотрела на оплавленный обломок раскуроченного механизма. Если правильно его опознала, то не так давно он было частью охлаждающей установки. Причем, судя по объему куба для циркулирования элементаря, предназначена она была явно не для скромного офиса.

И теперь уже я задала свой вопрос:

– А это, случайно, не из музея? – И кивнула на стол.

– Именно оттуда, – оглаживая усы, отозвался Хук. – Молодец, догадалась.

– Значит, трепс классический, – заключила я.

Вот только если с первой частью задачи благодаря Хуку я разобралась, то со второй – опознать изготовителя яда – боюсь, не справлюсь и разочарую тролля.

О чем честно и заявила. На что эксперт лишь махнул рукой.

– Все на свете знать невозможно, Дэй. Поэтому мотай на ус... кхм... на свои темные локоны, – поправился тролль. – Самое главное из умений в нашей работе эксперта – красиво написать в отчете, что ты

ни хныра забарьерного не знаешь о чем-то, но свою работу выполнил от и до. – И на мой изумленный взгляд Хук пояснил: – Конечно, эти хвостатые хотят, чтобы им на блюдечке с голубой каемочкой имя преступника подали, а уж они его тогда-то схватят... Но мы эксперты, а не боги... И лишь можем предположить – кстати, что именно предположить?.. – он оборвался сам себя, задав мне вопрос.

Я прикинула, кто это мог быть. Наверняка маг. Поскольку для того, чтобы вскрыть такой здоровый артефакт, не повредив плетений, одной физической силы мало. К тому же явно не самоучка, а с классическим, причем скорее алхимическим образованием, чем техномагическим, у которого есть доступ к лаборатории: так точно отмерить соотношение компонентов катализатора на коленке не получится. Что еще?

Я глянула на внушительный обломок... Этакую бандурину за пазухой в музей не пронесешь. К тому же яд сейчас был не в парообразном, а твердом состоянии, неактивный, практически застывший, прикипевший к деталям агрегата. А ведь создатель этого вещества его не так давно намазывал... Как раз накануне, судя по тому, что инцидент в музее произошел дня три назад. То есть четверо суток назад синтезировали яд, совмещенный с триозной парой, и поместили внутри охлаждающего артефакта. И пока тот работал в минусовом интервале температур, был неактивен. Но как только охлаждающий артефакт отключили, сразу же пошла возгонка яда и тот в парообразном состоянии начал травить посетителей выставки.

Именно это я до глубокого вечера и писала в отчете, пока Хук возился со странной шкатулкой – еще одним артефактом, требовавшим внимания эксперта. И как только я закончила свою работу, задала троллю вопрос, который мучил меня последние полчаса:

– А зачем нужно было травить людей?

– А вот это уже, – назидательно отозвался эксперт, – не наше дело. Это офицеры выясняют «зачем» да «почему». Наша задача – ответить на вопрос «каким образом». И мы с ней сегодня справились. И вот в отличие от двуипостасных, которые яда не учуяли своими носами, сделали нашу с тобой работу на «отлично».

И Хук в очередной раз отхлебнул из фляжки.

Я на его заявление лишь хмыкнула, потому как парообразный яд не имел запаха. Лишь легкий дымок, который, полагаю, под

прозрачным куполом и не заметили... Интересно только, почему все же оплавился охлаждающий артефакт? Но этого вопроса я задать уже не успела, потому как Хук, мельком глянув на исписанные листы, скомандовал:

– Отнеси отчет офицеру Стэйну. Он приказал, как только будут готовы результаты, я сразу же ДОЛЖЕН отправить их ему... – Хук произнес это с таким нецензурным выражением лица. При этом в его глазах была бегущая строка сплошного мата. И я сразу вспомнила присказку про то, что настоящий тролль должен... Нет!.. Нет!.. И еще раз нет! Настоящему троллю только должны!

Так, стоит запомнить, что магистр терпеть не может, когда им командуют. Обогадившись сим ценным знанием психологии, я, вновь спрятав волосы под кепку и надвинув козырек пониже, отправилась к куратору с отчетом. Тем более что Хук сказал: как отнесу бумаги – могу быть свободна.

Вот только когда я оказалась в кабинете двуликого и положила ему листы на стол, то услышала:

– Задержись.

Внутри меня все похолодело. Неужели узнал? Вот только оборотень погрузился в чтение. Хмыкнул на второй странице, там, где я писала о предположении, как яд мог оказаться в охлаждающем артефакте, и, отложив бумаги, смерил меня взглядом.

– Старик редко так подробно составляет отчет, еще и делясь предположениями. Да и почерк не его. Сам додумался?

И по этому его «сам» поняла: меня все еще не раскрыли. Эх, поскорей бы отсюда выбраться, а уж завтра я приду обновленной – и отец родной не узнает. Линк в деле преобразований специалист, так что...

– Это лишь предположение... – обтекаемо ответила я.

– Уже не предположение, а подтвержденный факт, – припечатал Мрак и, хмыкнув, пояснил: – Пока вы с Хуком проводили анализ, я осмотрел все камеры наблюдения за последнюю неделю и нашел тех, кто под видом ремонтников вскрывал охладитель...

Завибрировавший артефакт связи, который лежал на столе Стэйна среди бумаг, заставил Мрака прерваться на полуслове. Оборотень взял переговорник, клацнув по центральному кристаллу, и, прижав к уху, отрывисто произнес:

– Слушаю... Есть совпадение по базе? Выезжаем! – И, отключившись, скомандовал уже мне: – Собирайся, пацан. У нас выезд. Ты как эксперт с нами. Через пять минут жду тебя у бокового входа.

Я лишь мысленно взвыла. Вот почему, когда я оказываюсь рядом с этим оборотнем, у меня бывает только два агрегатных стояния: или нет сил, или нет слов? Зато злости – хоть в банки закатывай!

А ведь еще десять минут назад, когда я топала по коридору к кабинету двуликого, у меня было настроение из серии «выйти за хлебушком и случайно улететь на южный курорт». Так вот. Сейчас это было уже не настроение, а заветная мечта. И только. С такими мыслями я вернулась в лабораторию за выездным чемоданчиком, в котором был набор артефактов.

Хук мне его показал еще в самом начале нашего с троллем знакомства, с облегчением выдохнув при этом: дескать, теперь не ему с этой бандурной на место преступления выезжать. И вот сейчас я спускалась на первый этаж, едва не волоча тяжеленный чемодан по лестнице.

На пролете меня догнал Стэйн. Я успела заметить, что через его широкие плечи была перекинута кобура с чарострелом. А на шее, в не застёгнутом на верхние пуговицы вырезе рубашки, виднелась болтавшаяся на кожаных шнурках пара защитных артефактов. От прямого выстрела разрывного пульсара они, конечно, полностью не уберегут, но жизнь законнику сохранят. Вот только пока я оценивала экипировку двуликого, он сам – меня.

Я кожей почувствовала его взгляд. Он прожигал. Настолько, что я ощутила в этот миг каждую клетку своего тела, каждый волос, каждый натянутый как струна нерв. И с вызовом вздернула подбородок, посмотрев в ответ.

На мужественное лицо с четко очерченными губами, которые были сейчас поджаты и казались тонкими, на твердый подбородок, выдававший в двуликом упрямец, на высокие скулы и прямой нос с едва заметной горбинкой. Сейчас Мрак был напряжен. Это выдавала пара шрамов, резче обозначившихся у его левого виска.

Невольно подумала: а сколько лет оборотню? Наверное, около тридцати: явно не юнец, а уже опытный сильный молодой мужчина. Боец. Духом и телом боец. Такой, о котором враги наверняка

отзываются эмоционально и нецензурно. А он о них – исключительно корректно. Но в некрологе.

И вот сейчас, судя по тому, как меня пристально, я бы даже сказала, с ненавистью изучают, закралось подозрение, что одну адептку все-таки разоблачили. И я вот-вот перейду, если уже не перешла, из категории «горе-сотрудник» в «прелесть какой труп».

Нас кисельным варевом обволокла тишина. Вязкая, густая, как и знойный летний вечер, который догорал за окном и обещал пряную, лишенную намека на прохладу и пощаду ночь.

В эту секунду мне как-то резко захотелось вести здоровый, очень здоровый образ жизни. Спортивный такой... И для начала заняться легкой атлетикой. А еще – прыжками через препятствия... точнее – перила. В общем, удрать. И я даже сделала шаг назад, к ступеням лестницы, и почувствовала, что падаю.

Меня схватили за запястье руки, державшей рабочий чемодан с артефактами, не дав пересчитать ребрами ступени. И я почувствовала, насколько горяча сильная мозолистая мужская ладонь.

Оборотень тягуче выдохнул:

– Осторожнее. – В его ставшем отчего-то хрипловатым голосе мне послышалось раздраженное рычание. Словно вынужденное прикосновение разозлило его еще больше. – Давай понесу, а то еще грохнешься с лестницы, недоразумение ходячее, объяснительную потом пиши, как в первый же день умудрился угробить стажера.

И, не дожидаясь моего согласия, Мрак просто вернул меня в вертикальное положение и отобрал чемодан. И вот когда мы очутились во дворе, где уже, как оказалось, нас ждал фургончик чабиля, в недрах которого уже успела разместиться часть оперативной группы, я услышала от двуликого задумчивое:

– И все-таки мы с тобой уже где-то пересекались...

Я, едва не вжав голову в плечи, поскорее запрыгнула в недра машины. Там, на сиденьях, стоявших в два ряда вдоль стен фургона, друг напротив друга уже расположились четверо офицеров. Я примостилась в самый дальний угол и всю дорогу вела себя как самое образцовое кладбище: была тиха и погружена в печаль. Но это не мешало мне прислушиваться к фразам, которыми обменивались оперативники.

Так оказалось, что того самого ядовара уже нашли. Его лицо засветилось на одной из скрытых камер. И сейчас мы ехали проводить задержание. Но поскольку преступник был не обычным человеком, то мог подкинуть магические сюрпризы.

И пусть у всех офицеров были нательные защитные артефакты, но самое лучшее из индивидуальных (да и коллективных) средств защиты опергруппы – это живой артефактор, который может определить источник магической угрозы или не дать ценным уликам испариться, развеяться, самоликвидироваться... в общем, исчезнуть.

Глава 3

Пока мы ехали, я с интересом рассматривала оборотней из отряда, которым руководил Мрак. А четверка двуликих в ответ бросала на меня любопытные взгляды. И наконец один из них – остроносый рыжий парень с россыпью веснушек, который на вид весь состоял из одних костей и сухожилий, – подмигнув мне, поинтересовался у Стэйна:

– Рид, это и есть наш новый специалист в отделе? – кивнув на чемодан у моих ног, спросил он у моего куратора и, словно меня тут вовсе не было, заметил: – Мордашка у нашего артефактора симпатичная...

Ответом ему стал мрачный взгляд начальства. Вот только это ни капли не смутило говоруна. Он, расплывшись в улыбке ловеласа, добавил:

– Представишь нам очаровашку? Нет? Тогда я сам, – протараторил он и без промедления, собственно, и представился: – Зарнир. Абсолютно свободен и не связ...

– Ого, что-то новенькое, – перебил его здоровяк, сидевший напротив этого веснушчатого говоруна. – Обычно ты, Зар, предпочитаешь знакомиться сразу методом тыка и не интересуешься такой мелочью, как имя партнёрши... или партнера, – ехидно закончил громила.

Рыжий досадливо тряхнул челкой, вспыхив:

– Слушай, достал уже вспоминать тот случай! Я в душевой тому упырю клыки выбивал, а не задницу его щупал, когда ты вошел.

– Ну да, ну да... – протянул здоровяк тоном «не заливай».

Вот только по тому, как эти двое препирались – без огонька, скорее по привычке, – стало понятно: подначивать друг друга – это их фирменный стиль.

– Хватит, – выдохнул Мрак.

И оба: и рыжий, и здоровяк – разом замолчали. А мой куратор продолжил:

– Это Дэй Дракарти – стажер. Артефактор. Временный сотрудник, – Стэйн говорил, и каждое его слово, пусть и сказанное

негромко, было словно удар молота по наковальне. – Не приставать. Не обижать. Понятно? – Куратор выразительно изогнул бровь и добавил, в упор глядя уже исключительно на рыжего: – А ты, Лис, усвой эту мысль особенно хорошо. Так же, как твой организм усваивает белки, жиры и углеводы.

Рыжий понатливо кивнул. А потом Мрак, кивнув на понурившегося веснушчатого офицера, начал:

– Этот шустрый, иногда даже слишком шустрый малый, – Зарнир.

– Быстрота для стрелка самое важное, – рыжий все же не утерпел и вклинился.

«Вот ведь бесстрашный двуликий, – подумала я, глядя на Зара, чьи волосы, собранные в короткий хвост, блестели медью даже в тусклом свете чабилья. – И как с таким характером ему еще не свернули шею? Видимо, и вправду отлично стреляет или хорошо бегают. Но, скорее всего, и то и другое».

Мрак, не подозревая о моих мыслях, меж тем продолжил меня представлять своим подчиненным. Хотя его хмурый вид без слов говорил: куратор предпочел бы этого не делать. Видимо, хоть и не унюхал Стэйн во мне виновницу своего ночного провала, но чутье ему все же что-то нашептывало. Иначе откуда такая неприязнь к стажеру?

– Друг Зака, хотя в это и сложно поверить, – взгляд куратора в сторону здоровяка, – Северин.

– Если нужно будет кому-то набить рож... – Громила в последний момент словно опомнился и исправился: – В общем, набить – обращайся.

И он расплылся в щербатой улыбке.

– Мириам. – И Мрак указал жестом на пепельную блондинку с длинной косой. – Отвечает в отряде за слежку.

– Можешь звать меня Мири, – прошелестела она.

– И наконец, Леард, – кивок на кучерявого парня, сидевшего рядом со мной, больше похожего на подростка, чем на офицера-законника, – чувствитель.

Я нервно сглотнула. Да чтоб вас всех грызни сожрали! Чувствитель! Я слышала, что среди двуликих оборотни с подобным даром рождаются редко. Такие, находясь рядом, по твоему пульсу способны определить, лжешь ли ты. Ходячие детекторы правды. То-то теперь неудивительно, что этот кудряш на меня всю дорогу косится.

Хотя обычно такие, как этот Леард, замкнуты и себе на уме: все же жить в абсолютной, обнаженной правде – непростое бремя. Ведь каждый из нас лжет. Каждый день. Хотя бы в мелочах. Чтобы не обидеть, сгладить неловкость... Надеюсь, что и этот оборотень придержит при себе полученные знания. Мало ли с чего я могу испугаться? Например, первого дня стажировки...

– Не стоит так переживать, – словно вторя моим мыслям, произнес Леард и улыбнулся одними только губами.

– Так заметно? – спросила очевидное, лишь чтобы не повисла пауза.

– Если не будешь пытаться разорвать кожу на сиденье ногтями – то не столь сильно, – усмехнулся кучерявый, и я только сейчас заметила, что действительно впиалась ногтями в обивку.

И тут чабиль затормозил.

– Мы на месте. Выходим. Как всегда, я и Сев – впереди. Зар – прикрывает, Дэй, ты за Заром. Мири – замыкаешь. Леард – на тебе вход, – и мне показалось, что Мрак озвучил это исключительно для меня. Остальные и так все знали, безо всяких приказов.

И, увидев, как слаженно действует группа, я лишь убедилась в этом предположении. Предстояло подняться на третий этаж ничем не примечательного подъезда. Он был таким же, как и еще два соседних. Так же расписан граффити. С таким же темным нутром ступенек, напоминавшим промасленные потроха дракона.

Я подняла взгляд на окно, куда несколько мгновений назад указал Мрак. Оно, в отличие от многих, распахнутых по такой жаре, было плотно закрыто и зашторено. Но слабый свет, проникавший через бдительный фейс-контроль гардин на улицу, подтверждал: внутри кто-то есть.

Взгляд мазнул по припаркованным рядом чабиям. Машины стояли плотно друг к другу, почти под самыми окнами. Причем были среди них не только легковые, но и парочка с тентами, разящие рыбой. Видимо, последние принадлежали трудягам-водителям, что на рассвете развозили утренний улов с причала по магазинам, ресторанам и цехам.

Первым шел Мрак. Хотя шел – неверное слово. Он тек. Плавно и стремительно одновременно. Был стрелой, спущенной с тетивы. Нельзя было понять, как у него получалось так перемещаться. Но я

могла лишь четко выделить начальную и конечную точку движения Мрака. А все, что между, – неуловимо, смазанно.

Вторым – громила Северин. Его движения были не такими плавными, как у куратора, но столь же бесшумными. Но если Стэйн и громила держали каждый по одному чарострелу, оставив вторую руку свободной, то у рыжего оружие лежало в каждой из ладоней. И казалось, что оно для смешливого веснушчатого двуликого было не чем-то чужеродным, а естественным продолжением его самого. Барабаны, каждый из которых заряжен шестью разрывными пульсарами, курки, короткие хромированные дула столь же гармонично смотрелись у Зара, как его большой и указательный палец. Убери их – и получишь ущербность.

Почувствовав на себе мой взгляд, Зар на миг обернулся и подмигнул, прошептал:

– Любуешься?

– А как же, – не стала спорить я, ответив на ультразвуке. – Отличные чарострелы.

– Чарострелы? – словно не сразу поняв, что речь не о нем самом, тихо, не нарушая конспирации, переспросил рыжий, но быстро сориентировался: – О да! – с особой, какой-то отческой гордостью, отозвался стрелок. – В них мастер-оружейник вложил душу.

– Причем вложил ее явно не одну. Скажу это как артефактор, – отозвалась я так же тихо. – Создавший их явно был тем еще затейником...

За спиной почудился придушенный смешок Мириам. Видимо, эти самые чарострелы были в отряде той еще притчей во языцех.

Ответить мне Зар не успел, хотя по его лицу было видно, что очень хотел. Его, уже набравшего воздуха в грудь, перебила на первом же, еще до конца не родившемся звуке, команда Мрака:

– Приготовились!

И Стэйн начал беззвучный отсчет, показав сначала три пальца. Потом два. Один и...

Дальше прозвучало четкое громкое:

– Откройте именем закона!

Ответом стала тишина. Переглянувшись и не сказав ни слова, Мрак и громила слаженным движением выбили дверь. А Зар, до этого,

казалось, стоявший еще на ступенях лестницы, вдруг очутился между здоровяком и Стэйном.

Троица вошла в квартиру. И почти сразу же раздалось:

– Раненый!

– Периметр чист!

И я, не думая о протоколах и инструкциях, рванула внутрь. Причем с такой резвостью, словно и не оттягивал руку тяжёлый рабочий чемоданчик. Потому как законником я была всего лишь день. А человеком – всегда. И это простое человеческое – помочь, спасти – и гнало меня вперед, заставив наплевать на возможную опасность.

В гостиную мы с белокурой оборотницей влетели вместе. И если она заозиралась, ища возможного убийцу, спрятавшегося за ширмой или стеной, и переводила пистолет от одного предмета к другому, то мне было не до этого. Все мое внимание было приковано к старику-гоблину, лежавшему на полу.

Он умирал. Его грудь буквально изрешетили пульсарами. А один из выстрелов зацепил еще и шею, порвав вену. И раненый еще не отправился к праотцам не иначе как из одного лишь своего упрямого желания жить. Такого, про которое циничные целители шутят: если пациент настойчиво хочет остаться в этом мире, то помешать ему даже врачевание бессильно, не то что какая-то там смерть.

– Зар, Сев – проверить верхние этажи. Мири – низ. Убийца не мог далеко уйти. Мы с Дэй осмотрим тут все.

Миг – и трое уже исчезли, словно их и не было. А Мрак достал амулет связи и отрывисто бросил в кристалл:

– Капитан первого ранга Риднор Стэйн. Бригаду целителей. У нас тяжелораненый... – и начал диктовать адрес.

Я же в это время склонилась над умирающим. Изрезанные морщинами черты стремительно белеющего лица, на котором отчетливо выделялись окрашенные кровью губы: раненый пытался дышать, но вместе с каждым выдохом выплевывал кровь, которая, похоже, заполнила легкие.

Я судорожно открыла чемоданчик. Есть. Проявитель. И хотя он был предназначен совершенно для другого, при работе заметно охлаждал все вокруг. Сойдет вместо компресса со льдом. Потом постараюсь магией стянуть раны. Пусть я не целитель, но дар-то,

пусть и слабый, все же есть. И первую помощь с использованием чар могу оказать.

Рядом со мной на колени опустился Стэйн. Но что он, оборотень без магии, мог сделать? Как оказалось, кое-что все же мог. Движение двуликого, скорее похожее на легкий точечный удар, и пальцы Мрака пережали вену на шее старика, не позволяя крови вытекать пульсирующим потоком.

Я уже положила активированный артефакт на грудь мужчины, когда мое запястье вдруг схватила крепкая мозолистая рука умирающего. И окровавленные губы едва слышно прошептали:

– Меня хотели обмануть... и слить... Думали продать без старика Дира... Но я их обманул... – Гоблин закашлялся пузырившейся кровью. Но все же нашел в себе силы продолжить: – Теперь не смогут... Отомсти... Гроб... Порт...

Последние слова были больше похожи на бессознательный бред. Нелюдь шептал их, уже закрыв глаза. И я почувствовала, как безвольно опала рука старика, державшая мое запястье. Я не могла осознать... Вот так, только что на моих руках... Был живой – и в следующую секунду уже...

Я сидела перед ним на коленях в ступоре. Голова была звеняще пустой. Наверное, то же самое чувствует целитель, впервые потерявший на операционном столе пациента.

Стэйн убрал пальцы от шеи, на коже которой старческие пигментные пятна перемежались с кровавыми.

– Дэй... Ты в порядке? – вкрадчивый голос оборотня вырвал меня из оцепенения, и в душе стремительно начала подниматься волна.

Мне захотелось заорать, что ни гремлина я не в порядке, но тут я увидела, как из-под кровати вылезает маленький котенок. Он жалобно и почти беззвучно пискнул, а потом за его спиной раскрылись крохотные кожистые крылья. Видимо, для баланса, чтобы не упасть. Эту же функцию выполняло и торчащее пикой скорпионье жало, заменявшее типичный для котят хвост-морковку.

Манतिकоренок, а это был именно он, на шатающихся лапках, готовый в любой момент завалиться на пол, подошел к нам и остановился, чтобы еще раз жалостливо мяукнуть.

– Остался без хозяина? – спросила я, склоняясь над мелким. Надо же, даже у прожжённых преступников могут быть вот такие

привязанности. Маленькие и беззащитные.

Я протянула руку к нему, чтобы взять, и увидела, как под кроватью, из-под топорщащейся половицы, поднимается белесый дымок. Вот только запаха я не ощущала. Зато голова начала кружиться.

Перед глазами встала картина оплавленного бока охладительной установки... Усилием воли я запустила поисковый импульс. И за миг до того, как пришел отклик, я почувствовала, как под досками активировался гигантский механизм из тех, которые до определенного момента не распознать никакими сверхчувствительными артефактами. Потому что они не активны. Но смерть хозяина запустила обратный отсчет...

Не иначе как маг, заподозривший что-то, приготовил сюрприз для тех, кто придет по его душу. Но его убийцы об этом знали, раз оставили раненого истекать кровью, а не пристрелили сразу, тем дав себе время, чтобы уйти. А вот мы с Мраком...

– Сейчас здесь все взорвет...

Но мы не успели. Я не договорила, когда со стороны входа раздался взрыв. Брызнула щепка, взметаемая к потолку клубами пламени. Как в замедленной съемке, я увидела мчавшуюся из коридора стену огня, которая отрезала путь к спасению.

Она еще не дошла до нас, но ее жар уже сжигал кожу. А половицы продолжали взмывать вверх, выворачиваемые ударной волной. Я открыла рот в беззвучном крике, когда сильная рука схватила меня за шкуру.

Рывок – и два тела: мое и оборотня, – в прыжке выбили собой окно. Звон стекла резанул по нервам. Языки пламени опалили спину, а потом нас ослепила яркая вспышка, залившая своим светом едва ли не весь район, – это сдетонировал огненный элементаль, находившийся в духовом шкафу.

И, уже летя вниз и ничего не видя от выжигающего саму ночь яркого пламени, я успела подумать: если двуликий и выживет, то человек при падении с четвертого этажа – нет. Я – точно нет.

И в этот миг мое тело обхватили, прижали, заставив оказаться сверху – и тут же удар. От которого воздух вылетел из легких, заставив... закашляться? Следующий вдох мне дался с большим трудом. Но дался! А я, глядя на огонь, вырвавшийся из окна четвертого этажа, ощутила, что лежу на чем-то твердом, вздымающемся и

подозрительно напоминающем мужскую грудь. А вокруг нас брезент и запах рыбы, приводивший в сознание ничуть не хуже нашатыря. Мы упали на тент малого грузового чабиля... Но промахнись оборотень парой футов – и удар пришелся бы о мостовую.

Я обессиленно скатилась с двуликого и облегченно выдохнула: жива! Вот только радость моя длилась ровно до фразы Мрака:

– Так, значит, вчера это была ты...

И я запоздало почувствовала, что на мне нет кепки, а волосы... они разметались по плечам. Повернула голову, очутившись лицом к лицу с оборотнем, и... Взгляд Стэйна был настолько тяжелым, что мог притопить меня в водах стальной Орты ничуть не хуже тазика с цементом...

– Я не говорила, что у меня клаустрофобия? – выпалила я, прикидывая, как бы мне удрать отсюда. Ну или атаковать. Хотя бы словесно. Пока мне не начали убивать.

– Здесь нет замкнутого пространства, – прищурившись, отозвался оборотень, пристально глядя на меня и не давая сбить себя с толку.

– Зато в гробу, в гробу есть. И очень замкнутое! А с такой стажировкой домовина мне будет обеспечена!

– Мяу! – солидарно пискнуло откуда-то сбоку. И только тут я поняла, что умудрилась совершенно машинально схватить мелкую мантикору. Вот чемоданчик с рабочими артефактами, за порчу которых меня, даже мертвую, Хук поднимет, чтобы еще раз лично угробить, – нет, оставила. А пушистость...

– Мр-р-р... – Переминая на месте лапками, словно собиралась прямо тут, на брезенте, устроиться, мантикора смотрела на меня преданными и столь честными глазами, что сразу стало понятно: передо мной та еще хитрюга.

Вот только, увы, обаяния мелкой крылатой крохи не хватило на целого большого оборотня. Потому как Мрак вдруг оказался нависшим надо мной, словно скала. И я услышала:

– Кто тебя подослал? Рохт? Отвечай! – Если бы мы стояли на земле, а не на натянутом, словно батут, брезенте, то, может, оборотень меня еще и за плечо тряхнул бы. Но с учетом моего положения я отлично «тряхнулась» без его помощи. Сама. Всем телом. Лишь чуть попытавшись отползти.

– Кто? – не поняла я.

– Не лги мне, девочка. Вчера ты сорвала мне внедрение. Сегодня по невероятному совпадению оказалась в моей команде, еще и притворяясь парнем...

– Еще скажи, что я и этот взрыв организовала! – рявкнула в ответ, упершись руками в брезент и поднимаясь.

Точнее, попытавшись подняться. Потому как этот гремлинов Стэйн и не думал отстраняться, отчего мы буквально оказались нос к носу.

Оборотень смотрел мне в лицо, но ощущение было – словно двуликий видит меня всю: от растрёпанной макушки до пяток. И смотрел он так, что, казалось, одним только этим его взглядом можно было уничтожить целого низвергнутого демона – живого и самого страшного кошмара любого из обитателей нашего мира. Хотя... если Стэйн воевал у границы барьера, то счет «низвергнутых», убитых им, наверняка шел на сотни, а то и тысячи.

– А могла? – холодно спросил он.

И это взбесило. Потому что двуликий обвинял меня в том, чего я не совершала. Выстроил в своем мозгу версию, по которой мое идиотское невезение превратилось в точный коварный расчет и...

Внутри поднялась волна кипящей злости. Той, что выжигает страх, заполняет пустоту внутри, сминает любые доводы разума, заглушает первейший из инстинктов – самосохранения, дает смысл, ради чего жить и мстить... Захотелось пробить кулаком кирпичную кладку стены или хотя бы как следует врезать одному перевертышу.

– А еще я могла отлично сдохнуть! И вчера, когда вывалилась из этого мротова воздуховода, лишь по счастливой случайности не свернув шею, и сегодня, едва не сгорев заживо и не разбившись в лепешку о брусчатку.

– Ты не упала бы на землю. Я все рассчитал, – парировал Мрак.

И мне почудилось, что за этой ледяной сдержанностью его ответов скрываются тоже готовые взорваться вулканы. Потому как не может у отморожен... хладнокровного двуликого так лихорадочно биться жилка на напряженной до обозначившихся мышц шее.

– Рассчитал? Тогда еще и прочитай. Например, мое личное дело. Где четко литерами на всеобщем написано, кто я. И никакого отношения к твоим дружкам-врагам-поклонникам Рохтам, или еще гремлин знает кому, не имею. Я всего лишь адептка, которую

угораздило вляпаться в вашу демонову вечеринку! А еще мне не повезло быть девушкой. Потому что Катафалк их ненавидит! – под конец я уже орала. Вдохновенно так.

А когда замолчала, то услышала:

– А мы думали, что ты, командир, погиб, – раздалось удивленное откуда-то сбоку.

Мы с Мраком синхронно повернули головы и увидели, как макушка Северина возвышается на фут над тентовой крышей фургончика.

– Не переживай. Убить меня женской истерикой не так-то просто. Пульсар в этом плане понадежнее.

– Как же... понадежнее... Ты только обещаешь, – беззлобно пробухтел здоровяк. – Тебя на моей памяти сколько раз пытались продырявить? И каждый раз на койке почему-то оказывался не ты, а несчастный, пытавшийся проделать в тебе пару отверстий.

– Наши все целы? – перебил словоохотливого подчиненного Мрак.

– Не дожدهшься! – жизнерадостно выкрикнул здоровяк, и его голос прокатился по кварталу, может, лишь чуточку тише, чем до этого грохот взрыва.

Как выяснилось, весь отряд действительно был цел и почти невредим. Леарда, как оставшегося сторожить вход, при взрыве не зацепило вовсе. Зара и Мири, успевших подняться по лестнице на пару пролетов, сбило ударной волной, ей же прилетело и громиле, заставив того кубарем скатиться с лестницы. Больше всего досталось нам со Стэйном.

– Огнеборцев вызывай, – выслушав отчет громилы, приказал Стэйн.

– Так уже, – с готовностью отозвался здоровяк.

– Раз «уже», то помоги нашему... – мне показалось, что Стэйн не матерился лишь по той причине, что новых бранных слов еще не подвезли, а старые, которые он обычно использовал, просто не справлялись с текущей ситуацией, – артефактору спуститься. И глаз с нее не спускай.

«Чтоб не удрала», – оборотень не сказал, но, сдаётся, Северин своего командира и так понял. Потому как, едва я очутилась на

брусчатке, с мантикорой за пазухой, громила не отходил от меня ни на фут.

Расчет огнеборцев прибыл быстро и начал заливать пожар алхимическим пеногасящим раствором, от запаха которого оборотни расчихались.

– На сегодня свободны, – оглядывая отряд, скомандовал Стэйн. – А я в отдел. Писать отчет по произошедшему.

Я уже было обрадовалась, что обо мне если не забыли, то хотя бы решили отложить убийство одного стажера до завтра. Увы...

– А мисс Дракарти поедет со мной. Ее тоже ждет... отчет.

Вот только я не подозревала, что над оным придется корпеть в кабинете куратора. Потому как именно туда я с двуликим по прибытии и отправилась. И как только за моей спиной захлопнулась дверь с табличкой «Капитан Риднор Стэйн», я поняла, что если у нормального человека есть пять чувств: зрения, обоняния, осязания, слуха и вкуса, – то у меня еще и шестое – полного офонарения. Это когда жизнь бьет ключом. Причем разводным. По голове. И ни разу не промахиваясь.

И вид оборотня, стоявшего напротив меня со скрещенными руками, лишь подтверждал: главный талант Дэйны Дракарти – не артефакторский, а умение влипнуть в неприятности.

Двуликий, кажется, заполнял собой все пространство. Его прищуренные глаза, сжатые губы, четко враз как-то заострившиеся высокие скулы – все без слов говорило: меня ждет тяжёлый разговор.

И это бесило.

Хотя... двуликий, подозревавший меня мроты знают в чем, мог бы привести и в допросную. И уже там, в присутствии того же Леарда, задать свои вопросы. И получить ответы со стопроцентной гарантией правдивости. Ведь можно обмануть губами, голосом, глазами, жестами, мимикой, но заставить солгать еще и свой собственный пульс, который и слышат чувствители... Даже отличные актеры на такое не способны.

Но сейчас мы были не в допросной, а у него в кабинете. И я не могла не признать, что это еще не худший из вариантов. Вот только в воздухе вокруг нас с двуликим витало такое концентрированное напряжение, что я практически физически ощущала: еще немного, и оно меня либо ошпарит, либо ударит своим разрядом, либо рассечет и так готовые разойтись швы нервов.

Тишина давила на барабанные перепонки сильнее, чем любой грохот взрыва, грозя разорвать их изнутри. Стэйн молчал. А я... Я его не прерывала. Потому как помнила завет папы.

Отец мне всегда говорил: собеседника перебивать невежливо. Особенно хуком в челюсть. Правда, потом па добавлял про очень хочется и разводной гаечный ключ. Но сегодня был явно не тот случай...

– Как так получилось, что ты упала на меня в момент боя? – сухо произнес двуликий, и о его взгляд в этот миг можно было порезаться.

Я выдохнула, скрутив всю свою злость в тугой жгут. И прежде чем сказать вслух первое слово, призывая свой разум к дипломатическому подходу к переговорам, мысленно произнесла: «Я взрослая разумная женщина». Но потом вспомнила, что не соответствую ни одному из этих утверждений, и плюнула. Будь что будет!

– Все началось с одного козла по имени Грэг... – сама не узнала свой голос: так сипло он прозвучал.

Но чем больше я говорила, тем четче становилась моя речь. Рассказ вышел не коротким. К тому же двуликий задавал кучу уточняющих вопросов, порой заставлял меня возвращаться к тому, о чем вскользь упоминала в самом начале, просил пересказать события в обратном порядке... в общем, вел себя столь профессионально-дотошно, пытаясь подловить меня на лжи, что я готова была зарычать.

И, в очередной раз объясняя, почему я решила не говорить ему о том, что я девушка, а не парень, зарычала. А еще сама не заметила, как мы в тот же миг оказались нос к носу с оборотнем. Не знаю, кто при этом сделал шаг навстречу. Он? Я? Или мы вместе? Да и не все ли равно...

Если до этого твердолобого оборотня не доходят мои доводы, то я объясню ему еще раз. Самым доступным способом. Таким, для которого и слова-то особо не нужны!

Я, пережившая вчера спарринг между двумя оборотнями, получившая сегодня самое ужасное из возможных распределение, чудом не убившаяся при взрыве и сейчас еще очутившаяся на допросе, была взвинчена до такого предела, что мне стало наплевать на все. Иначе я бы ни за что не схватила двуликого, который был на голову

выше меня, за грудки. Причем схватилась за рубашку. И рванула ее так, что форменная ткань затрещала, а пуговицы покатались по полу.

– Слушай, Стэйн, мне наплевать, что ты там не понял...

– Это ты послушай, Драккарти, – перебил меня двуликий, буквально прорывав фамилию. А затем схватил меня за плечи и... приподнял над полом! Всего ничего – на пару футов. Но я отчего-то вместе с опорой лишилась и запала. А Мрак меж тем продолжил: – Не советую меня провоцировать.

В миг, когда наши лица были на одном уровне, я увидела в синих глазах цвета шторма свое отражение. И догадалась, что и оборотень видит в моих себя. Одинаково взбешённые, мы сейчас дышали на двоих одной злостью.

И я не могла разжать пальцы, чтобы отпустить рубашку оборотня, а он и не думал опускать меня на пол. Хотя другой на его месте уже давно бы поставил. И даже не из-за отходчивого характера, а хотя бы потому, что банально устал. Ведь стройная девушка не равно бесплотный дух. И весы это подтверждали. А этот двуликий даже и не думал...

Именно в этот миг Стэйн шумно втянул воздух, прикрыл глаза и покачнулся. А меня наконец-то вернули туда, откуда взяли. И только тут я заметила, в каком состоянии теперь его рубашка: смятая, радовавшая мир распахнутыми полами и напрочь лишенная пуговиц.

– Гхерн, как же не вовремя вернулось обоняние, – в раздражении выдохнул он, открывая глаза.

И тут дверь в кабинет без стука распахнулась и от порога донеслось:

– Рид, мне сказали, что ты вернул... – И тут же неизвестный, перебив сам себя, округлился: – Понял. Не отвлекаю от процесса. Зайду позже.

Я даже не успела обернуться, как створка захлопнулась. А я, глянув на обнаженный торс оборотня и прикинув, как сама выгляжу: помятой, с растрепанными волосами, что пускались чуть ниже плеч, – представила, что мог подумать случайно заглянувший в кабинет Стэйна офицер.

Несколько секунд, пока в кабинете стояла тишина, воцарившаяся после захлопнувшейся двери, меня раздирали два противоречивых чувства со слегка матерно-гастрономическим оттенком. Так в одно

время захотелось и сгореть от стыда, как оставленная без пригляда яичница, и со словами «за что?» от души поплакать в салатик, словно в мире разом скончалась вся соль.

– Извини, – Стэйн первым нарушил молчание и устало потер переносицу. – Кажется, в чем-то ты была права с этим дурацким маскарадом...

Ну вот нельзя же так признавать свои ошибки! С ходу. Без предупреждения. Потому, как едва я осознала услышанное, из меня словно вынули стержень. И откуда-то вмиг навалилась усталость этого длинного дня.

– Спасибо, что спас, – невпопад отозвалась я.

Мой взгляд упал на ряд выдранных пуговиц, а потом невольно скользнул на обнаженный гладкий мужской торс. Накачанный пресс, перечеркнутый ремнем и опушкой штанов. Я усилием воли заставила себя посмотреть выше. На литые плиты нагрудных мышц, бронзовую кожу, татуировку в виде вязи рун, которая располагалась чуть выше правого подреберья.

В эту секунду я понимала мужчин, которых от глубин внутреннего мира легко отвлекает не менее глубокое декольте.

– И... вы... – Поняла, что после того, как мы только что кричали друг на друга, «выкаты» уже поздно: – Ты меня тоже извини... За порванную рубашку.

Рид сдержанно кивнул и произнес:

– Я с Омром поговорю, объясню, что он все не так понял. – После этих слов оборотня я чуть было решила, что он не такой уж и зверь, как Стэйн закончил: – А сейчас я жду от тебя отчет по тому, какие артефакты были в квартете убитого и почему произошел взрыв.

Все же зверь! Часы соглашались с этим, показывая ровно полночь.

Стэйн повернулся и направился к своему столу. У меня, при взгляде на его широкую прямую спину, словно олицетворявшую злой рок одной неудачливой адепки-артефактора, невольно вырвалось тихое ругательство:

– Вот крых!

И сказано-то было – сама не расслышу толком. Но то – я. А то – оборотень. Впрочем, Стэйн даже не обернулся, лишь замер на миг и произнес:

– Драккарти, не матерись.

Я сморщила нос и проворчала скорее себе, чем двуликому:

– Ну вот как всегда. Я к людям и нелюдям со всей душой, а они мне об этикете...

Мне показалось или один двуликий в ответ на мою реплику хмыкнул?

– Через два часа жду отчет. – Стэйн уселся за свой стол, видимо планируя заняться тем же самым.

А я, услышав про эти «два часа», невольно подумала, что хорошо бы предупредить о задержке папу... Нет, он никогда не сидел с таймером в руках, засекая, чтобы я не опоздала после вечерней прогулки, и не инспектировал табель успеваемости, когда я училась в школе. Отец всегда говорил: «У семи нянек дитя будет с гиперопекой. А она – ржа, которая разъедает характер». А папа, как истинный магомеханик, был сторонником антикоррозийных мер.

Поэтому жизнь у меня была более чем вольная. Самостоятельная. Но я всегда чувствовала заботу отца и то, что он за меня переживает. По-своему, стараясь зачастую этого не показывать. А я в ответ старалась лишней раз не давать ему повода для переживаний.

Вот и сейчас рука машинально нырнула в карман, чтобы достать амулет связи и... едва не порезалась об осколки.

Просить было неудобно. Особенно если учесть, что полчаса назад я с полной самоотдачей кричала на Стэйна... Но... Плевать! Скандалов у меня в жизни еще полно будет, смогу вдоволь побыть и гордой, и бескомпромиссной, а отец – один-единственный. И его неравная система – тоже.

Поэтому я, уже собравшаяся уходить, сдала назад. Причём сделала это в лучших традициях чабия: шагнув спиной вперед. И лишь потом развернулась.

Надо ли говорить, что меня встретил весьма заинтересованный взгляд двуликого. Он даже голову чуть наклонил набок, став при этом похож на озадаченную овчарку.

– Что-то еще? – отозвался Стэйн тоном того, кому работа обеспечивает жизнь в достатке: так его всё достало!

– А можно от тебя позвонить? Мой переговорник сломался. А чинить сегодня нет сил.

Оборотень тяжело вздохнул и без слов положил на стол свой амулет связи. Я быстро поблагодарила и, цапнув переговорник, отбила

пальцами серию легких ударов по кристаллу.

А когда услышала папино «Слушаю», тут же отрапортовала:

– Па, это Дэй. Извини, что не со своего амулета. Он у меня разбился случайно... Я сегодня задержусь на стажировке. Ты меня не теряй.

– Хорошо, Шестереночка, – раздалось чуть сонное в ответ.

Даже не видя отца, я знала: он сейчас улыбнулся. И наверняка опять полуночничает в мастерской: вызов принял быстро. И десяти секунд не прошло.

– Пока, па! – я завершила короткий разговор и вернула артефакт хозяину. – Спасибо... Мр... Стэйн, – исправилась в последний момент: усталость сыграла со мной злую шутку, и я едва не назвала начальство мысленным прозвищем.

Но заминка не ускользнула от внимания оборотня. Он выразительно поднял изогнутую бровь. А ведь Мрак, если я правильно поняла из его разговора с Риру, и прошлые сутки, с того подпольного боя, не спал...

– Давай я рубашку зашью. В знак благодарности за переговорник. – Кивнула на ряд оторванных пуговиц.

Я чувствовала себя при этом на редкость по-идиотски. Но мне не хотелось быть должной. К тому же стало стыдно: порвала челов... в смысле оборотню, форму, а накануне еще и операцию под прикрытием сорвала.

– Умеешь шить? – с иронией уточнил Мрак, опустив взгляд на джинсы, порванные в нескольких местах.

Вот ведь язва! Отлично же знает, что это дизайн, но не упустил случая съехидничать.

– Да, – уверенно отозвалась я, не уточняя, что навыки эти весьма специфичны.

Всё дело в том, что в моем окружении были в основном такие же ремонтники, как и мой папа. Потому учил меня рукоделию один из них: в прошлом – целитель, у которого выгорел дар. Ну мужик не растерялся и пошёл работать в мастерские, где дар не всегда обязателен. Главное – умелые руки. И от нечего делать как-то научил меня накладывать швы. Операционные. Выглядели они, конечно, не как гладь на гобелене, зато были прочными!

Забегая вперед, скажу, что, когда Стэйн увидел итоги «сращения» оторвавшихся пуговиц со своей рубашкой, был под впечатлением. Слегка матерным, зато сильным. Но пришито было намертво. Так что если оторвать – то только с лоскутом ткани.

– Ну хорошо, держи, – с интонацией «только исчезни» согласился двуликий. – У меня есть запасная.

И надо же было такому случиться, что именно в тот момент, когда Мрак, снявший с себя рубашку, передавал ее мне, дверь опять открылась со словами:

– Вы уже закончили? А то мне срочно... Только подписать, – появился все тот же офицер.

Я чуть не взвыла. Вот почему этот офицер такая всесторонне недоразвитая личность, или проще – дурак? У нас тут не разврат, а рабочий момент! Но, судя по выражению абсолютной убежденности на лице заглянувшего, ни крыха этому настырному визитеру не докажешь.

– Мы и не начинали! – прорычал Стэйн. Офицер, которого я на этот раз смогла разглядеть, отчего-то при звуках голоса куратора втянул голову в плечи и даже сделал шаг назад. – Стоять! Заходи, Омр... Я как раз хотел с тобой поговорить...

Прозвучало так, что мне показалось, что «поговорить» было неточным словом для такой интонации Стэйна. Гораздо гармоничнее звучало бы «тобой перекусить».

Я же, воспользовавшись моментом, поспешила удалиться. И, уже выскальзывая за дверь, услышала:

– Чего у тебя?

– Нашли улики после вчерашней сорванной операции. Босоножку... И даже магазин, где она была куплена, установили, надо только подписать...

– Не нужно, – оборвал ретивого подчиненного Стэйн. – Я уже...

Дослушивать я не стала, поняв, о чем, точнее, о ком речь. И поспешила в лабораторию. И там вспомнила о мантикоре. Оказалось, мелочь счастливо спала у меня за пазухой, приятно грея живот своим тельцем.

Осторожно переложила котенка на стол. Мантикоренок даже не проснулся. А потом принялась сначала за отчет, и когда с ним было

покончено – за штопку. Благо игл у Хука было – на любой выбор. Причем большинство – как я привыкла, чуть загнутые, целительские.

Управилась я к половине третьего. И гордо понесла листы куратору в кабинет. Снова. Постучав и услышав «войдите», заглянула внутрь. Стэйн сидел за столом, оперев локти и массируя виски.

– Я принесла отчет. И рубашку.

Оборотень взял испещренные листы, внимательно вчитался. Хмыкнул в паре мест. И в целом, как я поняла, остался доволен. А вот рубашка...

– Спасибо... – наконец с сомнением заключил двуликий.

Вот только почему-то при этом мне показалось: теперь если ему нужно будет пришить – он позовет меня. Причем пришить не что-то, а кого-то. Например, одну практикантку.

– Значит, я могу быть свободна? – уточнила, пытаюсь незаметно зевнуть. Спать хотелось жутко. И судя по ощущениям – мое сознание уже счастливо дрыхло, а тело ему завидовало по-черному.

– Да, – сухо отозвался оборотень.

И я радостно повернулась на пятках, собираясь дать дер... удалиться из кураторского кабинета. И плевать, что совсем скоро рассвет, а значит, общественный транспорт не ходит. Да и в кармане у меня пусто, так что ловить попутный чабиль нет смысла. Только пешком. С дюжину кварталов. Главное – этот день заканчивается! А то, что домой я попаду не раньше, чем часа через полтора... Зато вообще попаду. С такой-то стажировкой это уже удача.

Вот только когда я подошла к двери и уже было взялась за ручку, меня нагнал голос Стэйна:

– Драккарти, подожди.

Я замерла у входа, понимая, что если сейчас обернусь, то покусая двуликого. И плевать при этом, кто из нас двоих оборотень.

– Что-то еще? – сама удивилась, как прозвучал мой голос. Таким отлично было бы препарировать вместо скальпеля.

– У тебя ведь нет машины? – он не спрашивал. Утверждал.

– Нет.

Я все же обернулась, непонимающе нахмурившись.

– Давай подброшу, – двуликий произнес это, сжав зубы и глядя на меня из серии «смотрел бы на тебя вечность, но только через снайперский прицел».

Мне осталось теряться в догадках, что вынудило Стэйна произнести эту фразу. Воспитание? Или сказывалась профдеформация – кому, как не законникам, знать, сколь опасны бывают ночные улицы? А может, просто хотел выведать реальный адрес, где проживает «подозреваемая»? Потому как хоть он и поверил моему рассказу и объяснениям, но что-то подсказывало: не до конца.

Но по какой бы из причин он ни произнес это, в любом случае я всей кожей ощущала: мое присутствие Мрака бесит, но он стойко его терпит.

В первый момент хотелось отказаться. Желание было настолько осязаемым, так зудело на кончиках пальцев, танцевало на языке, что очнувшемуся разуму стоило невероятных усилий убедить свою хозяйку не вытворить очередную глупость.

И я кивнула, соглашаясь.

В чабиль мы сели в молчании. Оно, повисшее еще в кабинете, в салоне внушительного вседорожника как будто еще сильнее уплотнилось. Настолько, что его можно было резать ножом.

– Куда едем? – отстраненно, холодным голосом спросил двуликий.

Я назвала адрес, и тут же взвизгнули тормоза, а элементали под капотом разогнали поршни так, что мы сорвались с места со скоростью выпущенного из чарострела заряда.

За окном замелькали огни города. Но обычно умиротворяющее зрелище в этот раз только раздражало. Как и двуликий, подчеркнуто смотревший лишь на дорогу.

– Слушай, чем я тебя так раздражаю? – все же не выдержала я, когда район Источников остался позади.

– Тем, что ты – это ты, – ответил двуликий так же безэмоционально. Вот только отчего-то его пальцы так крепко сжали руль, что даже в полумраке было заметно, как побелели костяшки.

Стэйн был зол. Определенно. «Вот только на меня ли одну?» – закралась запоздалая мысль. Или во всем виновато стечение обстоятельств? Провал вчерашней операции, сегодняшний взрыв...

– Сожалею, что так вышло вчера. Я не хотела...

– Ты мне уже все объяснила, – в голосе оборотня послышалось рычание. Недвусмысленное такое, из серии: ты либо права, либо беззвучна и жива.

И я посчитала, что лучшее для меня сейчас – это обогатиться. Причем сразу золотом. Ведь именно к нему, как известно, приравнивают молчание.

За окном показалась Лейская набережная, затянутая в корсет гранита парапетов, в обрамлении ночных огней. Еще два поворота – и будет мой район. Я уже было решила, что весь оставшийся путь мы проведем в выжимающей досуха нервы тишине, когда я услышала:

– Вчера после поединка меня, как перспективного бойца, должны были представить Шэйти Кейнидзуро, по прозвищу Счастличик, – выдохнул Стэйн. И я поняла: двуликий, кажется, пытался так извиниться за резкость. – По нашим данным, именно он организовал канал по незаконной переправке артефактов за границу. И через Шэйти же Око Урнир наверняка отправилось бы в Схин.

– Подожди. Ты сейчас говоришь про то самое Око, выставленное в музее мировой истории магии? – поразила я, проигнорировав упоминание недружественных островных соседей нашего государства.

– В музее сейчас поддельный артефакт, – сухо отозвался двуликий.

– Постой... Это тот гoblin, которого сегодня убили, его украл? – Я вспомнила обломок охладительного артефакта, и пазл из разрозненных деталей стал складываться в картину.

– Да. Но он был всего лишь исполнителем. И когда мы вышли на его след, то тот, кто стоит за всем этим, решил его убрать...

Я невольно сглотнула при этих словах.

– И теперь у нас с командой есть несколько дней до того, как выставка закроется.

– А если не успеете? – задала я вопрос, уже зная на него ответ: скандал. Будет межрасовый скандал. С дивным народом.

Потому как Око – один из величайших артефактов эпохи низвергнутых, когда демоны еще властвовали в нашем мире, поработив остальные расы. Оно был изготовлено по давно утерянным технологиям и уже тем было необычайно ценно. И сам факт того, что реликвию привезли из Тиббенойской долины холмов на выставку в Эйлин...

– Но если это так важно, почему на уши не подняли весь отдел? – не поняла я.

– Потому что столица живет не одним этим преступлением, – отрезал Стэйн.

Он больше ничего не пояснил, но и так стало понятно: такое расследование не поручили бы абы кому. Наверняка отряд Мрака лучший в главном столичном отделении правопорядка. А первые – на то и первые, чтобы справляться своими силами, не задействовав все патрули окрест, тем самым парализуя работу остальных участков. Обычные-то преступления не подождут в стороне, пока все законники разом ищут Око.

Тем более отделы из-за прорыва и так сейчас лишились большей части экспертов-артефакторов. И тут же мои мысли перескочили на более насущное лично для меня: стажировку.

– Скажи, если отделы так нуждаются в артефакторах, то почему к вам отправили только меня? А не весь наш курс? – спустя несколько минут молчания озвучила я то, что мучило меня подспудно целый день.

Сказать, что оборотень не удивился такой смене темы, – значит взять тряпочку и стульчик: посидеть и промолчать. Брови Стэйна взметнулись, а на меня посмотрели крайне озадаченно.

Пришлось пояснить выверты женской логики, пока мужская психика на этих виражах не разбилась вдребезги.

Под конец моей многословной речи, во время которой мы подъехали к моему дому и остановились, оборотень фыркнул:

– Вы, артефакторы, – штучный товар. И, как ответили на запрос шефа о специалистах, нужны везде, а не только в отделе правопорядка. К тому же абы кого из выпускников в эксперты присылать бесполезно: толку-то ноль. Для этого нужны хотя бы минимальный опыт и знания. Поэтому таких, как ты, ровным тонким слоем размаз... кхм, распределили, – в последний момент поправился Мрак, – по отделениям столицы.

– Угу. Подозреваю, этот самый слой толщиной в микрон, – поддакнула я, глядя на родной и знакомый до каждой трещинки на крыльце дом.

Задумчиво прикусила губу. Стэйн был прав: дар артефактора не то чтобы крайне редок, но, скажем так, специфичен. К искре чаротехника должен идти в комплекте еще определенный склад натуры, чтобы в итоге получился специалист, а не палочка от леденца.

Так в характере боевого мага должна быть храбрость, у целителя – жесткость (а иначе сломается под гнетом боли и страданий пациентов), у пифии – чуткость, а у артефактора – упорство. То самое, которое рождается из нестерпимого любопытства, зудящего под кожей, и возвращается в рамках точного расчета и кропотливого труда бесплотных попыток.

Так что после четырех лет обучения нас в группе осталось две дюжины. И таких групп – всего четыре. Четыре на всю центральную часть страны. Нет, был еще и западный университет Урхора. И северный, где готовили специалистов... Но это было дорогим удовольствием – выпестовать артефактора. Это у тех же магов земли – учебный материал под ногами валяется. А база для чаротехника – попробуй собери все учебные пособия от механического сердца с искрой магии до двигателя летоплана, в цилиндрах которого беснуются мощнейшие водные и огненные элементали.

В общем, да, нас было не так и много. А требовались артефакторы везде. Даже мой папа – без диплома и круга силы – без работы никогда не оставался. Даже в самые трудные времена.

Я искоса глянула на оборотня, который, как оказалось, все это время внимательно изучал меня. Пристально. Спокойно. Устало. Но при этом в его глазах было что-то неуловимое от зверя.

Сейчас, когда вокруг властвовала ночь и тени растворялись в сумраке, а предметы теряли четкость своих линий, когда все и вся норовило спрятаться в чернильной мгле, я видела Стэйна как никогда четко. Настолько, что ни за что не спутала бы его сейчас с человеком. Это был двуликий. Тот, внутри которого жил зверь. Дикий и опасный. Хищник наших дней. Но вот странность: я не боялась этого.

Мне даже стало вдруг любопытно: а как выглядит вторая ипостась Мрака? И чем больше вариантов я подбирала, тем сильнее хотелось задать этот вопрос. Но он был столь же личным, как и число кругов силы у мага. А я сегодня и так ходила по самому краю жесткого самоконтроля Мрака.

Холодная синева глаз Стэйна сверкнула из глубины расплавленным серебром. Маня. Притягивая. Если бы не сожгла на втором курсе на занятии по алхимии парами кислоты обонятельные рецепторы, то сейчас бы подумала, что на меня воздействуют демоновы феромоны оборотня. Ими, к слову, объяснялось то, что

человеческие девушки порой теряли голову от двуликих. Вот только ныне я-то могла чувствовать лишь некоторые запахи, ярко выраженные. И едва ощутившей флер феромонов в их число не входил.

– Драккарти... Дэйна... – голос Мрака прозвучал отчего-то хрипло.

И от этих звуков отчего-то в животе стало горячо. И этот жар начал стремительной волной разноситься по венам, охватывая все тело.

– Да?

Мрак на миг прикрыл глаза, словно борясь с собой. И победил. Потому как в следующую секунду, когда он посмотрел на меня, его взгляд был вновь отстраненно-холодным. И серебро в нем сменилось мраком.

– Надеюсь, мы с тобой сегодня все прояснили. И никаких неожиданностей больше не будет?

Знал бы этот двуликий, о чем спрашивает. Ведь внезапность – это была основная, я бы даже сказала, несущая стена конструкции по имени Дэйна Драккарти.

– Я сделаю все возможное, – честно предупредила я.

Ответом мне стал приглушенный рык. Я поняла: в данном случае лучшим уходом от проблем для меня будут ноги. И поспешила выпрыгнуть из машины. Дома я оказалась спустя всего пару секунд. Даже вопреки всем законам кинематографа в замочную скважину ключом попала с первого раза и точно.

И, лишь выдохнув, услышала писк.

Вот крих! Чуть не забыла о пушистой мелочи. Котенок, которого я посадила за пазуху, еще отправляясь с рубашкой и отчетом к Стэйну, выпался и выглянул с интересом, изучая темный холл. Его глаза-бусины блестели.

– Мяу! – возмущенно пискнул он.

Пришлось его доставать, кормить (и себя заодно). Папа, судя по всему, уже спал. Да и мне пора было отправляться в кровать, если я хотела вздремнуть хотя бы пару часов до того момента, когда нужно будет отправиться в участок.

Едва не вывихивая челюсть от зевков, добралась до своей постели и... Такой подлости от собственного организма я не ожидала: я не смогла уснуть!

Крутилась под одеялом, как шестеренка. А едва смежала веки, как воспоминания подкидывали картины: боя двух оборотней на ринге, пыхтящего трубкой Торкра, ухмыляющегося стрелка Зара, взрыва в квартире гоблина или хмурого Стэйна. И если поначалу оборотень в моем сознании вел себя прилично, то под конец он почему-то был исключительно без рубашки. А когда я все же начала уплывать в страну грез – и вовсе лишился штанов.

«Полный фтырх!» – то ли прошептала, то ли подумала я на этот вуайеристический выверт своего подсознания, широко зевая. И наконец уснула.

Глава 4

Звонок будильника был подобен выстрелу. И, как полагается всякому порядочному человеку, в которого запустили пульсаром, я, конечно же, не подорвалась с постели, а продолжила лежать, словно убитая. Но въедливый звук хроносов, поставленных для того, чтобы не опоздать на стажировку, не на час пораньше, а на поверхность повыше – на шкаф, – спустя несколько минут все же заставил меня восстать из кровати. Как итог – мое утро началось лишь с четвертой попытки, когда я наконец смогла дотянуться до трындозвона.

На кухню я спускалась воплощением ожившего древнего зла и была столь же резва, как тысячелетняя мумия.

– А ты симпатично выглядишь для зомби, – хмыкнул папа, сиявший столь радостной и свежей улыбкой, что невольно захотелось поморщиться.

– Не зомби, а альтернативно живая, – поправила я исключительно из вредности и затем широко зевнула.

На самом деле мне до всех этих некротолерантных тонкостей было глубоко геометрично.

– Держи, почти живая, – с этими словами папа протянул большую кружку крепкого кофе. Я обхватила ее, согревая пальцы о теплые пузатые бока. От черной глади, по краям которой пузырилась воздушная пенка, исходил чарующий аромат. Я вдохнула его и счастливо зажмурилась. Это был мой личный эликсир жизни.

Хотя, по ощущениям, сегодня мне этот напиток нужно было не пить, а заливать прямо в вены.

– Как стажировка? – поинтересовался отец.

Смакуя кофе, сваренный, как я люблю, с мятой и апельсином, рассказала о том, куда меня распределили. Отец посуровел. Он недолюбливал оборотней. Не знаю уж почему, но так было всегда.

– Будь осторожнее, шестереночка.

– Буду, – я поставила пустую кружку, встала со стула, обошла стол и, наклонившись, обняла отца. – Мне главное – эту практику пройти. А там уже и защита, после которой будет у тебя не дочка, а целый

специалист, которому диплом поможет ошибаться гораздо увереннее, – закончила я шутя.

Сегодня удалось собраться без спешки. Вот только возникла небольшая загвоздка: выданная форма, в которую я так вчера и не переделалась, осталась в лаборатории. Джинсы после всех взрывов были грязными, другие штаны – тоже в стирке. Комбинезон слишком жаркий даже для яркого утра, обещавшего знойный день. Надевать спортивные мне показалось на стажировку неприличным, и... как итог – пришлось идти в платье. Оно было свободным, красивым и не имело недостатков, кроме одного: это было платье.

Конечно, в шкафу еще лежали шорты... Но, увы, они были настолько тазонабедренными, что, боюсь, я просто не справилась бы теми двуликими неприятностями, которых эти карго песочного цвета могли бы привлечь на мою пятую точку.

Как итог – пришлось облачаться в платье. И я убеждала себя, что это только до того момента, как я доберусь до лаборатории. А там – здравствуй, форма!

Вот только едва я добралась до отдела, как увидела куда-то уже собравшегося идти Хука. Делового и озабоченного. Он вместо приветствия спросил:

– О, Дэй! А ты чемоданчик с собой не забирала вчера? А то я его найти нигде не могу...

Я сглотнула, подумав, что белые тапочки мне совершенно не к лицу, но разве тролль будет спрашивать? Тяжело выдохнув, я собралась с духом и призналась, что выездной набор артефактов эксперта того... скоропостижно скончался при взрыве.

Вместо громов и молний я услышала:

– Главное – сама жива. А инструменты... дело наживное. Жаль, конечно, там и мои личные были... – И старик махнул рукой. – Но ничего, потребую у Торкра новые.

– А начальник выдаст? – Я прикинула цену чемоданчика, точнее, сгинувших артефактов. Они были недешевыми.

– Тебе, – взгляд прошелся по моей фигуре, – нет. А мне – да. Поскандалит, сигарой своей попыхтит, проклянет пару раз, погрозит, что уволится ко всем фтырхам из отдела, да и выдаст как миленький, – убежденно заявил тролль. Видимо, он знал шефа как облупленного, раз был так уверен. – А пока Торкр находится в блаженном неведении,

я напишу прошение, а тебе придется съездить вместо меня на штрафстоянку. Туда сегодня пригнали чабиль по делу, которое ведет Мик Рупертс. Нужно осмотреть машину.

– А как же я без артефактов? – задала насущный вопрос.

Старичок скривился и почесал затылок...

– М-да... Хотя... Ты же как раз по моторам у нас специализируешься?

Я кивнула.

– Тогда без сканирующего артефакта попробуешь обойтись. Дольше, конечно, придется повозиться, ручками, разобрать весь двигатель. Надеюсь, элементарей сможешь не выпустить? – прищурившись, уточнил тролль.

Я еще раз кивнула и спросила:

– А что нужно найти?

– Партию небесной неги, – сморщился Хук.

И тут в лабораторию заглянул офицер со словами:

– Хук, ну ты как? Едешь? А то мы уже заждались...

Я физически почувствовала, как взгляд законника поднимается по мне: босоножки, щиколотки, колени, подол платья... буксует на бедрах, но преодолевает препятствие, затем медленно ползет по талии и намертво застревает в декольте-водопаде из стрейчевой ткани. И спустя несколько секунд лишь невероятным усилием воли наконец добирается до моего лица.

Я же в ответ прошла по его атлетической фигуре. Выразительно так кривясь напоказ. словно на рынке подержанных чабилей наткнулась на впечатляющий рыдван. Ну такой, про который говорят: машина – огонь (потому как замыкает и искрит даже с заглушенным двигателем), заводится с пол-оборота (но только с толкача), движок – натуральный зверь (жрет прорву магии, урчит и с места не трогается). В общем, такой машине ремонт не понадобится (ибо бессмысленно).

И офицер, увидев у меня на лице выражение «я эту тачку не возьму, сколько бы мне за нее ни приплатили», весьма озадачился. Даже ухом дернул, выдавая тем свою двуликую сущность. Видимо, привык, что девушки на него, накачанного красавца-блондина, реагируют слегка иначе.

– Мик, с тобой поедет стажер Драккарти, – фыркнул тролль, которого реакция законника позабавила.

– Ого, я вчера слышал, что к тебе на подмогу прислали адептку, но не думал, что такую милашку. Да еще и брюнеточку...

«Начинается... – подумала я. – А ведь нужно как-то продержаться месяц среди таких вот Миков... Типов, настолько флиртанутых, что они клеят даже обои одним только взглядом».

И, словно прочитав мои мысли, Хук наклонился куда-то под стол и положил передо мной... здоровенный разводной ключ, потом извлек из короба на полу кувалдометр, мультифазную отвёртку... в общем, классический набор ремонтника, а не набор артефактов для эксперта.

– Что это? – Блондин удивленно уставился на столешницу.

– А это – инструменты для нашего стажера – мисс Драккарти. Поможешь девочке их донести? – и с этими словами тролль начал складывать мой рабочий инвентарь в мешок, который выудил также из короба.

– Э-э-э... а как же твой чемоданчик с артефактами? – нахмурился Мик, гипнотизируя кувалдометр, весивший как четверть меня. Видимо, воображение двуликого пасовало на картине того, как я могу управляться с этой железякой.

– Какой эксперт, такие и артефакты, – припечатал тролль, откровенно наслаждаясь вытянувшимся лицом законника. – Неси давай. Ты же сказал, что тебе надо контрабанду найти – кровь из носу. И как можно скорее. Вот она и найдет. – Кивок старика в мою сторону. – Драккарти у нас талантливый артефактор! Все что надо отыщет. Что не надо, впрочем, тоже. И небесную негу для твоего дела, Мик, и неприятности для себя, и писанину для меня-старика, и нервный срыв по поводу незапланированных трат для Торкра...

Мне ненавязчиво так аж целых три раза намекнули на угробленный чемоданчик. Но я не возражала... Надо так надо.

Хук сам быстренько сгрузил все инструменты в мешок и вручил тот оборотню. Двуликий хоть и не присел под тяжестью, но было заметно, как напрягся его правый бицепс.

– Пошли, – буркнул Мик.

И куда только улетучилась вся его горизонтально ориентированная озабоченность? Не оглядываясь, двуликий вышел из лаборатории, убежденный, что я последую за ним. А я... я выругалась. Оборотни! Фтырховы оборотни! Самоуверенные паразиты! Я же хотела переодеться в форму. Но, увы, уже не успевала.

По коридору шла раздражённая. Да и в фургончик чабиля, к еще нескольким офицерам, подседа в состоянии: «Согрею до смерти на инквизиторском костре. Бесплатно». Правда, двуликие, выяснив, что я эксперт-стажер, несмотря на мое мрачное выражение лица попытались заговорить. Бесстрашные.

– Что в мешке, малышка? – подмигнув, спросил один из офицеров, сверкая белозубой улыбкой.

– Самые надежные из амулетов и артефактов. И все – с широким профилем применения, – не моргнув глазом ответила я.

Мик, который, донеся мешок, поставил тот у моих ног, услышав это, закашлялся. А я решила, что слова – это хорошо, а демонстрация – лучше. И, активировав все энергетические точки, тут же вспыхнувшие вокруг запястья и пронзившие мою руку болью, достала кувалдометр со словами:

– Вот это, например, амулет сразу и от прикипевших деталей, и от потенции...

– Может, для? – спросил кто-то со смешком, видимо сразу не разглядев «прибор», и тут же осекся.

– Я что хотела, то и сказала, – отчеканила я.

Наступила тишина. Не знаю, что впечатлило оборотней больше: то, что я одной рукой держу здоровенную бандурину, или воображение живо нарисовало двуликим, КАК именно эта железяка борется с излишней любвеобильностью...

Нет, конечно, я понимала, что надолго этой демонстрации не хватит. И совсем скоро оборотни вернуться к своему обычному самоуверенному состоянию: «Малышка, ты такая симпатичная. Переезжай ко мне в постель. До завтрашнего утра».

Но я надеялась, что хотя бы на дорогу до штрафстоянки законников хватит и я буду избавлена от шуточек и откровенных мужских взглядов. К слову, последние бесили больше всего.

Рука, после того как я задействовала дар на полную, ныла. Но это была малая плата за то, чтобы хотя бы недолго быть избавленной от постельноориентированного внимания двуликих.

Страдания мои оказались не напрасны: даже по прибытии к чабилю, который мне предстояло раскурочить, офицеры были молчаливы. Вот только я нет-нет да и замечала на себе заинтересованные взгляды то одного, то другого из офицеров. Вот

только Мик, выяснив, каким образом я могу орудовать сверхпрочными и дюже тяжелыми «артефактами», поднял мешок лишь после моего вкрадчивого вопроса:

– Донесешь?

Мик сгрузил мой новый «чемоданчик эксперта» рядом с чабилем, в недрах которого была спрятана партия дурманящих веществ.

Крыша кабины тяжеловоза была вровень со вторым этажом. Глянув на машину, я выразительно присвистнула. Ну Хук... «Разбери мотор»... Да там клапана в половину моего роста.

Законники и понятые стояли в стороне. Да я бы их и сама не подпустила к двигателю: если элементаль вырвется из цилиндра, то двуликий его не удержит. А вот убиться сможет запросто.

Потому я подошла к тяжеловозу, лихо перемахнула через ступеньку, стараясь не думать, как при этом выгляжу в платье, подтянулась и нырнула в закабинное пространство. Активировала на обеих руках точки. Те зажглись круговым контуром вокруг запястий.

Крепления, усиленные магией, поддались, и я толкнула кабину, откидывая ее. Она нехотя, с душераздирающим скрежетом приподнялась под углом. Слезать не хотелось. Я создала аркан и кинула его в сторону мешка с инструментами. Усилие – и «чемоданчик эксперта» очутился у моих ног.

Я извлекла разводной ключ и уже хотела, перегнувшись через борт, нырнуть под низ кабины, как имела неосторожность обернуться. И тут же почувствовала себя главным экспонатом музея. Потому как и законники, и понятые выстроились в ряд и с таким пристальным интересом смотрели на меня, что возникла мысль: от таких мужских взглядов нужно предохраняться.

– Фтырх с вами, – пробормотала я и, поудобнее перехватив разводной ключ, перегнулась через борт, полная решимости отыскать спрятанную в недрах грузового чабиля закладку.

Вот только подол юбки тут же взметнулся вверх, оголяя ноги. Пришлось тут же распрямиться, едва не ударившись макушкой о поднятое днище кабины.

Бросила взгляд через плечо. Оборотни предвкушающе лыбились. А вот крых вам! Я положила ключ, в лучших традициях пейзажников скрутила подол жгутом и подоткнула его за ремешок пояса. Теперь

ткань юбки облежала мои бедра. Плевать. Зато отныне даже сильный ветер не поднимет ее край выше, чем подколенные чашечки.

Итогом моих манипуляций стало то, что лица зрителей больше не лучились энтузиазмом. Но, увы, совсем интереса к скромной персоне одного артефактора оборотни не потеряли и продолжили вдохновенно пялиться на мой зад.

Я, пробормотав под нос пару проклятий в духе «чтоб покарал этих двуликих стоматолог», «пусть у блохастых ноги вырастут еще длиннее, особенно правая» и «нашелся бы тот, кто сдвинул бы точку сборки этим шерстистым ротозеям», начала ковыряться в моторе.

А двуликие – наблюдать за жаркой сценой: свечи, масло, девушка, облитая им с головы до ног... лупит кувалдометром по слишком резвому элементалю, решившему удрать из цилиндра, а тот в испуге ныряет обратно, прикрывшись сверху клапаном.

Изгваздалась я, проводя «экспертизу», знатно. Зато спустя три часа все же нашла ту самую партию неги. Она была спрятана в чарокамере объёмного вытеснения. Причем та оказалась даже опрессована, но не по правилам. Да и закрутка была против часовой стрелки. То есть если смотреть не копаясь – все как положено, а копнешь... И это наводило на определенные мысли.

– Эй, что там у тебя? – Мик, не иначе как учуявший, что я обнаружила схрон, едва не пританцовывал рядом.

– Вот!

Я извлекла увесистый куль, фунтов на десять. Его тут же аккуратно поместили в короб для улик, все это на виду у законников и свидетелей. Потом ко мне запрыгнул один из офицеров и начал фотографировать. И место, где была спрятана нега, и сам куль с дурманом, и клапаны тяжеловоза...

Я же, расправив юбку и собрав рабочий инвентарь обратно в мешок, сначала спрыгнула на землю сама, потом магией спустила «чемоданчик эксперта-артефактора» и уже потянулась за ветошью, что лежала меж инструментов, когда услышала:

– Спасибо, – совершенно серьезно поблагодарил подошедший Мик. И сделал это, на удивление, безо всяких типичных для оборотней ухмылочек с двойным смыслом. – А что можешь сказать в целом? Может, какие особенности заметила, когда искала? Не для протокола...

Я вытерла руки ветошью и, подумав, ответила:

– С абсолютной уверенностью утверждать не берусь, но, судя по тому, как произвели опрессовку с нетипичной резьбой, делал любитель. Силы – немного, умения работать с даром – чуть. К тому же опрессовывал без наводящих и стабилизирующих артефактов, отчего линия резьбы неровная. Так что прятал дурь скорее самоучка, чем мастер. Суда по векторам линий чар – левша. Но если бы был вообще новичок в механике, то и вовсе не смог бы поставить прессовку. Так что опыт черновой работы с чаротехникой все же есть.

Мик сосредоточенно кивал в такт моим словам. И отчего-то возникла уверенность, что он сможет процитировать все сказанное от и до.

– Откуда, говоришь, этот тяжеловоз следовал? – Я, прищурившись, посмотрела на откинутую кабину.

– Похоже, что из Дройна... – Мик поморщился от яркого солнца и добавил: – Машину отловили на объездной трассе Джей Би. Патрулю она показалась подозрительной. Но когда ребята попробовали тормознуть, водитель вдарил газ... А когда все же прижали, вскрылись накладные номера. А по настоящим этот тяжеловоз уже проходил по делу о транзите неги, но тогда ничего не нашли...

– Да и сейчас не обнаружили бы, если бы сканирующим артефактом смотрели, – «обрадовала» я оборотня.

Лицо двуликого вытянулось.

– В смысле?

– Кладку поместили в цилиндр, меж двумя такими же, в которых магией фонили мощные элементали. Они-то вполне успешно могли перекрыть собой спектр «неги»...

– Значит, мне сегодня повезло, – подкупающе, уже совершенно по-другому улыбнулся двуликий, глянув на мои испачканные в мазуте руки. Но он не был бы законником, если бы ограничился только этой фразой. То, что я спросила, откуда этот чабиль, его насторожило. И он не преминул уточнить: – У тебя есть какие-то предположения по Дройну?

– Да. – И я поделилась догадкой: – Того, кто мог так опрессовать, стоит поискать в портовых доках Дройна, среди рабочих в цехах. Судя по всему, это молодой парень, потому как девушки там большая редкость. Инициация у него поздняя, случилась недавно. Но, скорее

всего, дар проснулся не в виде точек, а сразу круг силы. С магией парень еще работать не умеет толком, но в механике разбирается.

– И скорее всего, нуждается в деньгах, – закончил за меня Мик.

Я согласно кивнула: иначе парень не стал бы связываться с преступниками. И только я успела подумать, что этот двуликий может быть адекватным и вменяемым, как он добавил:

– А что ты делаешь сегодня вечером?

Как хорошо, что в этот момент в руках я не держала разводного ключа. А то не устояла бы перед искусом огреть этого озабоченного по темечку. И меня не то что уголовный кодекс, отряд законников не остановил бы.

– Слушай, двуликий, вокруг тебя других девушек, что ли, нет? – без обиняков спросила я

– Есть, – сверкнув белозубой улыбкой, отозвался Мик. – Но ты меня заинтересовала больше. Симпатичная, с аппетитной фигурой и неглупая, к тому же своя...

– Чья-я-я?! – тоном «ты псих или просто идейный самоубийца?» спросила я, и энергетические точки вновь вспыхнули вокруг запястья, облив своим светом руку чуть не до локтя.

При этом на моем лице было выражение полного озверения. А блохастый знал в последнем толк. Потому оборотень поспешил пояснить:

– Ну, в смысле, из отдела. С тобой не только заниматься сек... свиданием, – двуликий успел исправиться в последний момент, – можно. Но и поговорить.

– Угу, а еще это удобно: далеко бежать не надо, сразу все на рабочем месте. Опять же консультация эксперта в любое время... – в тон ему поддакнула я.

Мик, который, судя по его взгляду, именно так и думал, отрицательно замотал головой.

– Я вовсе не об этом, – правдоподобно солгал он.

Сообразительный. Или опытный. В любом случае не дурак. Понял, что если согласится с этим утверждением, то я точно приду к нему на одно свидание. И буду стоять. А он – лежать. В гробу.

– Тогда о чем?

– О том, что хочу пригласить тебя в бар. Пропустим по стаканчику пива?..

– Тогда тебе придется встать в очередь – фыркнула я. – Ты будешь после Зарнира.

– Стрелок? Когда успел? – так искренне возмутился блондин, словно пришел патентовать изобретение в палату артефакторов, а ему заявили, что такое уже пять минут назад зарегистрировали.

– Вчера вечером, – ответила я. И ведь почти не соврала. Рыжий-то в чабиле клинья подбивал. Так что да, Мик не первый. А то, что Зар на свидание не пригласил... так блондинчику об этом знать незачем.

– Ну лис... – многообещающе протянул Мик, прищурившись.

Я же, решив, что разговор исчерпан, хотела уже приподнять магией мешок и дотащить его до машины законников самой... Ну эту помощь перевёртышей от греха подальше... Вот только мне этого не позволили. Подошедший к нам еще один двуликий со словами:

– Красивым девушкам надо помогать, – подхватил мою ношу и закинул на плечо.

Надо ли говорить, что на обратной дороге до отдела я ловила на себе заинтересованные взгляды перевёртышей. Мик предупреждающе сверкал на коллег глазами в ответ, но ни одного из оборотней это не остановило.

Так что происходящее внутри фургончика чабиля напоминало не просто стрельбу глазами, а целые автоматные очереди. И я бы с удовольствием прикрылась каской и отползла в окоп, но... тяжело это сделать на сиденье в машине, когда ко всему прочему ты еще и главная мишень этой глазной перестрелки.

А уж сколько раз по дороге со мной пытались заговорить...

Как итог – из машины, остановившейся во внутреннем дворе отделения, я выпрыгнула злая, уставшая, грязная и жаждущая убивать. И тут же напоролась на мрачного Стэйна. Он смерил взглядом сначала меня, потом посмотрел выше, видимо на Мика, который был сзади, и, чеканя каждое слово, произнёс:

– Какого демона, Рупертс, ты срываешь моего эксперта с задания и тащишь его непонятно куда?

– Твоего? – в голосе, прозвучавшем сзади, мне послышался рык.

– Да, сегодня утром Торкр подписал приказ и закрепил Драккарти за моим отрядом.

– С каких таких заслуг? – Мик обогнул меня и оказался лицом к лицу с Мраком.

– Я не могу ждать по делу, которое веду, экспертных заключений неделями, – прищурился Стэйн. – Так что встань в очередь, Рупертс.

Услышав второй раз за день, как его задвигают в эту самую очередь, Мик натурально зарычал. Я даже увидела, как проступает шерсть на скулах законника. Серая такая... Волчья?

– Это вызов? – Мрак на эту демонстрацию ярости прореагировал с эмоциональностью трупа.

Вместо ответа Мик, сумевший взять под контроль свою вторую ипостась, лишь выразительно сплюнул под ноги. И, больше не говоря ни слова, пошел в участок.

Остальные оборотни с интересом посматривали на нас со Стэйном, но не подходили.

– Я не смог до тебя дозвониться, – меж тем сухо отчеканил Мрак, сверля взглядом меня. Точнее, платье, на лифе которого виднелись пятна мазута.

– Мой переговорник все еще сломан, – раздражённо напомнила я.

Но, судя по всему, такой ответ лишь сильнее взбесил Мрака.

– Демоны тебя побери, Драккарти!.. Я, как полный идиот, ищу тебя с утра по всему отделу... – начал было Мрак.

Вот только я, тоже взвинченная и злая, была в том состоянии, когда язык работает быстрее, чем мозг. И не смогла удержаться от ехидства и перебила Мрака:

– Почему же полный? Ты вполне себе спортивный и подтянутый...

– Дэй! – рявкнул мое имя, а по ощущениям – выматерился оборотень. Удивительно, как при этом он не схватил меня за плечи и не встряхнул. – Мне нужно срочно обследовать сгоревшую квартиру. И сделать должна это именно ты, как побывавшая там во время самого взрыва и своими глазами все видевшая. А Хук мне заявляет, что мисс Драккарти уехала с отрядом Рупертса на экспертизу. И вернешься еще нескоро... Твой номер переговорника, указанный в личном деле, не отвечает... И вообще, почему в таком виде? Где форма?

Я чувствовала, как Стэйн, еще несколько минут назад холодно разговаривавший с Миком Рупертсом, сейчас близок к состоянию «придушу и не замечу».

Я уже хотела ответить, как Мрак, сжав кулаки до побелевших костяшек, ровным тоном произнес:

– Приведи себя в порядок и переоденься. Даю полчаса. После жду тебя у себя в кабинете. – И, развернувшись, чеканным шагом направился к входу в отделение.

А я осталась стоять. И негодовать. Полчаса?! Да он издевается!

С сомнением посмотрела на испачканный подол платья. Прикинула, что и сама наверняка выгляжу такой же перемазанной в машинном масле.

М-да... вот всегда знала, что красота – не главное мое оружие. Но вот сегодня ей в моем лице мир точно можно было не спасти, а только лечить. В основном от икоты. Испугом.

Мне, чтобы только всю грязь отмыть, полчаса нужно. А еще высушить волосы, переодеться...

Больше не тратя ни минуты, поспешила в лабораторию. Узнав у Хука, где находится женская душевая, подхватила форму и поспешила в указанном троллем направлении. И все это время костерила Мрака. И если бы мыслями можно было убивать, то Стэйн в этот миг стал бы трупом.

В душевой выбрала самую дальнюю кабинку. Открыла кран и с наслаждением подставила лицо под теплые струи душа. Вода смывала мыльную пену, стекала по макушке, целовала плечи и уносила с собой раздражение и напряженность в теле, оставляя лишь легкую усталость.

Я стояла бы так вечно, но... Фтырховы полчаса! С сожалением закрыла кран и начала вытираться, когда дверь в душевую хлопнула и послышались девичьи голоса.

– Заметила, Рокси, сегодня Стэйн рвет и мечет. Так на Хука нарычал, что я не знала потом, как к троллю подойти, чтоб экспертное заключение получить по своему делу... – услышала я сопрано.

– Так еще бы ему не рычать... столько лет держал оборону и вчера сдался, – ехидно отозвался второй девичий голос. – Орм рассказал, как он в своём кабинете этой ночью со стажеркой резвился.

– Неужели крепость по имени Риднор Стэйн пала? – спросила обладательница мелодичного сопрано. – Хм... интересненько... А как же его знаменитое «я не завожу романов на работе и своему отряду не позволю»?

– Думаю, что кончилось, – ответу второй вторил шум льющейся воды. – И теперь, даже несмотря на то, что Стэйн вышел из клана и стал вольным, наши на него все равно начнут охоту...

Мне бы стоило кашлянуть, обозначив тем свое присутствие. Ведь пока оборотницы, а подозреваю, что обсуждали Мрака именно они, не учуяли меня лишь благодаря тому, что я только что помылась. И запах шампуня и мыла заглушал мой собственный. Но я продолжала стоять. И узнавать о себе много нового и интересного.

– Угу. Только стажерку подвинуть придется, – заметила двулика с сопрано. – Хотя... Человеческие девушки слабы и легко ломаются. Подвернет руку или ногу...

Так... я сжала кулаки. Вот уж не думала, что у двуликих «подвинуть» и «столкнуть» имеет столь буквальный смысл. Фтырх вам будет, блохастые, а не поломанная Драккарти! Обвешаюсь защитными амулетами, как перевертыш блохами, и еще посмотрим, кто кого «уронит».

– Не ты ли, Крис, ей в этом поможешь? – отфыркавшись от воды, саркастично спросила та, которую назвали Рокси.

– Надо мне еще. Мьяла все сделает за меня. Она же уже который год спит и видит, как бы от Стэйна метку получить. И ей даже плевать, что он пока утратил связь со своим зверем.

– Угу. Но при этом она перепробовала половину отдела, – заметила Рокси.

– Думаю, Мьяла просто искала запасную парковку для своих бамперов, если не выгорит со Стэйном, – хохотнула Крис.

– Ну для этого она нашла удачное место. Тут на одну оборотницу по дюжине самцов...

– И ты, Рокси, при этом умудрилась выйти замуж не за законника, а за человеческого мага, – усмехнулась обладательница сопрано.

– Что б ты понимала! – беззлобно отозвалась Рокси. – Я лучшего отца для своих волчат и не сыскала бы.

– А не ты ли, подруга, мне на прошлой неделе жаловалась, как твой благоверный, над дверью повесил оберег от всяческого зла, и теща не смогла войти в дом?

– Пф! Это было недоразумение! А перед моей мамой он уже извинился. Три раза.

Разговор оборотниц свернул на житейские темы, а вскоре и вовсе завершился. Душ зашумел сильнее. А спустя совсем немного я услышала:

– Крис, давай быстрее, нам только пятнадцать минут дали. И они вот-вот истекут, – поторопила подругу Рокси. И двуликие с фырчаньем начали одеваться.

М-да, похоже, полчаса – это было еще щедро...

Я заторопилась. Постаралась быстро переодеться, скрутила влажные волосы в тугий узел на затылке и поспешила в лабораторию. Хотела оставить там грязное платье и забрать пару артефактов, из нестационарных, для экспертизы в обгоревшей квартире.

Вот только Хук, как оказалось, довел дело выбивания из начальства нового выездного набора до конца, а само начальство – до уравнибошенного состояния.

– Вот. – Хук с гордостью указал на новенький чемоданчик. – И больше чтоб кварталы не взрывала!

– Там была квартира... – попыталась возразить я.

– Да какая разница, какого диаметра будет кратер, если в его эпицентре сгинет еще один выездной набор?! – И тролль махнул рукой в духе «не крути мне мозги на эти ваши женские уточнения, как на щипцы для завивки, я и без тебя кучеряво рассуждаю».

Я лишь улыбнулась этому ворчанию, поблагодарила Хука. Вот только прощание вышло слегка в духе угонщиков. Правда, я, уходя, прихватила на память не чабиль, а всего лишь чемоданчик. И, стоя на пороге лаборатории, произнесла:

– Ну, пожелайте мне удачи!

– Удачи, – усмехнулся Хук и тихо, думая, что я не услышу, добавил: – А Стэйну запасной комплект нервов и валериановой настойки. Ванны две.

«Видимо, эксперт припомнил, как оборотень на него наорал, не иначе, – подумала я. – Иначе к чему было такое пожелание тролля Мраку?»

По коридору я старалась спешить, но медленно. Так, на всякий случай, чтобы не споткнуться обо что-нибудь и не поломаться. А то мало ли... Как говорил Катафалк: свернутая шея не освобождает вас от зачета, а курсовую вы обязаны защитить, даже если она успела за семестр превратиться в ваш некролог!

Так что больничный, увы, лишь бы добавил мне проблем к прохождению стажировки, а не избавил от оной.

Когда я добралась до кабинета, Стэйн разбирал бумаги. И несколько минут демонстративно меня не замечал. Я сначала кашлянула, потом выразительно и громко чихнула... И уже подумывала над тем, не подойти ли к окну и совершенно, абсолютнейше случайно сдвинуть здоровенный фикус с подоконника на пол. Так сказать, заставить непринужденно обратить на себя внимание.

Но Мрак, не иначе как что-то почувствовавший, поднял взгляд от бумаг и сухо произнес:

– Ты опоздала, Драккарти. – И сверкнул взглядом так, что мои мысли предпочли заранее покончить жизнь самоубийством, не дожидаясь, пока тело подтянется.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы ответить:

– Машинное масло быстро не отмывается. – Я не стала уступать Мраку.

Начну сейчас извиняться, оправдываться – и со мной просто перестанут считаться. Проходила это уже на первом курсе. Тогда я впервые вошла в аудиторию и поймала на себе сразу несколько снисходительных взглядов парней. Со стоеросиной Стронсом даже пришлось выяснять отношения в магическом поединке. Тогда он знатно повозил меня по тренировочному рингу. Но и я поправила ему точку зрения на то, что девушкам в артефакторике все же место. Ударом в глаз.

– Ты не поверишь, Драккарти, но я в курсе. Тоже, знаешь ли, приходилось иметь дело и с мазутом, и с маслом. – Губы оборотня сжались в линию.

А мне стало интересно: где именно гваздался этот двуликий? Подростком в отцовском гараже? Или... оборотницы упоминали, что Стэйн служил на барьере, где в ходу были мощные вседорожники...

Додумать мысль я не успела. Стэйн припечатал:

– Раз ты наконец готова, выезжаем. Мои ребята уже на месте. И... – Оборотень тяжело выдохнул, посмотрел на меня, как на подаренную вскладчину спокойствием и душевным равновесием надгробную плиту. – Это тебе. Пока свой не починишь, чтобы была на связи.

И на стол лег простенький переговорник. По ободу, обрамлявшему центральный кристалл, шла тонкая вязь, обвивавшая

пять мелких красных камешков сердолика. Значит, память у амулета всего ничего.

– Если экстренно нужно вызвать меня – жми на верхний красный. Ниже – Зарнир. Затем Мириам, за ней – Севрин, последний – Леард. Поняла?

– Спасибо.

На мою благодарность Мрак отреагировал в духе: поблагодарила – спасибо, а если бы вообще не приходила в отдел на стажировку – было бы большое спасибо!

На этот раз до квартиры убитого гоблина мы добирались не на служебном чабиле, а на личном мраковском. Да как! Поездка, полная безмолвия, вышла из серии: был тихий обеденный полдень с ураганом и цунами.

Затормозили мы знатно: резкий визг колодок, после которого чабиль на дрifte вписался в парковочное место, оставив на мостовой следы протекторов и моих скоростно скончавшихся нервов.

– Какого... – кажется, я нечаянно занялась гуманитарным образованием Стэйна. Точнее, расширила его словарный запас. Правда, тот оказался из разряда, когда кувалдометром попадают по пальцу... Но просвещение же должно быть разносторонним. – Какой фтырх в тебя вселился, Стэйн?

– У меня все в порядке. Это у тебя нервы шалют, – холодно, словно ничего не произошло, отозвался Мрак.

Хотелось сказать, что они у меня сейчас не шалют, а готовы устроить оптом погром, революцию и аутодафе одному невозмутимому оборотню. У меня даже глаз задергался, когда я посмотрела на уверенно-спокойный, словно высеченный из мрамора, профиль Стэйна.

Мне стоило больших усилий, чтобы не начать кровопролитие. Бесит! Как же этот оборотень иногда бесит!

Именно в таком настроении я и поднялась в квартиру. Но едва увидела обугленный остов дивана, раскуроченный взрывом пол – все эмоции куда-то ушли. Передо мной появилась цель – найти зацепки по делу о похищении Ока. Остальное неважно.

Мой взгляд прошелся по тому, что осталось в квартире после взрыва. Тело покойника уже вынесли. Но остального ребята из отряда Стэйна не тронули.

Это миф, что взрыв выжигает все следы. Нет. Их остается полно. Главное – уметь смотреть.

Впрочем, в квартире гоблина особо и приглядываться не приходилось. Там было столько всего... Я смотрела на оплавленные провода, покореженные схемы магических потоков, закопченные осколки кристаллов и едва сдерживалась, чтобы остаться в глазах отряда Стэйна приличным человеком, а не специалистом-артефактором в стадии полного офонарения. И мне даже это удалось: материлась я про себя, но какими этажами...

Столько артефактов. И все были спрятаны под полом! И обложены глушилками, чтобы не фонили... Вот этот покореженный остов, похоже, от взрывного ежа. А в другом обугленном механизме я узнала отвод глаз. Разбившийся корпус клепсидры – не иначе как ускоритель, при активации которого маг на несколько мгновений может стать сверхбыстрым... Да даже наполовину сгоревший деревянный ключ – универсальная отмычка, о которой нам лишь рассказывали на лекциях, утверждая, что нам навряд ли придется с ними сталкиваться по работе...

– Ну, что скажешь? – поинтересовался Мрак, глядя на мое хмурое лицо.

– Будем копать улики, – вынесла я вердикт и добавила: – Нужна лопата.

И, судя по тому, как вытянулись лица у законников, «копать» и «рыть землю носом» они не воспринимали так буквально.

– Знаешь, если бы это сказал некромант, я даже бы не удивился. Но чтобы артефактор собирал улики лопатами... – Зар первым отошел от изумления.

– Мешками, – поправила я стрелка. – Тут их столько, что, боюсь, мне потребуется пара дней на одну их сортировку. Пока же могу сказать: убитый был очень... запасливым... – И я перечислила артефакты, которые с ходу смогла опознать.

– Какое интересный ты подобрала синоним к слову «сволочь», – хмыкнул Северин, опершись своим внушительным плечом о косяк. – Таким кучу народа положить можно.

– Вот сейчас и будем разбираться.

Вот только доблестные законники не подозревали, что они «будут», а я – «разбираться». Зар, Сев, Лиард и Стэйн орудовали

лопатами. Больше всех, судя по выражению лица, негодовал чувствитель. Тонкие пальцы парня так чужеродно смотрелись на черене лопаты, что у меня, собиравшей вместе с Мириам осколки от еще не опознанного амулета в пластиковый мешок, вырвалось:

– Такое ощущение, что Лиард и лопата сегодня были впервые представлены друг другу...

Оборотница на это не выдержала и фыркнула:

– Еще бы! Наследник древнего рода, бриллиантовая молодежь... Могло случиться, что из всего копательного инвентаря он держал в руках только совок. И то когда играл в детстве в песочнице.

– И как же его угоразд... – я не договорила, поняв, что оговорка у меня вышла из разряда «удачного вам дна». А ведь порой именно такие формулировки можно в протоколе вскрытия указывать в качестве причины смерти.

– Вляпаться в наш отряд? – подхватила Мири, все прекрасно поняв, и, похоже, не обиделась.

Я лишь согласно кивнула.

– Это его наказание. Уж за что точно – не знаю. Слухи ходят разные. То ли за вызов, который Леард бросил альфе клана, то ли за сомнительную историю с девицей, в которой непонятно, кто кого еще скомпрометировал, то ли за то, что пошел поперек воли отца... Но задумывалось оно по принципу: ткнут щенка носом в грязь людских пороков, и он одумается. А наш чувствитель в отместку взял и прижился в отделе! И спустя год не захотел возвращаться в клан...

– Я, вообще-то, все слышу, – холодно отозвался объект наших сплетен, перестав махать заступом и всем своим видом показывая нам с Мири, что у оборотницы и меня был отличный шанс промолчать. Но мы его упустили.

– Скажу больше, – хохотнул громила Сев, прервав работу. – Мы тут все это слышим.

– Но кое-кто тактично делает вид, что он словил проклятье глухоты, – хмыкнул Зар, сверкнув белозубой улыбкой и указав на себя. При этом рыжий беззаботно оперся на черен вертикально поставленной лопаты.

– Драккарти, – холодно произнес Стэйн, безошибочно найдя причину, по которой раскоп... сбор улик был приостановлен. Причем его голос прозвучал столь выразительно, словно я была виновата не

только в техническом перерыве, но вообще ВО ВСЕМ. И виновата ОПЯТЬ!

И вот удивительно: произнес Мрак лишь мое имя, а вновь за лопаты схватились все. Даже те, кто их до этого не держал. Например, Мири.

И вроде ведь они были из разных кланов, но чувствовалось: сейчас они подчиняются Стэйну не как капитану, а по закону сильнейшего. Вот только я-то оборотнем не была. Потому упрямо посмотрела хмурому двуликому прямо в глаза через всю комнату.

И вдруг резко мир сузился до нас двоих. В глубине его холодного взгляда плескалось неразбавленное раздражение. Моим же можно было потопить корабль. Как же он меня сейчас бесил! А больше всего в нем бесило, что я не могла его понять! У-у-у, обор-р-ротень...

– Я закончил! – радостный голос Зара был сродни удару кнута, вспоровшего вязкую тишину. Отчего я резко повернула голову в его сторону.

Вот ведь неисправимый оптимист! Этот рыжий двуликий был из той породы гадов-жизнелюбов, которых обещаешь за их фонтанирующий позитив сжечь на костре, а они кричат: «Ура! Ну наконец-то появится откуда прикурить!»

– Отлично, значит, ты носишь мешки и сгружаешь их в машину, – тут же ответил Стэйн.

Тяжкий вздох стрелка заставил засмеяться всю команду. А спустя час мы закончили со сбором улик. Вынесли все. В том числе часть стен, абсолютно весь пол и чуть-чуть потолка. Оставив взамен жильцам дома целую кучу впечатлений о работе законников.

А вот когда все это добро привезли в отдел, сгрузив добытое посреди лаборатории, то я услышала потрясенное Хука:

– У меня дежавю... Столько мешков разом я видел лишь однажды: когда ко мне приехали разом все родственники ж-ж-жены.

Судя по лицу тролля, воспоминания эти были с оттенком кошмара. Он даже заикаться стал. Хотя до моего первого самостоятельного сбора улик я за мастером этого не замечала.

– И что вы с ними делали? – поинтересовалась я.

– С кем? – все еще гипнотизируя взглядом груды посреди лаборатории, заторможенно спросил тролль.

– С родственниками, – пришлось пояснить.

– Попытался не убить, – честно отозвался Хук. Со мной, судя по тому, как нервно тролль забарабанил пальцами по столу, он старался сейчас сделать то же самое.

Двуликие к этому моменту уже ушли. Так что с мастером мы остались один на один. Хук еще раз окинул печальным взглядом мешки и выдохнул:

– Так, у нас сегодня до ночи много работы. И первое из дел – сварить кофе...

Сортировали мы с Хуком все долго. Но как пробило шесть вечера, мастер снял с себя халат, повесил его на крючок и со словами «продолжим завтра» собрался покинуть лабораторию.

– А как же...

Я кивнула на еще пять неразобранных мешков.

– Дэй, ты еще молодая... Но поверь мне, старику: ловля преступников ловлей, а рабочий день по графику. В нашем экспертном ремесле и так очень часто приходится работать сверхурочно, так что пользуйся любой возможностью отдыхать в положенное для этого время.

Засим Хук удалился. А я... вспомнила, что помимо работы у меня еще есть личная жизнь. И часть оной – мой собственный переговорник, который я вчера разбила. И я решила его починить. К тому же в лаборатории были артефакты ничуть не хуже, а многие и лучше, чем мои домашние. Прикинула, что часа полтора мне хватит...

И вот едва я закончила крепить новый кристалл взамен разбившегося и активировала силовые нити, как амулет завибрировал. И когда приняла вызов, услышала папин голос:

– Шестереночка, я не мог до тебя сегодня целый день дозвониться...

М-да... не Стэйн один, похоже, попытался сегодня связаться со мной. Оказалось, что отец уезжал на несколько дней: ребята готовили болид к заезду, который должен был состояться через неделю. Но один из механиков сломал руку.

– Ты ведь помнишь Люка, Дэй? – спросил отец, не сомневаясь, что я не забыла его друга.

– Конечно.

– Так вот, он сейчас в гипсе и просил подменить его... Сама же понимаешь, эликсиры не для магов...

Я лишь хмыкнула. Ну да, не для магов. Не для артефакторов – так точно: при применении восстанавливающих зелий слегка сбиваются токи силы. И если для того же боевика это не столь страшно, то у маготехника, работающего порой с тонкими настройками и механизмами, это чревато браком изделия. Так что я понимала Люка, который предпочел страдать и проходить пару недель в гипсе, чем потом проводить заново отстройку потоков.

– Так что не теряй меня, шестереночка. Вернусь через пару дней...

– Береги себя, па...

– И ты себя, малышка, – напутствовал отец перед тем, как закончить разговор.

Я посмотрела на погасший переговорник и уже было собралась положить его в карман, как он снова ожил.

На этот раз меня хотела услышать Линк. А еще узнать, все ли в порядке после той злополучной вечеринки, услышать, как проходит моя стажировка, и в ответ пожаловаться на свою... Слово за слово выяснилось, что подруга, которая вот уже пять лет изучала лечебное дело, проходит практику в столичной психо-эмпатической лечебнице. И ее за два дня практики уже успело достать несколько пациентов.

Первый – оборотень с раздвоением личности. Причем психическое расстройство было у блохастого не в целом, а, так сказать, по частям: в звериной ипостаси его волк считал себя хомячком. И после него приходилось кушетку чистить от шерсти.

Вторым оказался вежливый вампир, пробовавший ухаживать и даривший вместо цветов стейки с кровью. Чтоб быть оригинальным, как заявил клыкастый.

Третий – спокойный гном-неврастеник, отлично умевший уклоняться от летящих в него предметов и от уплаты налогов, но словивший-таки тремор рук.

Болтали мы с подругой примерно столько же, сколько я чинила сам переговорник. И когда закончили, за окном опять распустилась пышными соцветиями мирабилиса пряная жаркая ночь.

Впрочем, я еще успевала на последний общественный вагончик, если потороплюсь. Поэтому я прихватила грязное платье и поспешила на остановку. И, о чудо, меня даже никто не остановил и не задержал. Так что я успела как раз вовремя на остановку.

А вот подходя к дому, я отчего-то ощутила тревогу.

Глава 5

Страха, когда я поднималась по ступеням крыльца, не было. Нет. Потому как страх – это сторожевой пес, который накидывается на тебя, валит с ног, впивается зубами в горло, не давая сделать вдох. Он концентрирован, но не может длиться долго. Как и падение с небоскреба.

Другое дело – тревога... Она звучит сначала едва различимо, словно отголоски шепота, доносимые ветром. Но с каждой секундой становится все громче и отчетливее.

Так вот, сейчас то, что одни называют интуицией, другие – чуйкой на неприятности, в голос вопило: опасность. Настолько явственно, что я, несмотря на всю свою усталость, насторожилась, открывая дверь.

Еще не щелкнув выключателям, я в скудном свете уличных фонарей, который проникал из дверного проема в прихожую, заметила выдавшие виды папины гогглы. Они лежали там же, где и обычно, – на полочке рядом с зеркалом. В них он работал исключительно в своей ремонтной мастерской и никогда не брал в поездки: боялся потерять в дороге. Домашние тапки отца также привычно стояли в углу. А вот кепка, которую отец никогда не вешал на крючок для одежды, а клал на трюмо – дескать, чтобы та не теряла форму и не вытягивалась, а была всегда круглой, – сейчас была нанизана на крючок, подцепивший еще и петельку плаща.

И вот это маленькое несоответствие насторожило еще больше. Мелькнула мысль позвонить законникам. Но что, если это всего лишь мои расшалившиеся нервы? За ложный вызов по головке не погладят. А вот приветить штрафом – это могут.

Чувствуя себя параноиком, я на обеих руках активировала все пять точек и заготовила атакующий аркан. И лишь после этого, крадучись, пересекла прихожую и бесшумно двинулась на кухню.

Шаг. Второй... Третий я сделать не успела. С грабителем мы увидели друг друга одновременно. Коротко чавкнул чарострел, и в меня полетел пульсар. Я же в ответ выпустила заготовленное плетение, одновременно пытаясь уклониться.

В итоге с незваным гостем у нас вышла почти ничья. Его сгусток магии врезался в стену. Мой аркан лишь полоснул его по плечу и со звоном выбил кухонное окно.

– Тебе не жить, дрянь! – взревел грабитель, зажав правое плечо свободной ладонью.

Он попытался вновь прицелиться. У меня же времени на то, чтобы кастовать еще одно заклинание, не было. Зато под рукой на плите оказалась сковородка.

Как итог – я ей и прикрыла голову, когда в оную полетел еще один заряд. Чугунная утварь приняла на себя жар пульсара, раскалившись докрасна. Благо ручка была зачарованной и не обожгла моих пальцев.

Я же, глянув на алеющий в темноте кухни блин, перехватила сковороду поудобнее и решила, что лучшая защита для слабой одинокой девушки – это сильный упреждающий удар. Как итог – я не стала прятать в рукаве карты нападения на противника и...

До этого я не играла в теннис. Но инстинкт самосохранения – лучший учитель, правда, берущий оплату за свои уроки нотками нервных клеток.

Прыжок. Я взлетела вверх, оттолкнулась от табуретки и приземлилась уже на стол. А потом была подача. В лучших традициях турнира Большого щита. Я при этом даже кричала, как полагается маститым спортсменкам, – громко, долго и на одной ноте. Поэтому, когда сковорода встретилась с оторопевшей физиономией вора, еще неизвестно, отчего грабитель больше ошалел: оттого, что вместо приличествующей случаю перестрелки его атаковали раскаленной сковородой, или от ударной звуковой волны.

Но, увы, порадоваться удачной атаке я не успела, потому как в следующую секунду получила по колену рукояткой чарострела. Ворюга, падая, с размаху врезал мне ей по ноге. От удара оружие вылетело из его ладони. Но и я не смогла устоять. И, потеряв равновесие, упала на стол, больно приложившись о край последнего затылком и едва не вырубившись. Но сковородку так и не выпустила.

Вот только когда перед глазами перестали летать крылатые шестеренки, я почувствовала, как на моей шее сомкнулись пальцы.

Я захрипела, глотая ртом воздух. Взмахнула рукой, и... Дзинь! Звук от встречи сковороды с черепом был такой, будто я от души шибанула половником по пустой кастрюле.

Мужик чуть отстранился, помотав головой. Для меня этого оказалось достаточно. Я согнула ногу в колене и от души заехала пяткой по челюсти грабителя, заставив того отлететь от меня на пару футов и удариться спиной о тумбу, на которой стояла подставка с кухонными ножами.

Сама же скатилась с разделоч... с обеденного стола. Аккурат в тот момент, как противник не только успел очухаться от «пощечины подметкой», но и вонзить в то место, где я только что лежала, нож для разделки мяса.

– Гад! А если бы я порезалась?! – выкрикнула, на долю секунды заворожённо уставившись на лезвие, на треть вонзившееся в полированное дерево.

– Сдохни, тварь! – проревел в ответ противник.

– Сам ты тварь! Я артефактор! – возмутилась такой вопиющей безграмотности в профориентации и мстительно сосредоточилась на том, чтобы, собственно, не сдохнуть.

– Тогда тем более! – с этими словами в меня полетели ножи.

Метавший их оказался правой. И он наверняка попал бы в меня, если бы именно эту его руку я не зацепила арканом.

Я отбивала острия сковородкой. А второй рукой пыталась нащупать, чем в противника можно запустить в ответ. В итоге в вора полетели зеленые луковые перья, полотенце, свекла, кочан капусты, орехокол, кастрюля с супом (почти полная! она окатила противника своим содержимым), табуретка... И если поначалу грабитель бесстрашно рассекал предметы очередным ножом, то от последних уже старательно уклонялся, впрочем подбираясь все ближе. Так что мы оказались на расстоянии вытянутой руки. Противник замахнулся, явно намереваясь отсечь мне башку. Во всяком случае, лезвие метило мне точнехонько в шею. Я резко нагнулась. Сталь пролетела над моим затылком, а грабитель качнулся чуть вперед, не встретив сопротивления. И в этот момент я распрямилась.

Мой многострадальный затылок врезался в челюсть вора. От удара взвыли мы оба.

– Да чтоб тебя! – застонала я, рефлекторно схватившись за голову.

Противник тоже промычал что-то. Судя по интонации – матерное. И сплюнул. Мой взгляд метнулся следом за его выбитым зубом, и я увидела лежавший в углу чарострел. Увы, его узрел и грабитель. Мы

оба кинулись к оружию вместе. Но брошенная по косо́й в противника сковородка дала мне секунду форы.

Успела. Сжала рукоять, палец лег на спусковой крючок, когда я еще только начала оборачиваться. И в этот момент противник обрушил на меня буфет. Его створки распахнулись, и вниз полетели тарелки, чашки, стаканы...

Я, падая на пол, под градом из посуды выстрелила в бросившегося к окну. Промазала. И тут на меня рухнул и сам буфет, придавив к полу. Я оказалась распластанной животом на паркете, с вытянутыми вперед руками, лицом к противнику. Еще один выстрел, заставивший грабителя шарахнуть в сторону. Сгусток энергии пролетел совсем рядом с мужиком, задев бок.

Вор зашипел от злости, глянул на чарострел в моей руке и, видимо решив, что в третий раз я могу и попасть, сиганул в окно.

Как раз в ту секунду, когда я дернула дулом и нажала еще раз на крючок. Но грабитель успел скрыться мигом раньше. А я так и осталась лежать на полу. В грудe осколков, придавленная буфетом, не в силах пошевелиться.

Неразбавленный адреналин, который тек по моим венам вместо крови, вдруг схлынул, и я... запоздало испугалась!

Меня. В МОЕМ СОБСТВЕННОМ ДОМЕ! В самом безопасном из всех мест в этом мире – и пытались отправить на тот свет?! Меня затрясло. Вот теперь это был страх. Осознание, что меня только что чуть не убили, накрыло волной. А может, произошедшее сейчас стало последней каплей в квесте «обстоятельства пытаются прикончить Драккарти»? Захотелось послать практику ко всем фтырхам! А Катафалка – того сразу за барьер к демонам! Он быстро нашел бы с ними общий язык. Но как мне это сделать? Тем более под нынешним гнетом буфетных обстоятельств.

– Так, Дэй, возьми себя в руки и держи крепче, чтобы не вырвалась! – приказала вслух. А потом, шипя, активировала точки. Они вспыхнули вокруг запястья не враз: все же я поистратила силы днем, а на атакующий аркан ушли последние запасы магии. И теперь я черпала ее из неприкосновенного резерва – своей ауры.

И все же мне удалось выбраться. Надо было вызывать отряд законников. Рука потянулась к переговорнику и случайно достала не мой, починенный, а тот, что дал Стэйн.

Всего миг раздумий – и все же свои, уже знакомые законники, точнее законник, пусть и вечно ворчавший и, кажется, уже использующий мою фамилию вместо тысячи бранных слов, был ближе.

И я нажала на первый кристалл. Пальцы мои при этом подрагивали.

И когда спустя несколько секунд я услышала хриловатое Мрака: «Слушаю», выдохнула:

– На меня только что напали. В собственном доме, – мой голос прозвучал сухо, в то время как тело начала бить крупная дрожь.

– Ты ранена? – Несмотря на разделявшее нас расстояние, я почувствовала, как Стэйн в этот момент весь подобрался. Его голос звенел от напряжения.

– Вроде бы нет... – ответила я, еще сама до конца не понимая, так ли это на самом деле.

– Жди. Я сейчас приеду.

Никогда еще «сейчас» не было столь длинным. И... столь коротким. Прошло совсем немного времени, как у моего дома раздался звук тормозов. Такой, при котором протектор резины сжигается в ноль, оставляя после себя дымящуюся подпись аса-гонщика на асфальте.

Я не знаю, на какой скорости мчался сюда Стэйн, столько правил он при этом нарушил. Но он сейчас был рядом. И лишь когда Мрак вошел и обнял меня, откуда-то родилось ощущение: теперь я в полной безопасности.

Да, Стэйн на меня может нарычать, сверкнуть грозным взглядом. Но при этом поймает, не дав упасть с лестницы, закроет собой от огня взрыва. Или, как сейчас, сорвавшись, примчится, наплевав на знаки судьбы, впрочем, как и на дорожные.

И я уже приготовилась услышать раздражённое: «Драккарти!» – с оттенком: «Ну что опять?!» – но вместо этого прозвучало полное тревоги:

– Дэйна, что случилось? – это было первое, что спросил Мрак, когда прижал меня к себе, обнимая и... обнюхивая! Оборотень, что с него взять.

И еще эта его нетипично заботливая интонация... Да демоны подери этого Мрака! Не мог наорать? Я бы привычно взбесилась в

ответ, и здоровая злость вытеснила бы страх. А тут... хлипкая дамба моего самообладания, сдерживающая лавину эмоций, не выдержала.

– Мрот тебя подери, Стэйн! И весь ваш фтырхов отдел! И гремлинова Катафалка! И демонову практику, чтоб ее крыхты сожрали!

Я от души стукнула кулаком по твердокаменной груди двуликого. Потом еще раз и еще. При этом волосы упали на лицо. Плечи мои дрожали, в носу свербело, а по щекам катились злые слезы...

Да, я ревела. Позволила себе стать на минуту слабой. Потому что просто устала быть сильной. Я уже слишком долго была ею.

– Дэй... Дэй, ты чего? Что с тобой? – Мрак, не ожидавший такой реакции, на секунду опешил.

А затем, схватив меня за плечи, встряхнул. При этом волосы перестали заслонять лицо, и оборотень увидел мои заплаканные глаза и дрожащие губы. И я впервые лицезрела ошарашенного Стэйна. У него было такое выражение лица, словно он в руках держит бомбу, которая вот-вот рванет. И не просто держит, но и готов упасть на нее, чтобы закрыть своим телом. Никак не меньше.

Его теплые пальцы дотронулись до моей скулы, стирая влагу. И на этот раз уже замерла я. Не знаю от чего: от неожиданно ласкового прикосновения, или от вкрадчивого голоса, или от самого смысла сказанного:

– Тише, моя девочка, тише. Я всегда буду рядом...

Он еще что-то шептал, вытирая сочившуюся влагу. И каждое его касание рождало магию. Ту самую, которую невозможно облечь в формулы заклинаний. Ту единственную, что делает двоих ближе друг к другу.

И едва я перестала шмыгать носом, как он меня обнял. Нежно, крепко, собственнически. И я прижалась щекой к его груди, вдыхая аромат Стэйна. Он пах южной ночью, теплым морем, а еще – душистым острым перцем и корицей. И эти пряные ноты хотелось вдыхать снова и снова.

Его горячее тело. Горячее дыхание. Горячие прикосновения... Все это рождало в моей крови огонь, который пульсом отдавался в висках, обжигал изнутри с макушки до пят, так что я стояла, не в силах пошевелиться.

– Успокоилась? – голос Стэйна прозвучал хрипло, и в нем мне почудился жар южных пустынных песков.

Я кивнула, отчего моя макушка задела его подбородок, и отстранилась. И сглотнула, увидев обжигающий взгляд, в синей глубине которого мне вновь почудилось расплавленное серебро. Оно манило, завораживало, и я, испугавшись этого притяжения, произнесла, лишь бы только что-то сказать, разорвать эту опасную тишину:

– Лучше бы ты на меня наорал... – При этом еще и обвиняюще шмыгнула носом. И только договорив, вспомнила народную мудрость, смысл которой сводился к тому, что сказала – спасибо, промолчала – большое спасибо.

Лицо оборотня, услышавшего мою претензию, было эпичным. Думаю, если бы к нему сейчас заявила жрица любви со словами: «Я ради вас профессию сменила! Теперь я содержанка. Ваша!» – и то Стэйн не был бы так удивлен.

Пришлось пояснить озадаченному двуипостасному:

– Я к твоему рыку уже привыкла. И накричи ты на меня – я не расплакалась бы, а разозлилась в ответ... – «Так что ты и виноват» я не озвучила, но Стэйн прекрасно это домыслил.

М-да... моя логика сейчас хромала на обе ноги. А все потому, что она была исключительно женской и наверняка носила туфли на высоких каблуках, которые ей и жали, и натирали одновременно!

– Ну извини, Дэйна! – тоном «твои выверты меня настолько достали, что уже почти не бесят... Хотя нет... Все же бесят» отозвался Мрак. – Мне проще поймать целую банду или ликвидировать прорыв барьера – в таких случаях я хотя бы четко предоставляю, что нужно делать. А со слезами адептов-стажеров, уж прости, как-то дел иметь не приходилось. Но спасибо за пояснения, в следующий раз буду знать и обязательно на тебя наору. Даже два раза.

Оборотень это произнес и тут же посуровел. Видимо, поняв, что сказал, а точнее – признался: непогрешимый Риднор Стэйн все же терпеть не может женских слез. Потому что они топят его железное самообладание.

– Хорошо. – Я в последний раз шмыгнула носом.

– А теперь, когда ты пришла в себя, рассказывай, что произошло, – уже командирским тоном приказал Стэйн.

Дважды просить не пришлось. И спустя четверть часа Мрак знал все подробности случившегося. Он же вызвал Мириам и Северина. А еще в категоричной форме стал настаивать на том, чтобы вызвать бригаду целителей.

И тут уже запротестовала я. Сошлись на том, что, как придут Мири и Сев, Мрак сам отвезет меня в лечебницу.

– Посмотри пока, что в доме пропало, – приказал Стэйн, сам предварительно пройдясь по комнатам и убедившись: больше никакой опасности нет.

И я, дожидаясь приезда двуликих, двинулась по комнатам. Да, некоторые вещи были не на своих местах. Но если не приглядываться, то и не заметишь подвоха. Но – самое главное – я не заметила, чтобы что-то пропало. Да, ценностей с отцом у нас особо не было, но мы и не сказать чтобы бедствовали.

Обычный грабитель прихватил бы мою шкатулку, в которой лежала пара золотых сережек, серебряные колечки и перевязанная резинкой пачка банкнот на «самый-самый черный день». Да и папины заготовки – ограненные драгоценные и полудрагоценные камни – остались не тронуты. Но зато в них явно рылись...

У меня закономерно возник вопрос: что вор искал? И почему старался, чтобы его действия не заметили? И почему тогда пытался меня убить? Испугался?

Все эти вопросы я и озвучила Стэйну.

– Может, и испугался. Или, как вариант, посчитал конкурентом...

Договорить Мрак не успел. Именно в этот момент у дома притормозил, ревя выхлопной трубой, ма-байк, на котором восседал Северин. А следом за ним аккуратно припарковался и спортивный чабиль Мири.

– Что за погром, а трупа нет?! – радостно воскликнул вместо приветствия громила.

– Сев, тебе не говорили, что у тебя шутки порой не к месту и дурацкие? – отозвалась Мири, в последний момент виртуозно пихнув здоровяка плечом и первой протиснувшись в дверной кухонный проем.

– Ну как говорили... – широко, во все свои белые острые зубы, улыбнулся оборотень. – Пытались. В основном на уровне так и не озвученной идеи.

Я глянула на фигуру Северина... Да-а-а... Она была идеальной для поэта, певца или просто оратора. Потому как такого точно дослушают до конца. Не перебивая. И даже не возражая. Ибо трудоустраивать целителей, перечая такому спикеру, никому из слушателей, полагаю, не хотелось.

– Так что, можно сказать, ты у меня в этом роде первая... – продолжил зубоскалить громила.

– Придушу, – многообещающе отозвалась Мири.

Надо ли говорить, что Сер лишь обрадовался такому заявлению.

Впрочем, увидев мрачный взгляд Стэйна, здоровяк-оборотень тут же перестал паясничать. Повторный пересказ событий занял у меня уже меньше времени – всего минут десять. Вот что значит практика дачи показаний. Еще раз двадцать – и я уложусь в несколько минут!

– Значит, отсюда он выстрелил в тебя. – Мири встала ровно на то место, где не так давно был грабитель, и вытянула руку, имитируя зажатый в ладони чарострел.

Мы, как в замедленной съемке, но лишь обозначая движения, еще раз «прошли» наш с вором бой. И когда добрались до выбитого зуба, оставшегося под завалами посуды и буфетного «надгробия», оживился уже Северин. И не только оживился, но и озверился. На его скулах, лбу, руках, которые почти не скрывала футболка, выступила шерсть. А черты лица стали напоминать...

– Он гриззи? – я не смогла удержаться от вопроса Стэйну.

– Да. И у него отличный нюх. На следы. Впрочем, и на неприятности тоже.

А Сев в это время уже поднял одной рук... хотя, точнее, лапой буфет и стал чутко принюхиваться к осколкам. При этом его нос уже скорее напоминал внушительную черную пуговицу, чем обычный, человеческий.

Северин, наклонившись, осторожно едва касался им разбитой мной и вором посуды, при этом пофыркивая и явно боясь поцарапать столь чуткий и нежный орган о черепок тарелки или чашки. А потом аккуратно длинными черными когтями, которые лесные гриззи вонзают в кору, ловко карабкаясь по стволу за диким медом, отодвинул сначала разбитое блюдо, потом ручку от вазы, и... звериные черты громилы вдруг исчезли. Перед нами вновь был байкер в футболке, кожаном жилете и броне из непробиваемой самоуверенности.

– Зуб – это, конечно, не полноценный череп врага... – начал он. – И, увы, не согдится, чтобы его отполировать и использовать вместо чаши для утреннего кофе, но след того, кто напал на нашу малышку, я по нему найду. – И громила поднес клык – а выбила я именно его, а не резец или какой-нибудь малый коренной – к своему носу и еще раз вдумчиво понюхал, словно запечатывая в памяти запах.

Потом повертел свою находку меж пальцев и со словами:

– Держи. Это твой трофей, эксперт, – вручил мне собственно клык.

А после этого Сев начал скоростной стриптиз... Правда, тот был без музыки и больше походил на команду «газы», когда нужно облачиться в обмундирование на скорость, но только наоборот. В общем, я и глазом моргнуть не успела, как мы уже лицезрели могучую волосатость Северина, облаченную лишь в носки и боксеры. Причем если первые были со стратегической вентиляцией класса земля-земля – в смысле с дырками пятка-носок, – то второй предмет гардероба гриззи радовал взор зрителей новогодним принтом: елочками, снежинками, оленями...

– Сев, ты лучше не пытайся шутить, а раздевайся сразу, – прыснула Мири в кулак. – Поверь, такой юмор прятать просто кошунственно.

– Да что б ты понимала, сова несчастная! Это подарок моей сестры! – И Сев растянул боксеры, как иные хозяйки – передник фартука, выискивая на том пятна джема.

– Интересно, за что она тебя так невзлюбила, что подарила тебе отличный оберег от разврата?

– Еще слово – и я таки достану легендарное перо из ж... хвоста одной совы! – рыкнул Сев.

– И кто тогда будет прикрывать твои волосатые тылы? – ничуть не смутилась Мири.

А я, слушая их дружескую перебранку, вдруг поняла: не все так просто у этой парочки. Громила же в ответ начал стягивать с себя, собственно, предмет дискуссии. Я едва успела отвернуться. Все же люди и оборотни во многом различны. Взять то же смущение. Порою мне казалось, что у двуипостасных оно отсутствует как класс.

А потом раздалась странные, чуть щелкающие звуки, словно вылетевшую головку кости вправляют в суставную сумку, и... Я

решила, что слишком быстро оборачиваться не стоит. И благоразумно досчитала до двадцати.

Вообще, насколько я знала, полный оборот, в отличие от почти мгновенной частичной трансформации, в зависимости от силы оборотня и его способностей мог длиться от нескольких секунд до пары минут. И первые мгновения двуликий был в звериной ипостаси слегка дезориентирован и неповоротлив.

Так вот про «слегка» информаторы мне ввали. Гриззи, едва обретя своего медведя, тут же разнес на кухне едва ли не все, что мы с грабителем не успели сломать: стол – встав на задние лапы и неудачно на него опершись, и пару навесных полок – стукнувшись о них своей лобастой головой...

Ах да, мохнатый еще оставил вмятину на холодильном шкафу, с наслаждением почесавшись о тот хребтом. К слову, получив по последнему от Мири со словами:

– Хватит кривляться, мохнатый, займись делом!

Гриззи фыркнул, боднул на прощание плафон под потолком, с удивительной для его габаритов легкостью вскарабкался на подоконник (надо ли говорить, что край последнего обломился) и сиганул на улицу.

Мири же, проворно подхватив вещи напарника, устремилась за ним, крикнув вслед мохнатому:

– Куда ты несешься? Подожди, я тебе не Зар!

Парочка исчезла так же стремительно, как и появилась, оставив после себя еще большие разрушения и неловкую тишину.

– Они найдут вора? – задала я вопрос, хотя подмывало спросить совершенно другое.

– Да, – произнес Стэйн так уверенно, словно не сомневался в здоровяке, как в самом себе. – А пока они идут по следу, я отвезу тебя в леч...

– Мяу! – перебил Мрака решительный голос откуда-то снизу.

Мы с оборотнем синхронно опустили головы и увидели, как под чудом не снесенной тумбой сидит мантикоренок. Пушистая мелочь воинственно топорщила свой хвост-жало и расщеперила темно-зеленые кожистые крылья, отливавшие обсидианом в тусклом свете единственной целой лампы.

Видимо, усато-полосатый храбрец, поняв, что опасность миновала, решил показать, что он тоже защитник. В меру своих сил, возможностей и здравого смысла.

А я почувствовала себя никудышной хозяйкой: при осмотре дома совершенно забыла о новом питомце.

– Кис-кис-кис...

Я машинально засунула выбитый у вора клык в карман, потянулась за котенком и тут ощутила, как руку пронзила боль.

Тихо взвыла и схватилась за плечо.

– Дэй?!

Миг – и Мрак оказался рядом.

– Ничего, наверняка просто ушиб.

– Вот это мы и выясним в лечебнице, – тоном, не терпящим возражений, припечатал он.

– А как же Мелочь? Он наверняка голодный... – Я совершенно не думала давать имя мантикоренку. Планировала, что, как появится свободное время, найду для него любящие, заботливые руки. Но «Мелочь» вырвалась сама собой. И, судя по усмешке Стэйна, оборотень принял это за кличку.

Двуипостасный тихо фыркнул, но все же полез доставать кусачего, царапучего, шипящего и пытающегося ужалить скорпионьим хвостом котенка. Но кто бы сомневался, что в этой битве победа будет за Мраком? Вот только выяснилось, что у Мелочи перебита лапа.

– Похоже, попался грабителю под ноги и тот его швырнул об стену, чтобы не мешал... – предположил оборотень.

– Мяу! – киса солидарно пискнула, ну точно показания давала. Мол, да, все верно говоришь, двуногий.

– Ладно, я понял, – не дожидаясь моих просьб, стиснув зубы, прошипел Стэйн. – Сначала тебя в лечебницу. Потом это недоразумение к зверомагу...

– Спасибо... – выдохнула я.

А вот спустя полчаса, когда целитель нашпиговал меня уколами почище, чем иной повар утку – яблоками, и обрабатывал ссадины зело жгучей мазью, я уже была не так благодарна Стэйну. Но я шипела и терпела, отказавшись от наложения чар. Все же мой дар мне был важнее, чем возможность завтра даже не вспоминать о синяках.

С манитикоренком тоже оказалось все непросто. Химероидные животные плохо поддавались чарам, поэтому Мелочи, как и мне, пришлось довольствоваться укрепляющими эликсирами и страдать. Правда, в отличие от меня, мантикоре еще и ограничили подвижность, крепко зафиксировав поврежденную лапу, чтобы кость срослась.

И вот, когда мы глубокой ночью вышли от зверомага и сели во вседорожник Стэйна, я поняла одно: не хочу, я жутко не хочу возвращаться домой. И оставаться одна тоже не хочу. Да, мне отчасти удалось взять себя в руки. Да, внешне я старалась показать, что все уже в норме... Но внутри меня, там, где в грудной клетке заперта человеческая душа, сейчас бушевал ледяной шторм отчаяния и страха.

Казалось, что как только я закрою за спиной дверь своей прихожей, то тут же услышу шепот приближающейся опасности. Смертельной и неотвратимой. И во второй раз мне не удастся от нее отбиться.

Я посмотрела на часы, которые начали уже отсчет нового дня. Позвонить Линк?.. Правда, ее отец наверняка начнет ворчать: он и так меня недолюбливал. А уж если я заявлюсь посреди ночи, да в синяках и ссадинах... Хотя я хорошо знала Ли, и она не позволила бы мне уйти, окажись я у нее на пороге. И она пошла бы против желания отца, но... не хотелось, чтобы из-за меня в семье Фортсмудов случился очередной скандал.

Поэтому закусила губу, которая подрагивала, и, уже почти набравшись мужества, хотела сказать, чтобы Мрак вез меня домой, как слышала невозможное:

– Сегодня переночуешь у меня, – и сказано это было таким будничным тоном, словно он лежал под чабилем и просил подать ему гаечный ключ. При этом Стэйн не отрывал взгляда от дороги.

В другой ситуации я бы возразила. Возмутилась. Запротестовала и потребовала немедленно отвезти меня туда, где взял, но... не сегодня.

Я смутно помнила, как мы подъехали к высотному зданию и оставили чабиль на подземной парковке, как Стэйн вызвал лифт, как звякнули ключи, открывая замок входной двери.

Я настолько устала, что даже моргать сил не было. Казалось, мое тело наполнено осколками стекла, и каждый шаг давался с трудом. Хотелось лишь лечь, закрыть глаза, оказаться в темноте... Темнота... Она манила, обещала покой и... пугала. Это я осознала, когда,

умывшись и переодевшись в чистую мужскую рубашку, которую мне выдал Мрак, осталась в гостевой комнате одна.

Стэйн спал в соседней. Я слышала, как он ворочается в своей постели, как встает, чтобы открыть окно, и снова ложится... Нас отделяла лишь стена. Какой-то фут кирпича и цемента. Но мне казалось: между нами мили. И если что-то произойдет, то оборотень не успеет прийти на помощь.

Во мне говорил страх. Он вновь выполз из глубины наружу, обхватил своими щупальцами мой здравый смысл, почти задушил его. Заставил смотреть в потолок и натянуть одеяло почти до подбородка.

И откуда-то пришла мысль: я не усну. В одиночестве – так точно. Потому, набравшись наглости, которую некоторые по ошибке называют храбростью, я встала с постели и на цыпочках пошла в комнату Стэйна. Мелочь лежала на диване в гостиной, свернувшись клубочком и урча, как моторчик.

Я постучала в дверь спальни оборотня. Отрывистое «да», прозвучавшее, едва я последний раз коснулась костяшками дерева, лучше любых слов говорило: двуликий и не думал пока засыпать.

Приоткрыв створку и шагнув внутрь, я нерешительно попросила:
– Побудь, пожалуйста, рядом, пока я не усну...

Окно спальни оборотня оказалась распахнутым, а легкий летний ветер флиртовал с шифоновыми шторами, принося с собой в комнату свободу ночной тишины. Такой, в которой звуки мимолетны, слова – случайны, а поступки – иррациональны.

Тьма, которая в моей комнате казалась вязкой, чернильной, давившей, заставлявшей захлебываться страхом, здесь была расчерчена полосами серебряного света мандариново-яркой луны. Такой, которая бывает на небосводе только в знойные летние ночи.

И в полумраке я могла увидеть полуобнаженного Стэйна, сидевшего на кровати.

Тело оборотня – сильное, мощное, совершенное – приковывало мой взгляд. И я была не в силах заставить себя не смотреть на него.

Загорелый, рельефный от литых мышц торс, широкие плечи, плоские кубики пресса, нити давних шрамов, рисунки татуировок – я подмечала то, что было до этого скрыто под форменной рубашкой.

И спустя секунду почувствовала, как на мне замер ответный взгляд двуликого. Напряженный, жгучий, серебристо-синий. Стэйн на

миг прикрыл глаза и через несколько томительно долгих секунд тяжело, словно боролся сам с собой и проиграл, выдохнул:

– Хорошо... Дэй... Я сейчас приду. Ложись в свою кровать.

Я развернулась и направилась в гостевую комнату, когда услышала обреченно-тихое:

– Прародитель, пошли мне терпения...

На это заявление двуликого я мысленно фыркнула: еще неизвестно, кому из нас двоих это самое терпение нужно больше. Ведь Стэйн обладал уникальным талантом – привлекать и бесить одновременно. Но бесить – чаще. А мне нужно быть уравновешенной, а не перманентно взбешенной, если я хочу пройти это фтырхову практику... не успела додумать, как со всего маху стукнулась мизинцем: не иначе как местный угол решил превентивно ударить мой палец в порядке самозащиты.

Я зашипела от боли, остаток пути проскакала на одной ноге и под конец весьма неэлегантно грохнулась на кровать. К тому же еще и едва не ударившись затылком о стену. Зато в постель нырнула в рекордные сроки.

Стэйн, появившийся в моей спальне почти тут же, мог лицезреть по большей части лишь мой нос, торчавший из-под края одеяла. Все, что было ниже этого органа, который всякая уважающая себя сплетниц... пардон, сенсационистка хоть раз да прижимала за свою карьеру, сейчас было надежно скрыто.

– А я уж было подумал, что ты, Дэй, не дожидаясь меня, решила отправиться в страну грез самым древним, быстрым и надежным способом... – и вроде бы в голосе двуликого звучала шутка. Но вот почему-то мне показалось, что за ней он попытался спрятать тревогу.

– Это каким же? – заинтересовалась я, высунув из-под одеяла лицо целиком. При этом сознание почему-то подкидывало такие варианты, как молоко с медом, колыбельная или хотя бы хлороформ.

– Оглушением, – просветил наивную меня Мрак. – Правда, по классической технике удар против... пациенту... кхм... целитель наносит неожиданно и сзади. Но ты, судя по звукам, могла отлично справиться и в одиночку.

– Да чтоб ты знал, Стэйн, даже когда однажды мой организм хотел упасть в обморок, я так его отчитала, что он передумал терять сознание. А тут – подумаешь, какой-то мизинец зашибла...

– Сильно болит? – поинтересовался Мрак.

Я лишь отрицательно замотала головой.

– И перестань называть меня по фамилии, когда мы наедине, Дэй. У меня вообще-то имя есть, – ворчливо добавил он, придвигая стул к изголовью кровати.

«Не только имя, но и прозвище, – подумала я. – Но гремлины лысого я тебе его озвучу».

Мрак сел рядом с постелью и озадаченно замолчал. Видимо, опыта в усыплении девиц по принципу «убаюкай сказочкой» у него, как и в случае со слезливыми стажерками, не было. И почему-то меня это порадовало.

А затем мой взгляд скользнул по сильной жилистой руке оборотня, перевитой тугими жгутами мышц и отметинами застарелых шрамов, и у меня невольно вырвался вопрос:

– А откуда он? – И мой палец, вынырнувший из-под одеяла, коснулся белесой на фоне загорелой кожи, рваной продольной полосы.

– Со службы, – сухо отозвался оборотень. Для него это явно была не самая любимая тема разговора, но... он посмотрел на меня и, видимо, по принципу «что бы подопечная ни слушала, лишь бы поскорее уснула» решил, впрочем, без особого энтузиазма, продолжить: – Я не всегда работал в отделе. Да и если бы не травма, меня бы сейчас тут не было... Но при ликвидации последнего прорыва меня здорово зацепило... Ту высоту мы отстояли. И магов, стянувших ткань барьера, сумели прикрыть. Но я получил обширные ранения, потерял слишком много сил и, как следствие, перестал слышать зверя.

– Стэ... Риднор, – я исправилась в последний момент, вспомнив о просьбе двуипостасного не называть по фамилии, и добавила: – Рид... – сокращенное имя прокатилось по гортани приятным урчанием. И оно определённо понравилось мне гораздо больше полного. – А твой зверь может вернуться? – с надеждой спросила я и чуть повернула голову, чтобы лучше видеть Мрака.

– Целители говорят, что да, есть вероятность. Со временем. Я же радуюсь хотя бы тому, что при мне остались чуткий слух и нюх. А ты? Как тебя угораздило попасть на практику в отдел?

Вот почему мне показалось, что хотел он спросить слегка другое? В духе: как ты свалилась на мою голову? Причем целых два раза:

буквально и в качестве стажера? Но Мрак оказался на редкость деликатен.

Ну я и рассказала о Катафалке. И о нашей с преподавателем взаимной и верной ненависти. А потом сама не заметила, как, зевая, еще раз пересказала и события того злополучного вечера, когда мы с Линк удирали по вентиляции.

– А эта операция по внедрению... ну, когда ты дрался на поединке, она была очень важной?

– Еще вчера утром я думал, что да, – устало отозвался Рид. – Но в свете того, что сказал умирающий гоблин, похоже, что нет.

– Это как? – Мои глаза почти слипались, тело тяжелело, и я слышала скорее сам бархатистый голос Стэйна, чем улавливала суть сказанного.

– Шэйти-счастливчик, с которым я должен был встретиться после того, как выиграю поединок, не смог бы провести сделку по продаже артефакта. Ведь, по словам гоблина, Око уже было неисправно. Не без помощи нашего ныне покой...

Усталость оказалась сильнее. И я, смежив веки, все же шагнула в страну грез, не дослушав Рида...

Глава 6

Мне снилась зима. Не городская, со слякотью улиц и хлопьяющими носами прохожих, а настоящая. Такая, которая бывает только в лесу. Я шла меж стволов, с неба сыпала въедливая пороша, а вокруг белой пеленой простиралась тишина.

Молодые березы под тяжестью серебристого кружева согнулись арками, внушительные лапы елей потяжелели, опустились ближе к земле. Снег облепил деревья, кусты, вывернутые коряги. И порой силуэты были столь причудливы, выразительны, что казалось: я здесь не одна.

Ноги проваливались в тоненький, еще не заматеревший, а лишь прикрывший опад сугроб по щиколотку. Но холода я не чувствовала. Зато вдруг услышала, как тихо-тихо сломалась ветка. Обернулась и... Рядом со мной стоял знаменитый снежный леопард, которого еще называют снежным барсом.

Зверь был потрепан и худ. На боку зияла еще толком не затянувшаяся рана. Но, даже несмотря на это, я откуда-то знала: захоти он меня убить – и мне не жить. Не спасет ни магия, ни быстрые ноги.

Мощная шея, длинный пушистый хвост, внушительные мягкие лапы с широкими подушечками, которыми так удобно неслышно ступать по насту, пятнистая шкура, под которой мышцы так перетекали, что казалось: костей у зверюги и вовсе нет, – все это предупреждало о том, что несмотря на ранения и изможденный вид этот зверь все равно опасен. Смертельно опасен.

Снежный леопард смотрел на меня пронзительно-синими кошачьими глазами, чуть оскалив клыки. Это длилось миг, в котором утонула вечность. А затем зверь повернулся, рыкнув, и удалился. За его спиной дрогнула еловая ветка, с которой тут же посыпался густой завесой снег.

А я осталась стоять, хотя что-то рациональное во мне кричало: прочь, беги прочь отсюда! И тут раздался еще один рык. Громче, сильнее, чем вроде бы прощальный барса. Доля секунды, в которую успела пронестись испуганная мысль: хищник просто обошел меня

сзади! Подкрался. И сейчас со спины прыгнет на плечи, повалит, вонзят острые зубы и...

И я проснулась. Резко, в один миг. Будто из меня выдернули кабель. По-моему, я даже сначала села в кровати и лишь потом открыла глаза. А затем услышала глухой удар о стену, и ему вторил даже не крик. Стон. Такой, будто издавший его метался в агонии. Такой, словно тени ночных кошмаров обрели плоть и кровь и терзали сразу не только разум, но и тело.

Осознав, кто я, где и, главное, что за стеной – Стэйн, я откинула одеяло. Что с этим двуипостасным творится? Ему плохо? Приступ? Рванула в соседнюю комнату и увидела, как, не приходя в сознание, Мрак бессвязно бормотал:

– Нет... демоны... нет... Дир, не туда, уходи, Дир... Не-е-ет!..

Голова оборотня металась по подушкам, и казалось, что «демоны» Стэйна были совсем не такими, которых мы часто упоминаем всуе, ругаясь, а теми, настоящими, из-за барьера. И сейчас, во сне, Мрак открыл дверь прямо к ним, в преисподнюю своего прошлого. Возможно, из-за меня. Ведь это я... Я своими расспросами разбередила его воспоминания.

– Тише, тише... – Я подошла к оборотню и, склонившись, хотела положить ему руку на лоб. А если не получится успокоить – то встряхнуть и разбудить.

Вот только я не ожидала, что в тот момент, когда пальцы коснутся кожи Стэйна, меня саму тут же схватят и, дернув на себя, буквально опрокинут на кровать. И я пискнуть не успела, как, упав, тут же оказалась подмятой под горячее напряженное мужское тело.

Дернулась, пытаюсь вырваться и разбудить двуликого. И мне было уже плевать, что при этом я ударом колена могу нанести урон популяции оборотней. Вот только мне не позволили ничего сделать, просто вжали в простыни массой безо всякой надежды пошевелиться. И только я набрала воздуха в грудь, чтобы заорать, как Мрак распахнул глаза. Абсолютно кошачьи.

Их взгляд, блуждающий, туманный, замер на мне. И откуда-то пришло осознание: передо мной зверь. Что бы Стэйн ни говорил о том, что потерял связь со своей второй ипостасью, сейчас это была именно она. Пусть без мохнатой шкуры и клыков, в человеческом облике, но...

Крылья носа затрепетали, словно Стэйн принюхивался ко мне... Да почему словно?! Так оно и было. Кошачьи глаза начали блаженно щуриться, зрачок в них – все больше округляться, превращаясь в человеческий, а затем тяжелеющие веки и вовсе опустились.

Мужская пятерня пододвинула меня, удобнее устраивая под сильным телом, и я услышала хрипло-рычащее:

– Ты даже в кошмары мои проникла, проклятая девчонка...

Его дыхание щекотало мой висок, сильные руки надежно держали в объятьях, но... Рид спутал реальность и сон. Я для него сейчас была всего лишь грезой. Не знаю, что тому стало виной: кошмар, от которого он так и не очнулся, или зверь, которого он хотел, но не мог пока до конца обрести...

– Тише, тише, Рид, – постаралась произнести это как можно мягче, так, словно действительно была не явью, а видением. – Все будет хорошо...

– Не будет. – Он сглотнул. – Потому что есть ты... И правила... Их так сильно хочется нарушить...

Оборотень шумно втянул мой запах и чуть повернулся. Я больше не была придавлена к простыням. И если бы захотела – могла бы вырваться, но... что-то неуловимое останавливало. Может, шепот Мрака?

Шепот, которым на зыбкой границе забытья и яви двуликий сейчас признавался мне в том, о чем бы никогда не заговорил, находясь в сознании. Да и я бы о подобном ему никогда не сказала. Хотя глубоко в душе знала: Мрак успел стать для меня не просто куратором. Он был... Среди тысяч и тысяч слов я не могла отыскать точного определения тому, кем для меня был Рид. Разве что на языке прикосновений удалось найти подходящее: мне хотелось дотрагиваться своими пальцами до его кожи.

Я не понимала, как так получилось, да и не хотела этого понимать. Единственное, что было очевидным: мы – это два выпущенных из чарострелов пульсара. Судьба которых – столкнуться лишь на миг, чтобы разлететься.

У Мрака своя жизнь, свои принципы, один из которых – никаких отношений на работе. У меня пункт: никаких отношений с двуликими. Потому что подружкой на ночь я становиться не хотела. А серьезных отношений оборотни с человеческими девушками не заводили. И

между мной и Мраком – лишь практика, которая завершится уже меньше, чем через месяц. А после нее – всё. Навряд ли мы со Стэйном когда-нибудь еще встретимся.

Все, что у нас есть, – это подернутая маревом сна реальность. Одна на двоих. И завтра Рид не вспомнит ничего. А я... Я хотела просто побыть еще несколько мгновений рядом. А потом уйти. Обязательно. Найти в себе силы, чтобы подняться, разорвать объятия. Я ведь всего лишь греза, мне положено исчезать...

– Земляника и мед... Твой запах сводит меня с ума. Я хочу вдыхать его... Я хочу тебя... Всю...

Его губы накрыли мои. А показалось – мы дотронулись до самой вечности. словно мир вокруг замер и осталось лишь мгновение, когда две обнаженные души касаются друг друга. Будто что-то внутри щелкнуло, и я исчезла из действительности. Навсегда. Точно до этого я не жила. И даже мое сердце до этой ночи не билось, а лишь ритмично, механически сокращалось.

А сейчас... Сон. Один на двоих. Воздух. Один на двоих. Вдох. Один на двоих. Мы дышали друг другом. Хрипло и отчаянно. Так, что мне было страшно от запредельной близости. Не тел. наших сердец, которые бились в одном сумасшедшем ритме.

И в противовес дикому пульсу – медленные, чувственные прикосновения губ, оторвавшихся всего на миг, чтобы прошептать мое имя:

– Медовая... Моя медовая Дэй... Мой сладкий кошмар...

Мой выдох, который Мрак поймал своими губами. И еще один поцелуй, в котором переплелись наши руки, расплавились от жара тела, а явь превратилась в греду. Или это сон разорвал ткань бытия?

Мрак и я. Мы оба плавимся в безумии этой ночи, дрожа от желания. Мои руки скользили по его спине, ощущая твердость напряженных мышц. И тем сильнее был контраст с шелком прикосновений его губ, языка.

Пальцы Рида смяли край его же рубашки, которая сейчас была на мне, задирая ее выше, обнажая бедро в жажде большего, чем поцелуй... И от этого я пришла в себя. Фтырх меня подери! Что я творю?! Ладно Рид, во сне потерявший контроль над своими желаниями. Но я-то, понимавшая, что все реально?!

Отстранилась со словами:

- Мне нужно уйти...
- Нет... – И мужская рука придвигает меня вновь ближе.
- Уже утро... Я приду следующей ночью...
- Придешь? – хрипло-недоверчивое.
- Обещаю... – сама не узнала свой сдавленный голос.
- Ты лжешь...

– Сны всегда лгут. – Моя рука погладила его волосы, оказавшиеся неожиданно мягкими на ощупь. Такими, что не хотелось отрывать руки. Но... Нужно. Иначе я буду потом жалеть. Сильно. До разбитого вдребезги сердца.

- Значит, ты моя самая сладкая ложь...

Моя рука гладила его волосы, и от этого простого успокаивающего движения черты лица Рида становились все умиротвореннее, дыхание ровнее, и... я не поняла, в какой именно момент он провалился в глубокий спокойный сон. Безо всяких поцелуев с сомнительными девицами Драккарти.

Я осторожно встала, постаравшись не потревожить Мрака, и на цыпочках покинула его спальню. Надеюсь, что кошмары его больше не потревожат...

Легла в свою постель, думая, что проверчусь под одеялом до рассвета, но нет! Упала в сон, будто меня столкнули с крыши небоскреба. Мгновенно.

А утро началось традиционно. Нет, не с кофе, а с легкого мата. Потому что мы оба с двуликим проспали!

И я это поняла даже не потому, что за стенкой услышала сначала громоподобный звонок переговорника, а за ним зевающее Стэйна:

– Что? Сколько? Десять?! Фтырх, скоро буду в отделе... – с каждым мигмом голос становился все четче и решительнее. – Не можете связаться с Драккарти? Да, я ее сейчас разыщу...

Нет... Я поняла, что безнадежно куда-то опоздала, еще за пару мгновений до звонка. Когда я открыла глаза и почувствовала, что выспалась. Настолько, что полна сил, а не желания всех убить и только потом встать с кровати.

И вот пока оборотень разговаривал по амулету, обещая начальству (а кому же еще?) скоростные розыскные мероприятия одной сотрудницы (и не уточняя, что она у него в соседней комнате), я

вспомнила, что случилось прошлой ночью. Особенно перед рассветом, и... Резко рванула в ванную.

Если Стэйн сейчас унюхает на мне свой запах, то может догадаться, что накануне ему ничего не приснилось, а... Но, как назло, Мраку, именно в этот момент закончившему разговор, тоже приспичило в ванную комнату. Но мне было туда нужнее. И пусть я хотела показать себя вежливой и воспитанной девушкой, но чистой – больше!

В общем, дверь щелкнула прямо перед носом двуликого в лучших семейных традициях.

– Дэй!

– Я быстренько. Только сполоснусь... – щелкая задвижкой, отозвалась я.

Ответа не последовало, но почему мне показалось, что с той стороны кто-то сейчас стирает зубную эмаль с клыков? А потом я обернулась и... в общем, поняла, почему Рид так рвался в ванную. Она оказалась спроектирована исключительно по-холостяцки – совмещенной. Вчера, умываясь, я, видимо, не обратила на это внимания. А вот сегодня случился упс.

Быстро повернув барашки кранов, я встала под душ. Такого скоростного мытья, да еще с таким количеством геля, у меня в жизни еще не было. Я выдавила на руку изрядную порцию жидкости, пытаюсь если не стереть, то отбить запах Стэйна, который он мог учуять на мне.

Выключила воду, завернулась в широкое полотенце, закинула вчерашнюю рубашку оборотня в стиральную центрифугу и активировала артефакт очищения... Кажется, все улики убрала! Уф! Теперь я знала, что чувствует вор, скрывающийся от законников.

А когда я вышла из ванной, то наткнулась на мрачный взгляд оборотня. Он все так же стоял у двери и держал на согнутом указательном пальце за воротник еще одну свою рубашку.

– Так и знал, что тебе понадобится.

После этих его слов я на миг оторопела, а потом, поняв, что за это время нигде проколоться вроде бы не успела, с независимым видом взяла одежду. И все же, когда Рид уже шагнул в комнату, не удержалась от вопроса:

– Как догадался?

И скрестила пальцы на удачу. При этом я сама не знала, какой ответ не хочу услышать больше: по запаху или просто у оборотня так часто ночуют девушки, поэтому он уже привык, что, когда они выходят из его ванной, им нужна чистая одежда, чтобы переодеться. Разумом понимала, что лучше бы это была привычка, но сердце – этот самый ревнивый орган организма – застучал чаще при мысли о первом варианте.

– По звуку, ты запустила центрифугу. И я подумал, что навряд ли это были мои носки. – И Рид, усмехнувшись, прикрыл дверь.

А я осталась наедине с рубашкой и железными выводами мужской логики, об которые едва не сломалась моя тонкая душевная организация. И плевать, что о последней папа порой в сердцах говорил: «Дочь, твоей психикой можно вместо кувалдометра прикипевшие болты сбивать». События сегодняшнего утра и вчерашней ночи показали, что все же натура у меня иногда ранимая. Или, может, это оттого, что рядом появился тот, с кем я просто могла позволить себе быть слабой?

Тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли, а затем, завернув волосы в тюрбан из полотенца и облачившись в чистую рубашку оборотня, пошла на кухню. Опоздать мы и так безбожно опоздали. И десять минут погоды не сделают. Будем считать, что сейчас офицер Стэйн мчится по городу в поисках стажера Драккарти. А я в это время быстренько приготовлю кофе...

Вот только с «быстренько» я, похоже, немного погорячилась... Скажем так... Помнится, как-то Линк ночевала у меня и принесла потом кофе в постель... Мне же осталась тогда самая малость: встать с кровати, перемолоть зерна, сварить их и потом пригубить напиток. Так вот, сейчас к этому пункту добавилось еще и обжарить. Правда, на этот раз зерна были какими-то мелкими, но не суть. Написано же на банке «кофе», значит, это он и есть...

И я взялась за дуршлаг... Магия, когда из моей открытой ладони хлынул поток теплого воздуха, немного времени – и кофейные зерна стали готовы. С помолом дело пошло еще быстрее. И когда мрачный Рид вошел в кухню, на столе уже дымились две чашки божественного напитка. А еще – не самые свежие вафли, но все же вполне съедобные – то, что я нашла на полках.

Я взяла одну чашку, по привычке обняв ее пальцами, вдохнула аромат. А Мрак... он смотрел на свою чашку так, словно это было приворотное зелье. С большим сомнением и явным нежеланием пробовать. Потом перевел тяжелый взгляд на меня...

– Из чего ты ЭТО приготовила?

– Из моего голого энтузиазма! – фыркнула я.

– Как-то ты странно произносишь словосочетание «гранулы сухого виски»...

– Но они пахли кофе, были в банке с надписью «кофе» и даже выглядели как...

– Потому что ребята подарили мне их в шутку на день рождения. И предложили отметить тот в отделе, кинув по «зерну» в чашку с кофе... Сказали, что специально подбирали с таким запахом, чтобы шеф не учуял.

М-да... Я прикинула, сколько может стоить такой подарок. Мягко говоря, недешево. Очень. Потому что одна такая капсула (магическую вытяжку продавали обычно в таком виде) действительно превращала бокал с водой в бокал с элитным вином.

– Извини...

Вместо ответа Рид потянулся на верхнюю полку, где оказался нормальный молотый кофе, сам молча приготовил в джезве новую порцию. И так же молча начал ее разливать. Выразительно так.

– Ты меня ненавидишь? – вырвалось помимо воли.

– Дэй. Ты сидишь на моей кухне. В моей рубашке. С моим виски в чашке... Еще вопросы есть? – С этими словами передо мной поставили большую пузатую кружку. На этот раз точно кофе.

Я отставила свое «зелье», взяла в руки кружку и поняла: это утро не может быть столь уж ужасным, пока в нем есть кофе, сваренный Мраком.

Позавтракав, мы быстро собрались и поспешили в отдел. По дороге Риду позвонил Сев, сообщив, что того, кто вчера напал на меня, нашли. И даже арестовали. Сейчас он в участке.

– Молчит? Не колется? Леард там?.. Тогда вызови... Я буду через несколько минут... – приказал оборотень и завершил разговор.

А потом вдавил педаль газа. Элементаль под капотом взревел, и вседорожник стрелой помчался по проспекту.

В отделение мы прибыли и правда спустя не более пяти минут. Я уже было хотела по привычке отправиться в лабораторию, как Рид остановил меня фразой:

– Думаю, тебе лучше присутствовать на допросе...

– Считаешь, стоит? – поежилась я. Вчерашние страхи, увы, не исчезли, лишь поблекли. И встречаться лицом к лицу с тем, кто накануне меня чуть не убил, сейчас крайне не хотелось.

Но, видимо, Рид считал по-другому. Иначе не был бы настроен так решительно на то, чтобы я отправилась с ним. Что ж, он профессиональный детектив, ему виднее. Я кивнула: ну раз надо... То потом не говорите, что я не предупредила.

Когда мы подходили к допросной, дверь в которую была приоткрыта, я услышала голос Зара:

– Имя?

– Не помню... – даже голос у арестованного звучал как-то помято, что ли, и шепеляво.

– Род занятий?

– А фтырх его знает...

– Семья, дети?

– Спасибо, не надо... – тоном человека, отказывающегося от сдачи, заявил допрашиваемый.

– Раса?

– А чё сразу так нетолерантно?.. – Стало понятно, что у типа не похмельная или какая там еще бывает амнезия, а он просто издевается.

И именно в этот момент мы с Мраком вошли в комнату. И я увидела своего вчерашнего несостоявшегося убийцу. Его вид впечатлял: опухшая физиономия, фингал под глазом, выбитый верхний зуб... К слову, последний до сих пор обретался в кармане моих форменных штанов.

Рука сама собой достала трофей. И этот жест не укрылся от допрашиваемого. Когда он увидел в моих пальцах свой клык...

– Тф-фы?! – взревел мой ночной кошмар, вскочив и попытавшись ринуться ко мне. Узнал, родимый! Но наручники, которыми он был прикован к столу, не позволили ему сделать и шага. А мгновенно метнувшийся к нему Леард, который все это время, оказывается, сидел в углу, надавил типу на плечи... Хотя на миг показалось, что слегка даже на шею: пальцы чувствителя коснулись оголенной кожи, отчего

мой несостоявшийся убийца вздрогнул, но и только. Он все так же, продолжая неотрывно сверлить меня взглядом, плюхнулся обратно на стул. А затем ткнул в мою сторону пальцем и выпалил: – Эта бешеная тварь пыталась меня вчера убить!

– Так, значит, вопросы, были ли вы в доме мисс Драккарти, можно не задавать, – холодно резюмировал Стэйн.

Да, сейчас это определено был капитан Стэйн, а не Рид. Собранный, холодный, расчетливый. Детектив, лишенный любых эмоций. Вот только я, увы, в отличие от двуликого, такой суперспособностью, как напрочь подавлять любые зачатки чувств, не обладала. Потому зло выдохнула:

– После того, гад, как ты в меня стрелял. Я всего лишь оборонялась.

Нападавший, который, видимо, понял, что сболтнул лишнего, хотел было отмолчаться, но мое «лишь оборонялась» вывело его из себя. Или что-то помогло раскачать лодку его издевательски непрошибаемой уверенности, что все сойдет с рук? Или кто-то? Я бросила быстрый взгляд на Леарда... Тот стоял к подозреваемому – руку протяни. И был сосредоточен. Настолько, что по вискам парня тек пот, а глаза были прикрыты.

– Оборонялась?! Да ты орала как резаная!

– Потому что ты пытался мне голову отрезать! – рявкнула я.

– Ну не отрезал же? – тоном «подумаешь, ерунда» отозвался задержанный.

И вдруг весь страх куда-то исчез. Я больше не боялась того, кто меня вчера чуть не прикончил. И, кажется, поняла, зачем Стэйн заставил меня пойти на допрос. По «горячим следам» взглянуть в глаза своему еще не до конца сформировавшемуся кошмару. Он поступил со мной, как с мальчишкой-наездником. Того тоже, сразу после падения с коня, первым делом сажают в седло. Чтобы потом не испугался лошади до абсолютного, лишаящего разума страха.

И я, глядя на моего несостоявшегося убийцу, бесновавшегося в наручниках, вдруг поняла: я его больше не боюсь. И не буду бояться... Никогда. Ни капли. Зато в душе поднялась волна злости...

– Я сейчас его убью. – С этими словами вокруг моего правого запястья начали загораться точки. Аленькие эпицентры боли. На миг показалось, что не шесть, а пять огненных игл вонзились в руку. Но

сейчас мне было плевать на жжение. Какая разница – больше или меньше, если я хочу свернуть этому гаду шею?

Рванула к допрашиваемому, и... меня наглым образом перехватили. Прямо поперек тела. А потом закинули на плечо с невозмутимым:

– Сейчас вынесу и вернусь!

У меня от такого поворота аж слова закончились. Даже неприличные! Даже запятые между ними! Я тут собралась мстить, а меня...

А меня наглым образом депортировали в коридор. И все это – под заинтересованные взгляды сотрудников, фтырх их подери! Могу поспорить, что уже к обеду по отделу поползет слух, что Стэйн носит меня на руках. И неважно, что это самое «на руках» не в классическо-романтическом, а в древнейше-прагматическом ключе. Ну, когда самцанутые мужики оглушали дубиной избранниц и волокли их в пещеру, чтобы заняться самым главным для выживания вида – ведением домашнего хозяйства, ибо сами, увы, шкуры сшивать не умели, а из блюд лучше всего готовили «какая-то сгоревшая дрянь».

Я же не жаждала становиться объектом сплетен. Я всего-навсего хотела тихо-мирно кроваво мстить! И чувствую, что свою вендетту начну со Стэйна, если он меня не поставит на место. И только я прицелилась, чтобы... ну скажем так, использовать тридцать два стилета, данные мне природой, и вонзить их в плечо оборотня, как услышала предупреждающее:

– Укусишь – скину. Не дергайся!

– А ты... Тьфу! – Я отплюнула волосы, так и норовившие залезть в рот. – Верни меня откуда взял! И кусать не придется!

– А потом закрывать дело о нападении и заводить об убийстве? – невозмутимо уточнил Стэйн.

– Да не убила бы я его... – возмутилась я, впрочем, уже не очень уверенно.

– Угу, ты бы его только покалечила. Но до смерти, – Стэйн произнес это столь отстранённым тоном, что придушить уже захотелось его. – У тебя магия искрила от запястья до плеча. Ты могла устроить в допросной локальный апокалипсис за пару секунд...

– За полторы, – фыркнула я, вспомнив, что именно за столько Линк способна взять разгон от милой лапочки до безжалостной

стервы. И, похоже, это не ее исключительная черта, а скорее наша, всеобщее женская.

– Значит, тем более не верну, – подытожил двуликий.

А я в качестве резюме нашего разговора все же его укусила! Исключительно из вредности. Потому что характер у меня такой... Временами почти золотой. В смысле – тяжелый. Вот Стэйн и не смог вынести его. И я почувствовала, что меня скидывают. Вот гад! Сдержал-таки слово и бросил! Эта мысль успела пронестись в моем мозгу за тот миг, пока я летела с плеча Стэйна на пол.

Но за миг до того, как я поцеловала носом пол, меня подхватили, не дав полностью упасть. Догадаться кто не составило труда. Мрак, чтоб его! Сильные руки удержали меня за плечи. Но вот коленки я все же отбила.

Двуликий нависал надо мной, его глаза были прищурены, верхняя губа чуть приподнята, обнажая клыки, и Стэйн... нет, не сказал – прорычал:

– Первый и единственный раз прощаю. Но запомни раз и навсегда, Дракарти! Оборотней кусают в двух случаях: когда бросают вызов и когда ставят метку. Не смей никого кусать! Это понятно?

И меня встряхнули так, что зубы клацнули. Вот только страха, который мне пытался внушить оборотень, почему-то не было. Откуда-то даже возникла дурацкая мысль: а что было бы, если бы я извернулась и цапнула Стэйна за филей?

Стэйн же, поняв, что никакого трепета или, на худой конец, почтения к его двуипостасным заморочкам у меня и в помине нет, рыкнул. При этом даже непонятно было, на кого именно: на меня или на себя. А потом рывком поставил меня на ноги. И, повернувшись, пошел обратно, в сторону допросной, обречённо воззвав к провидению:

– Прародитель, за какие грехи именно ее?

– Можно подумать, мне тебя выдали в небесной канцелярии в награду, кур-р-ратор-р-р... – одернув форменную рубашку, едва слышно прорычала я.

И вот почему-то после этих слов спина оборотня, до того и так идеально прямая, стала настолько ровной, что по ней отрезки можно было чертить.

Я же, покрутив головой и поняв, что до лаборатории совсем недалеко, отправилась в нее, родимую. Там еще столько мешков с уликами ждут неразобранных...

Но, как оказалось, Хук ждал меня сильнее. Ему нужен был ассистент для одного следственного эксперимента. Потому как мастер одновременно не мог замерить скорость вылета светоча, угол его вхождения в тело (который виден долю секунды перед разрывом пульсара) из самопального чарострела и, собственно, произвести этот самый выстрел. Ведь при спуске крючка нужно было висеть вниз головой, да еще и под углом. Именно так, по версии детектива Уро, преступник и убил жертву. И нам с Хуком предстояло выяснить, возможно ли это теоретически.

Спустя полчаса, пятьдесят выстрелов и четыре построенных этажа мата (архитектором оных был магистр Хук, (без)ответственным прорабом – стажер Драккарти) мы с чистой совестью могли заключить: ни фтырха подозреваемый не мог. Физически, технически не способен на такой трюк. Разве что он был профессиональным стрелком, который тренируется по десять часов в сутки... После этого старик, крикнув и потряся фляжкой, внутри которой, судя по звукам, еще что-то было, опрокинул ее содержимое в себя и заключил:

– А теперь для верности, чтобы быть абсолютно точными, попросим Зарнира – квалифицированного снайпера – сделать то же самое...

У меня при этих словах чуть челюсть не отпала: что, я вот сейчас зазря висела вниз головой на турнике с согнутыми коленями?..

– Мне просто интересно. – Хук пожал плечами. – Подозреваемый по делу Уро – человек, точнее, девушка, как заявлено в протоколе. Выдающимися физическими данными не обладала, в спортивные секции не ходила... Так что ты полностью соответствуешь параметрам. Но, повторяюсь, мне стало интересно, возможно ли было бы сделать такой выстрел в принципе. Или просто у кого-то очень богатое воображение и большое желание поскорее закрыть дело...

С этими словами старик достал из своего кармана переговорник, и спустя совсем немного времени мы могли лицезреть Зара. Рыжий сиял, как новенький цент, и был чем-то крайне доволен. И я даже догадывалась, чем именно...

– Тот тип раскололся? – задала я вопрос в лоб.

– Как миленький, – широко улыбаясь, отозвался стрелок. – Да он при тебе колотья начал, как ты клык из кармана достала, так его и прорвало... Здорово, что Стэйн тебя привел на допрос. Но да что там... Капитан всегда знает, как надавить так, чтобы рвануло...

– А я думала, это чувствитель помог, – растерялась я.

– Леард-то... Не-е-е, Лео у нас парень хоть и талантливый, но не настолько. Он же только реакции тела чувствует: пульс там, потоотделение, дыхание... Просто тип этот, который на тебя напал, слегка двинутым оказался. Вот наш аристократ и пытался его считать, чтобы точно отделить ложь от галлюцинаций, в которые сам псих верил. Даже дотронуться ради этого пришлось до арестованного... Хотя обычно Лео на расстоянии работает.

– А что сказала эта сволочь? – я не стала миндальничать, назвав напавшего на меня тем, кем он для меня был.

– Что это был заказ. Наниматель дал ему адрес, сказал, что нужно обшарить дом и найти полосатый серый камень размером чуть меньше ладони. При этом так, чтобы никто ничего не заподозрил и уж тем более не вызвал законников. К слову, грабитель оказался из опытных... по нескольким делам в свое время проходил. Даже в тюрьме успел побывать... Только вот на негу подсел, судя по уколам на руках... Ну его крыша слегка и пошла шуршать черепицей. В общем, бывалый. Такой нанимателя не выдаст.

– А как... – я уже было начала задавать вопрос: что именно за камень искали в моем доме, но Хук меня перебил:

– Какое еще нападение, девочка? Ты почему мне ничего не рассказала? – возмутился мастер, словно я была не только его стажером, но и внучкой. Причем единокровной и единственной.

Пришлось поведать и рыжему (у него аж глаза от любопытства блестели, хотя на допросе он присутствовал и частично уже был в курсе), и Хуку о том, как на меня вчера напали и что заночевать пришлось у подруги... Да простит меня Стэйн, переименованный в Линк. Но некоторые подробности я раскрывать была не готова.

– Да уж... Насыщенная у тебя, Дэйнюшка, жизнь, – подытожил Хук, щуря на меня лукавый взгляд.

– Угу, но лучше бы она была насыщена не событиями, а белками, жирами и углеводами, – хмыкнула я, вспомнив ту единственную вафельку, которую успела проглотить на ужино-завтрако-обед.

– Голодная? – правильно понял мои гастрономические страдания мастер.

– Так заметно?

– Да у тебя в глазах такая неразделенная любовь к еде, что самым смелым тут же хочется тебя покормить, – выдал без тени сомнения Зар.

– А не сильно смелым? – прищурившись, уточнила я у этого рыжего зубоскала.

– Дать деру, пока тебя не сожрали...

Та-а-ак... дайте-ка мне кувалдометр в руки, и почти никто не пострадает. Но это не факт. Видимо, я мыслила уж очень выразительно, потому как Зар, произнеся свою речь, вдруг сделал шаг назад со словами:

– Дэй... ну я-то очень смелый парень... настолько, что готов не только накормить, но и до дому проводить, если что... Ты имей в виду.

– Провожать... Лучше бы стрелять научил, – фыркнула я, думая, что все закончится исключительно шуткой.

Но нет, рыжий оживился и заявил, что готов мне дать пару уроков в тире. Первый – даже сегодня, часов в пять. А я взяла и... не отказалась. Потому как печенкой чуяла: с этой стажировкой любые выживательные навыки будут не лишними. К тому же Зар хоть и подкалывал, но делал это исключительно по-дружески, безо всяких двойных намеков.

– А чтобы ты добралась до тира вовремя, вот, держи. Мои счастливые. – С этими словами он кинул мне хроносы на кожаном ремешке, чтобы носить их на запястье.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: это не только хроносы, но и простенький амулет на удачу. Про себя хмыкнула: а еще говорят, что оборотни предпочитают обходиться без магии... Ну-ну... Или рыжий – не совсем правильный оборотень?

Я же, чтобы не обижать рыжего, все же надела браслет на руку и отправилась в столовую на свидание с вожделенными калориями, оставив Хука проводить с рыжим эксперимент из серии: «А что, если...»

В столовой я почувствовала себя верблюдом, дорвавшимся до оазиса. Да, именно дорвавшимся, потому как себе на поднос поставила тарелки с салатом, картофелем фри, двумя отбивными на гриле, ах да –

еще были томатный суп, мясная запеканка, ризотто, компот и десерт. Три десерта.

Все это было свежим и ароматным... От мяса даже пар поднимался, щекоча ноздри. А взгляд дразнили темные полосы обжарки, меж которыми были светлые, исходившие сочным жирком. А салат... Это был не салат, а песня! Помидоры тонкими дольками, огурцы, маслины, молодой сыр, семена тыквы и кунжута, руккола – все это, только что политое маслом, манило, завораживало... А стакан компота, ледяной настолько, что его стенки запотели и сейчас на боках красовались мелкие капли-жемчужины, обещавшие прохладу и удовольствие от напитка.

Я была так сказочно счастлива, уминая все это, что не обращала внимания на косые взгляды оборотниц, которые те бросали на меня. Впрочем, мне были глубоко геометричны и попытки заговорить. Их предпринимали самые наглые из законников.

Ко мне, пока я с удовольствием ела свой ужино-обед, подходили, присаживались за столик и пытались что-то сказать, о чем-то спросить, но я выразительно жевала. Пардон, молчала. Какие ответы, когда у тебя на тарелке свежее вкусное мясо?

Впрочем, двуликие отчего-то намеков не понимали и продолжали гнездова... присаживаться все более плотно. Так, что некоторые уже касались локтями друг друга. Но никто и не думал вставать со своего места.

Но один раз пришлось все же отвлечься от десерта. Мик, тот самый, которому я нашла закладку в большегрузном чабиле, подсел, при этом рыкнув на пару молодых и притких законников, и те, включив свои двуногие двигатели на максимум, быстренько передислоцировались куда подальше.

– В тебя это все влезает? – сядясь напротив, спросил блондин, скептически глядя на тарелки, половина из которых уже успела опустеть...

– А что тебя смущает? – вопросом на вопрос отозвалась я, сделав мысленную пометку: видимо, оборотни нечасто общаются с магами.

Мы, когда энергетически истощены, обычно не хотим есть. Нет. Мы хотим жрать! Много. И сытно. Вся пища в нас буквально сгорает. Особенно если после приходится снова кастовать заклинания. Так что поговорка про ведьм, которые едят и не толстеют, родилась не на

пустом месте. Эта теория имеет точные расчеты, обоснования и носит гордое имя «Формула Дарклинк Сигельвальд» в честь чародейки, которая ее и вывела.

Еще восстановить резерв помогало вино, но тут уже терялась ясность мыслей. Опьянение наступало и после закачки чистой энергии из амулетов-накопителей или при прямой передаче от мага к магу.

Был, конечно, еще один способ. Именно из-за него за чародеями закрепилась репутация развратников почище оборотней. Но я к нему никогда не прибегала. Не хотела делить постель с кем-то не по любви, а из прагматизма... Хотя Линк уверяла, что зря. Дескать, удовольствие тело получает от самого процесса, который одинаков в обоих случаях. Я же лишь пожимала плечами и налегала на бутерброды, оставаясь на зависть подруге все такой же щепкой.

И тут из размышлений меня выдернул еще один вопрос блондина:
– Смущает? Да хотя бы то, что ты вообще-то человек, девушка... вроде бы... – в голосе Мика появились сомнения... – А ешь как оборотень после регенерации!

– Если я девушка, то что, меня кормить не нужно? – нацелившись вилкой на остатки картошки фри, отозвалась я.

– Нужно. Но при этом прокормить мне тебя будет тяжело... – Мик произнес этот тоном стратега, который планирует взять врага в плен.

И я насторожилась.

– Это ты сейчас о чем? – изогнула бровь.

– О тебе, – не смутился двуликий. – Что ты делаешь сегодня вечером?

– Попытаюсь никого не убить, – честно призналась я, вспомнив, что после работы мне предстоит урок стрельбы в тире.

– Значит, свободна, – по-своему понял Мик. Тут его взгляд упал на кожаный ремешок с хроносами. И Мик добавил: – А даже если и занята, я все равно зайду за тобой в лабораторию.

И он, встав из-за стола, ушел. Я же ничего не ответила. Решил этот блохастый! Ну-ну...

Помнится, мы с одноклассником Ортом тоже как-то поцапались. И он тоже решил со мной не разговаривать. А меня спросить об этом забыл. Ну и итог: его молчаливая блокада не продержалась и трех минут! Так что ржавые шестеренки этому Мику Рупертсу, а не свидание.

И я, зарядившись на обеде помимо еды еще и здоровой злостью, вмиг расправилась с еще двумя десертами и поспешила обратно в лабораторию.

Вот только по прибытии выяснилось, что Зар уже успел уйти, а тролль был в подозрительно приподнятом настроении.

– И как прошел эксперимент? – первым делом уточнила я.

– Отлично! – хлопнув в ладоши и растерев их затем одна о другую, возвестил старик. – Он провалился!!!

– Как?

– Во всех смыслах. Зар, конечно, попал все четыре раза в корпус. Но угол-то был не тот! А на пятый сломалась балка. А за ней – и терпение лиса.

– А Зар что – действительно по ипостаси лис? – решила уточнить для проформы.

Вот почему я была не сильно удивлена этому открытию?

– А разве были варианты? – хитро глянул на меня своим сорочьим глазом гоблин.

Я согласилась, что с такой рыжей шевелюрой да, однозначно вариантов у стрелка не было. И даже если бы Зар не родился в клане лис, то туда определенно его привела бы сама судьба.

А мне же судьба сегодня повелела разбирать оставшиеся мешки. Над ними я и просидела, обнаружив целую уйму ценных, но бесполезных для расследования остатков амулетов. Мне оставалась половина последнего целлофанового вместилища улик, когда на циферблате хроносов минутная стрелка показала без пятнадцати пять. Хотелось закончить со сгоревшими артефактами, но сделать мелкую пакость – больше. В смысле, улизнуть из-под носа у одного настырного блондинистого оборотня. Да и поучиться стрелять не мешало. Потому я, предупредив Хука, что еще вернусь и лабораторию ставить на сигнальный контур не стоит, достаточно просто закрыть, поспешила в тир, располагавшийся в подвале отдела.

Когда я туда спустилась, то первое, что услышала, – это не звуки выстрелов, а командирский голос:

– Следим за дыханием! И за пульсом! Стреляем на выдохе! Тело, рука, чарострел – одна линия! Крепче держи, не забывай об отдаче! И по команде – огонь!

Признаться, после таких громоподобных наставлений заглядывала в тир я уже с некоторой робостью. Но не успела сделать шаг, как откуда-то сбоку раздалось радостное:

– О, вот и ты! Думал, не придешь.

Я повернула голову на звук и увидела сидящего в углу Зара. Перед ним был небольшой стол, на котором было выложено несколько чарострелов разного калибра.

– Так, пока Сирий обучает новобранцев, давай мы подберем тебе оружие по руке. И как эти отойдут от огневого рубежа, начнем тренировку. – Зар был одновременно серьезен и расслаблен. И, что удивительно, созддалось ощущение, что чарострелы его успокаивают, а я... наоборот. И еще этот взгляд рыжего, который он бросил на циферблат хроносов, что висели на стене...

– Это ведь не только твоя инициатива? Дать урок стрельбы? – я задала вопрос наугад. Просто что-то меня насторожило. Это было иррациональное чувство, не поддающееся объяснению, но...

– Как догадалась? – прищурился Зар и широко, теперь уже точно искренне улыбнулся.

– Ты гладил дуло чарострела, будто на встречу пригласил его, а не меня, – выпалила прежде, чем до конца успела обдумать мысль.

– Мой отец был стрелком, я с детства держу в руках оружие, – ничуть не смутился рыжий. – Говори правду, в чем я прокололся.

– Ты посмотрел, сколько времени, едва я вошла, и через две минуты бросил туда же еще один взгляд.

– С тобой просил позаниматься кэп. Сказал, что ты на него наверняка после сегодняшнего в допросной злишься, поэтому с ним заниматься откажешься. А урок обращения с оружием тебе не повредит. Как и хотя бы отработка пары приемов самообороны. Так что это... к тебе еще Сев подкатит, но попозже. Ему щас внушение делают... – И Зар непроизвольно потер шею.

– Какое еще внушение? – насторожилась я.

И тут произошло удивительное: рыжий зубоскал смутился. И замолчал, так и не выдав тайны, о чем именно Стэйн предупреждал и его, и, похоже, гриззи. Впрочем, обдумать эту мысль мне не дали.

Зар ловко вложил в мою руку сначала один чарострел, потом второй. Мне пришлось оценивать вес, то, как те ложатся в ладонь...

Как итог – спустя пять минут мы подобрали мне оружие и пришло время для пристрелки.

Зар поправил мне корпус, руку, объяснил, как должно быть направлено дуло, чтобы пульсар вошел точнехонько в цель, что нажимать на спусковой крючок нужно на выдохе, когда пульс настолько частый, что его слышишь в горле...

А потом я нажала на спусковой крючок. Выстрел. Второй. Третий... Шестой. Я разрядила весь барабан.

– Знаешь, когда ты ушла из лаборатории и Хук сказал, что тебе урок стрельбы к фтырзам не нужен, я не поверил. Но сейчас... похоже, старикан был прав. У тебя отец, случаем, не снайпер?

Я же, припомнив, как папа не мог гаечным ключом попасть в ящик с инструментами с трех шагов, отрицательно помотала головой и добавила:

– Папа – точно нет. Разве что мать... – сказала и осеклась. Потому как о собственной родительнице я не знала ровным счетом ничего. Отец называл ее Ли и печально улыбался. Но говорить о той, которая оставила папе меня, а взамен забрала его сердце, он категорически отказывался.

А еще за все двадцать три года он так и не женился. Да что там! Я даже подружек рядом с папой не видела. Сначала думала: па просто боялся, что я начну его ревновать. Что он опасается подростковых бунтов и прочих прелестей скандала, но потом поняла: он просто ни с кем не встречался. Все помнил мою мать... И меня это раздражало. Он был верен женщине, которая нас бросила. Его и меня! И не объявилась ни разу, не прислала даже ни одной открытки на новогодие!

Сжала чарострел, прогоняя непрошенные мысли. Не думать о ней! Не думать, и все! Повернулась чуть резче и... поймала на себе задумчивый взгляд Зара. Он стоял и, уперев правый локоть в левую согнутую руку, задумчиво потирал подбородок. У оборотня был такой вид, словно он мысленно перерывает картотеку всех известных ему стрелков и не может обнаружить в нем искомое имя.

И тут краем глаза я заметила вошедшего в тир мрачного Стэйна и... решила проверить одно свое предположение. Насчет того, какого именно рода внушение получили Зар и Сев...

Чуть наклонилась. Даже не прислонилась к Зару, а лишь сделала вид. Но так, чтобы Мрак этого не видел. И, понизив голос до шепота,

едва различимого среди выстрелов в тире, вынудила рыжего наклониться и произнесла:

– Зар, у тебя сейчас такой вид, что у меня создалось впечатление: реши я тебя поцеловать, ты в мгновение ока нарисовал бы защитный круг и вызвал на подмогу экзорцистов.

– Ты не права, – возразил рыжий столь же тихо, чтобы оборотни из новичков-новобранцев, занятых пристрелкой, нас не услышали. – Не нарисую. Гораздо быстрее его выбить пульсарами. Так что я защитный контур просто настрою. И да, экзорцистов позову обязательно.

Я глянула из-за плеча рыжего на Стэйна и поняла: нам срочно нужны не экзорцисты. А лекари. Или некроманты. Это уже как повезет. Потому как Мрак, абсолютно бесшумно и до жути грозно, двинулся в нашу сторону. Злой. Молчаливый. Не оборотень, а обещание скорой эпитафии собственной персоной.

– Зар, спасибо, – произнес Мрак тоном, по которому я поняла, что запала ему. Только не в душу, а в печенки, где и сижу с самого начала стажировки. Его голосу вторили выстрелы, добавляя веса смыслу сказанного. – Дальше я сам позанимаюсь с Драккарти.

– Кэп, но ты говорил, что... – рыжий, обернувшийся на рык капитана, в первый миг удивился... А потом все понял. И, сверкнув в мою сторону недовольным взглядом, который без слов говорил: «Ну и подстава, Дарккарти!» – поспешил прочь. Я даже не успела сказать, что лис сам напросился: не захотел честно отвечать, вот я и провела эксперимент... И теперь любовалась на его хмурые рычащие последствия, которые возвышались надо мной, скрестив руки на груди. Но и мне было что сказать:

– Слушай, Стэйн, почему надо было подсылать ко мне эту подсадную утку... в смысле лиса, а не спросить напрямую?!

– Потому что тебе нужны навыки самообороны, но ты на меня была зла после допроса и навряд ли согласилась бы, чтобы я стал твоим наставником. – Логика двуликого напоминала пушечное ядро: она тоже могла выносить стены, двери, мозги тех, кто к ней морально был не подготовлен...

– Я вообще-то и сейчас на тебя зла. Очень. Но ты все же отозвал Зара, – напомнила я очевидное.

– Потому что это должно быть занятие по стрельбе из оружия, а не глазами! – рыкнули мне в ответ.

– Помню-помню... – Я подняла руки вверх и, скопировав голос Стэйна, процитировала: – Никаких отношений между членами отряда...

– Продолжим занятие, – приказал Мрак, резко поменяв тему разговора. И повернулся к мишеням, олицетворяя собой суровую невозмутимость.

Ясно, ради соблюдения порядка в отряде себя не пожалеет, да и меня заодно, но любой намек на неуставные отношения пресечет. У-у-у... капитан, законник, сухарь! Зато как целуется... Вспомнилось вдруг совершенно не к месту. Ну Драккарти, ну нельзя же так! Дала себе мысленную затрещину.

И я, разозлившись уже на саму себя, взяла сразу два чарострела. В каждую руку по стволу. Поймала краем глаза скептическую ухмылку Стэйна и... Маготехники всегда славятся твердой рукой. А у меня, как сегодня заявил Зар, еще и глазомер отличный.

Я расстреляла две соседние мишени за пару секунд, опустошив оба барабана. И когда грохот стих, то в тире вдруг наступила оглушающая тишина. И ее нарушил вопрос инструктора, который до этого момента следил за новичками:

– Капитан Стэйн, где вы откопали такого отличного стрелка? Она, конечно, не Зарнир. Но тот вообще уникал, способный попасть из своего чарострела в летящий пульсар противника. Но и эта девочка тоже... весьма впечатляет. Я бы рекомендовал ее сразу в отряд Макрофта. Там как раз требуется хороший...

– Макрофт пусть ищет другого стрелка. Мне Драккарти нужнее в качестве артефактора, – отозвался Мрак столь теплым тоном, что им можно было заморозить пару катков.

– Так это и есть та самая стажер, о которой говорит весь отдел? – прищурился седобородый внушительный инструктор, по-новому оглядывая меня, и тихо, задумчиво, словно спрашивая сам себя, добавил: – Кого-то же ты мне напоминаешь, девочка?..

Мне тоже стало интересно это знать. Но, похоже, ответ на него стоит искать не в тире, а у отца. Ну как искать... Пытаться. Самыми изощренными способами. Или и вовсе применить то оружие, которое с

настоящими друзьями и близкими срабатывает лишь единожды, – смертельно обидеться. До звенящих осколков скандала.

– Нервный срыв? – изогнув одну бровь, предположил Стэйн.

У меня от такого заявления даже угол рта дернулся. Ну неприлично такие вещи говорить о девушке, когда она стоит рядом. И держит в каждой руке по чарострелу. Ведь у нее может оказаться тонкая душевная организация... по оказанию поминальных услуг! И девица, если даже не нажмет на спусковые крючки, то настучать рукоятками по затылку может запросто.

И вообще, сам Стейн мне напоминает... шахматы! Вот! С ним вечно я куда-то хожу, в смысле езжу, бегаю, прыгаю... он постоянно пытается проанализировать сложившуюся ситуацию, чтобы избежать засады, а в итоге наших совместных усилий – один мат!

– Чей? – меж тем прозорливо уточнил инструктор, видимо, чуя в словах капитана подвох.

– Решешь сделать из Драккарти стрелка – будет твой, – предупредил капитан.

Инструктор лишь беззлобно усмехнулся в бороду и, широким жестом указав на двадцать восемь новичков, обучающихся стрельбе под его началом, заявил, что у него и так двадцать шесть личных нервных срывов на огневом рубеже тренируется. А еще два инфаркта миокарда, которые бьют исключительно в молоко и такими показателями доведут-таки инструктора до лечебницы. Глядя на кражистого, полного сил мужчину, я в последнее верила с трудом. Скорее уж он своих новобранцев отправит за настойкой пустырника и валерианы.

Мрак и бородач перекинулись еще парой фраз. А я, слушая их разговор, с запозданием оценила, как Стэйн увел разговор от щекотливой темы. Вот только что-то мне подсказывало: к ней мы еще вернемся. Наедине. А пока... Мрак заявил, что теперь за меня отчасти спокоен: с чарострелом в руках я смогу себя защитить. И на этом решил завершить тренировку.

Мы вышли из тира молча. Да и поднимались наверх тоже в абсолютной тишине. И еще, заворачивая за угол, после которого был коридор, заканчивающийся входом в лабораторию, Стэйн даже не спросил, а почти приказал:

– Собирайся, я отвезу тебя домой.

Вот только тут мне было что возразить двупостасному:

– Я задержусь, – тоном, не терпящим возражений, ответила я, когда мы вышли из-за угла.

При этом я повернула голову и смотрела на Мрака, не особо глядя вперед. Да и что там смотреть? Коридор и коридор. А вот оборотень – исключительно вперед. И я увидела, как после моих слов его лицо вдруг закаменело.

Резко обозначились скулы, так, что казалось: дотронься – и порежешься. Губы превратились в одну линию, глаза прищурились, плечи неестественно распрямились. Руки до хруста сжались в кулаки, и я услышала:

– Ты из-за него задерживаешься? – И Мрак чуть качнул подбородком вперед.

Я обернулась и увидела у двери лаборатории... Мика Рупертса. Блондин стоял уже в штатском, прислонившись к стене, и явно ждал. Меня. Вот ведь настырный!

– Вообще-то нет. У меня есть кавалер поинтереснее. И с ним я намерена провести минимум пару часов сегодня. И это не Рупертс. Это мешок с уликами. Мне нужно его доразобрать. А Мик... если честно, я надеялась, что к тому времени, как я закончу, ему надоест ждать под дверью лаборатории и он уйдет.

– Он к тебе приставал? – Синева глаз Мрака сверкнула сталью.

– Пригласил прогуляться в бар в истинно оборотнической манере: без толики сомнения, что даже смерть может помешать мне прийти.

– И что ты ему ответила?

– Попыталась предупредить, что чрезмерные свидания опасны. Но, похоже, Рупертс не внял.

– Не переживай, я ему сейчас эту мысль популярно объясню. А ты пока работай. Как закончишь с уликами – зайди ко мне в кабинет.

Последние слова услышал и блондин. Он отпрянул от стены и теперь стоял, засунув руки в карманы джинсов, перекачивал во рту зубочистку. Белая обтягивающая футболка выгодно подчеркивала атлетическое телосложение Мика. Да и в целом Рупертс сейчас тянул на модель для обложки глянцевого журнала. Видимо, он подготовился к свиданию... Вот только, несмотря на внешний вид этого оборотня, мне идти с ним никуда не хотелось.

А вот что было интересно – это какие ораторские и педагогические приемы использует Стэйн, чтобы убедить самоуверенного офицера, что не стоит ко мне приставать, как загар на пляже. Но решила, что улики важнее. Потому поспешила в лабораторию, проскользнув мимо Рупертса, внимание которого сейчас было целиком и полностью поглощено Мраком.

Вот только взяться за анализ улик я все же не смогла. Женское любопытство было сильнее. Потому я осторожно, босиком, на цыпочках вернулась к двери и...

– Ты такой же капитан, как и я. Так что ты не имеешь права мне что-то указывать...

– Она моя подчинённая...

– Угу, именно поэтому ты зажимаешь ее по вечерам в своем кабинете? Весь отдел, благодаря Орму, уже в курсе, что наш моралист – капитан Стэйн – сорвался... Но девчонка не пахнет тобой, значит, сорвался ты все же не до конца. И пометить ее не пометил... Хотя... прости, я же забыл, – в голосе Рупертса звучала неприкрытая издевка, – ты же вышел из клана и официально заявил, что отказываешься от Молли, да и вообще от возможности когда-либо создать пару. Так что ты НИ-ЧЕ-ГО не можешь дать Дэй. Даже горячего, зажигательного тра... – Звук короткого хлесткого удара оборвал речь Рупертса. Секунда. Другая. И я услышала уже гундосое: – ...ха не можешь. Ты же без своего зверя кусок льда, и только. А девочке нужен горячий парень, как я...

Звук, словно одно тело вбило другое в стену. И едва уловимое Стэйна:

– Еще раз скажешь что-то подобное обо мне или Дэй – я затолкаю тебе слова обратно в глотку. И даже на поединок вызывать для этого не буду: мне не нужно оборачиваться, чтобы порвать твоего волка на куски.

– Ну вот сейчас и проверим...

Рык. А затем удары. Быстрые, техничные, почти беззвучные. Профессиональные. И шум, словно на пол упал мешок. И тут же раздался надсадный кашель. Так, будто кто-то заново учился дышать, только что едва не утонув.

– Сволочь ты, Стэйн. Ни себе, ни другим... – Рупертс говорил в нос, надсадно.

А затем, спустя несколько томительно долгих минут, раздались шаркающие шаги. Похоже, кто-то подволакивал ногу...

А я осталась стоять у двери. Зная, что с той стороны Рид. Прислонила руку к створке. Очень хотелось открыть, но... я боялась. Не оборотня. Себя. Потому что вдруг показалось, что если я шагну через порог – это будет контракт. Бессрочный. И я уже никуда не смогу уйти от Рида. Потому что просто не захочу. Даже если буду для него никем.

И в этот момент показалось, что он точно так же стоит с той стороны. Прислонив руку... Тряхнула головой, прогоняя глупое видение. Представится же такое. Мрак наверняка уже ушел. Как всегда, беззвучно. А я, как дурочка, стою тут...

Вернулась к уликам. Взясась их изучать с особой тщательностью, стараясь работой вытеснить любые мысли об одном оборотне. И это почти получилось. Ближе к полуночи. Когда не идентифицированным остался лишь один остов амулета. Странного. Явно непростого. Таких я еще не встречала. Перерыла кучу справочников, которые были в лаборатории, – тщетно!

Нет, все же придется продолжить завтра. Я с огорчением вздохнула. Пора домой. Впервые мне туда не особо хотелось, но... я накинула форменную куртку, замкнула охранный контур лаборатории, а вот когда выглянула в коридор (к слову, идеально чистый!), то, запирая дверь, не удержалась и активировала магию, коря себя при этом за ребячество и глупость. Одна точка вспыхнула над запястьем, и из пальцев полился синий свет, в котором я отчетливо увидела отпечаток ладони на створке. Мужской.

Все же стоял...

Глава 7

Пока я шла по коридору к кабинету Мрака, не могла выбросить эту мысль из головы, как ни пыталась. В результате даже пришлось остановиться. Сжать руки в кулаки и... приказать себе менторским тоном:

– Так, Драккарти, соберись! Думай о другом! Срочно!

Вот только хорошо сказать: «Думай о другом». А о чем? Хотя... Я же на работе. И плевать, что стрелки хроносов вот-вот покажут ровно полночь и сейчас теоретически идет уже мое личное время! Я все равно на службе! Вот и пусть все чаяния будут только о ней! Точнее, о странном обгоревшем артефакте, который из всей груды улик так и остался не идентифицированным.

Да! Точно. Именно о нем! Интересно, за что тот амулет мог отвечать? Спросить у Хука? А если и он тоже не в курсе? Хм... Стейн все же стоял... Гремлины. Опять думаю о двуликом! А-а-а!

Дэй, давай, сосредоточься! Я же, мать мою, почти профессионал! Хорошо, полупрофессионал. Поэтому все мысли только о работе. Кто бы мог помочь с идентификацией?..

Не только стоял, но и дрался... Фтырх раздери, за меня раньше никто не дрался... Вот гремлины! Опять думаю о Стэйне.

Захотелось взвыть. Вопросы, пришедшие в голову, роились, толкались, пихались локтями и, по ощущениям, именно сейчас пытались найти не ответы, а для начала хотя бы мой мозг! И, судя по всему, не могли. Потому что только при условии полного отсутствия серого вещества я, усиленно пытаюсь забыть двуликого, могла вспомнить про Катафалка!

Этот преподаватель обладал уникальным даром, которому позавидовали бы лекари. Он умел преотлично мотать нервы, тянуть жилы, пить кровь, выедать мозги чайной ложечкой – в общем, расчленять без анестезии. Причем делал это незаметно для пациент... пардон, адепта, а еще Катафалк был одним из лучших специалистов-артефакторов. И наверняка мог идентифицировать железяку, оставшуюся неопознанной.

Я так загорелась этой идеей, что рванула с места. И, проносясь по коридору, влетела в кабинет куратора с радостным возгласом:

– Я готова! Поехали за Катафалком!

– Кого хороним? – оторвавшись от бумаг, невозмутимо уточнил двуликий.

– Пока мой инстинкт самосохранения, а дальше – как пойдет, – честно призналась я.

– Главное, чтобы не тебя целиком, – откладывая бумаги, усмехнулся Стэйн. – А то, знаешь ли, мне стажера под расписку выдали, как ценный экземпляр. – И, посерьезнев, добавил: – Так зачем тебе посреди ночи нужен гроб?

– Катафалк, – поправила я. – Мой преподаватель по маготехнике.

И я вкратце описала ситуацию. А вот чего не ожидала, так это вопроса от Стэйна:

– Знаешь, кажется, я начинаю понимать твоих преподавателей. И даже им слегка сочувствовать.

– Ты это о чем? – прищурилась я.

– О твоей тяге к знаниям. Подозреваю, она способна довести одну адептку не только до истины, но даже до диплома, а твоих преподавателей попутно – до истерики.

– Нервного расстройства, – скромно поправила я. «Эх, недооценивает меня Мрак. Ой, недооценивает». – Катафалк говорил, что минимум до него.

– Учту, – тоном «предупрежден – уже вооружаюсь» мрачно откликнулся Рид, подходя ко мне. – Ну раз твой Катафалк точно знает ответ... Что ж, поехали к нему.

А я вспомнила, что через двое суток нужно найти Око. Времени действительно не было. Именно поэтому Мрак, похоже, и согласился на мою идею со столь поздним визитом. Так что мы быстро вернулись в лабораторию за нашим неопознанным артефактом... Нашим...

Укладывая в целлофановый мешок обгорелый остов – все, что осталось от не идентифицированного магомеханизма, – я поймала себя на мысли, что нормальная романтически ориентированная девушка обычно говорит: «наши свидания», «наши воспоминания», «наша песня». А у меня «наш взрыв», «наш Катафалк», «наши останки, тьфу, остатки артефакта»... В общем, даже влюбиться я по-нормальному не смогла! Чтобы все прилично и традиционно было.

И только до конца додумав эту мысль, я замерла. Так! Стоп!!! Влюбиться?! Моя рука зависла, так и не опустив перепачканную сажей раскоряку в мешок. И я попыталась сама же себя успокоить, что нет. Это не влюбленность. Просто я это... С формулировками погорячилась. И вообще не выпалась. Мне просто нравится Рид. И точка. Не больше.

Покосилась на широкую спину оборотня, стоявшего в нескольких шагах от меня. Он сейчас кому-то звонил, выясняя адрес Катафалка, который пока и не подозревал, насколько он хочет помочь правосудию свершиться.

Мой взгляд прошелся по широким плечам двуликого. Спустился ниже. Еще ниже. Я сглотнула и начала спешно доупаковывать артефакт. И вообще, старалась больше в сторону Мрака не смотреть. И не говорить в его сторону тоже. И на всякий случай не дышать. А вот не думать не получилось.

Потому всю дорогу до дома Катафалка я сидела отрешенная. И пыталась понять, что со мной, фтырх подери, происходит. Неужели я и вправду... И за что именно в него? В оборотня?! В одного из тех, кто, переспав с человеческой девушкой, утром говорит: «Я обязательно с тобой обручусь. Ну или по меньшей мере наберу твой номер». А после этого выкидывает ее имя из головы, а обладательницу оногo – из своей жизни. Потому как женились двуликие на себе подобных. А с такими, как я, просто весело проводили время.

Не выдержала и все же покосилась на Рида. Точнее – на костяшки пальцев, сбитые в кровь, но, благодаря регенерации двуликих, начавшие заживать. Как же с тобой непросто, Мрак.

Вседорожник остановился у элитной высотки. Огороженная территория, камеры на въезде. М-да, подозреваю, что Катафалк купил здесь квартиру хотя бы ради такой вот охраны. Чтобы адептам было не так просто его доста... поздравить с днем рождения, новогодием или другим исключительно хорошим праздником.

Вот только мы-то были по делу! И с нами был закон! А еще жетон Стэйна, который оказался эффективнее любых отмычек. Он только показал его охраннику в камеру, как ворота начали отъезжать в сторону, пропуская наш чабиль на подземную парковку.

А спустя пару минут я жала на кнопку дверного звонка, убеждая себя, что все будет хорошо. Вопрос вот только: у кого именно?

Рид стоял рядом, опершись одним плечом о стену рядом с косяком, и хмуро смотрел то на меня, то на черный пакет, который я держала. Вообще-то, последний был предназначен для трупа: ну закончилась в лаборатории упаковка с мелкими мешками, вот я и взяла первый свободный, который подвернулся под руку. В него и сложила остов артефакта. И уже потом только выяснилось, для чего черный плотный целлофан вообще-то приготовлен... Ну не вынимать же все обратно?

И вот сейчас я держала свою добычу, не пожелав отдавать ее оборотню. Хотя тот решил проявить джентльменство... Настоятельно так. Но я заявила, что свободными руки должны быть у более опытного бойца. Вдруг меня начнут убивать? А Мрак – вместо того, чтобы меня защищать, – держит мешок.

– Он точно твой преподаватель, а не киллер? – после такой аргументации в пользу мешкообладателей спросил оборотень.

– Он разносторонняя личность, – туманно ответила я.

Стэйн ничего не сказал. Но на всякий случай чарострел в кобуре машинально поправил.

Я еще раз вжала кнопку с упорством человека, набирающего на кодовом замке неверный пароль до тех пор, пока запирающее заклинание не согласится с этой комбинацией, приняв ее за правильную.

Наконец с той стороны двери раздались шаги, столь характерные для только что проснувшегося человека. Лязгнул запор, створка двери открылась, и...

– Добрый вечер, профессор Грейт. – Я подумала, что для визита все же стоит как-то поддипломатичнее назвать столь позднее время: не совсем ночь, а так... намек на вечер, когда прийти в гости еще можно. Наверное.

Катафалк глянул на радостно скалящуюся адептку с мешком для трупов в руке. Последний из-за содержимого как-то подозрительно распрямился. С намеком так, что в него еще бы что-то... кто-то поместился и... Не иначе как вспомнив что-то из своего богатого прошлого, профессор тут же раскрыл ладонь, в которой вспыхнул пульсар. Все это заняло какую-то долю секунды. Да уж... реакция как у боевика, но никак не маготехника.

Вот только в вопросе обороны и нападения Катафалк все же уступал Стэйну: в руке артефактора еще только зарождались молнии, а Мрак уже держал взведённый чарострел. Да к тому же двуликий еще при этом успел мимолётный взгляд на меня бросить. В нем крупными буквами читалось: «Драккарти, предупреждать же надо, что ты не шутишь».

– Если вы, адептка Драккарти, решили меня сегодня убить, то сожалею. Это только в порядке очереди. Будете сорок седьмой, после выпускного курса, – меж тем как-то устало предупредил Катафалк.

– Что, всего сразу? – вырвалось у меня изумленное. Потому что с артефакторики в этом году как раз примерно столько специалистов и выпускалось.

И лишь миг спустя я представила, что мог подумать многоопытный преподаватель, к которому в час ночи заявила «любимая» адептка с мешком для трупов. Да еще и не одна, а с огневой поддержкой. Правильно: его в очередной раз пытаются упокоить. Ну и отреагировал, похоже, по отработанной схеме: кто не успел, того и тапки. Белые. А еще букетик, надгробие... зачет первой степени. Посмертно.

– Хотят – все, – с гордостью отозвался преподаватель. – Пытаются – единицы. Тех, у кого получилось, пока нет, – Катафалк чуть дергано усмехнулся.

А я глянула на магистра, который сейчас был живым олицетворением поговорки: то, что нас не упокаивает, делает нас сильными, опасными, циничными... неврастениками.

– Жаль портить вам настроение, но и сегодня не будет, – опуская чарострел, отозвался Мрак. Видимо, оборотень понял, что сию секунду меня убивать не собираются, а если что – он все равно успеет упредить удар Катафалка. – Мы к вам по другому вопросу.

– Ага, – поддакнула я. – У нас уже и труп есть. Свой собственный. – Я припомнила убитого гоблина и добавила: – Вашего нам не надо.

Взгляды оборотня и преподавателя отчего-то сошлись на мешке, которым я тряхнула. И если у Мрака был скептический, то у профессора – потрясённый. Я впервые видела у магистра такое выражение лица, и оно дорогого стоило. Чтобы пронять непрошибаемого Катафалка...

– Капитан первого ранга Риднор Стэйн, – поспешил представиться двуликий. Видимо, опасался, что я еще чего-нибудь ляпну. – Нам нужна ваша консультация по одному артефакту.

Тут же за его словами Катафалк втянул молнии в ладонь и осведомился:

– Консультация? В такое время?

– Дело не терпит отлагательств, – сухо сообщил Стэйн. – Стажер Драккарти утверждает, что вы один из самых высококвалифицированных специалистов в столице.

– Значит, это не покушение, Драккарти. Это изощренная месть... – по-своему понял Катафалк и прищурился.

И я, глядя на этого мужчину, подтянутого, сухощавого, с прямой спиной и посеребренными висками, подумала: в чем-то он прав... Совсем немножечко. На ноготок...

– А ей есть за что вам мстить? – холодно отозвался Стэйн, приподняв бровь. Выразительно так приподняв.

Отчего магистр предпочел быстро сменить тему и даже пригласить нас, как представителей закона, в квартиру. Дескать, готов содействовать доблестным защитникам правопорядка в меру своих знаний и их наглости. Ну мы и вошли. Уже там, в личном кабинете магистра, я водрузила на полированный стол, отодвинув пресс-папье и бумаги в угол, останки артефакта. На оный Катафалк воззрился взглядом некроманта, обнаружившего столетнюю мумию, которая бодро воскресла и вознамерилась позавтракать самим магом смерти.

Катафалк совершил несколько пассов, оценивая железяку, нахмурил брови, проницательно прищурился, потер упрямый подбородок... В общем, я, глядя на его сосредоточенное выражение лица, поняла: не знает! Вот только злорадствовать по этому поводу не хотелось. Хотя такая редкая возможность... Уникальная и неповторимая, я бы сказала.

– Драккарти, знаешь, ты суший демон, – выдохнул преподаватель.

– Ничуть. Я могу даже откопать среди друзей экзорциста. Он вызовет специально для вас настоящего демона! Чтобы вы сравнили и поняли, как меня оскорбили!

– Скорее, преуменьшил, – скептически отозвался преподаватель. – А про откопать... Я даже не сомневаюсь. Ты не то что экзорциста,

которые все в столице наперечет, отрыть можешь, но и разделитель Мерхусалигнголлериса откопать.

«Все же знает!» – была моя первая мысль. Причем оттенок у нее был непередаваемый – досадливо-радостный. И не уточнила, что это за крыхтов разделитель, лишь по одной причине: не смогла повторить вслед за Катафалком его название. Мою челюсть заклинило почище турникета на первых же слогах.

– А что это за Мерхусалин... – Стэйн попробовал взять штурмом фамилию, но, похоже, тоже плюнул и выразился проще: – Бандурина?

– Один из старинных артефактов. Ныне в мире сохранилось шесть таких экземпляров... Уже, похоже, пять. Если не ошибаюсь. – С этими словами Катафалк двинулся к внушительному стеллажу с книгами. Тот занимал целую стену и высился от пола до потолка. Магистр поманил с верхней полки фолиант, который, как живой, прыгнул ему прямо в ладонь и, раскрывшись, зашелестел страницами, впрочем, вскоре остановившись на нужной. Преподаватель провел пальцем по листу и уже лекторским тоном продолжил: – Да, точно, шесть веков назад архимагом Мерхусалигнголлерисом в Схине. Разделитель уникален тем, что может, собственно, исходя из его названия, разделять части артефакта, при этом не приводя к поломке последнего. Причем, если отделяли с помощью этого артефакта часть, сохранялись все его магические свойства.

– Не нарушалась целостность магических потоков и структур? – удивилась я.

Ведь один из постулатов артефакторики гласил: при изъятии части механизма нарушаются и магические плетения. Иными словами: если выдрал шестеренку из артефакта и потом приставил ее на место, тот работать не будет, пока не восстановишь все энергетические каналы. И чем тоньше векторы силы, что пронизывают любой артефакт, чем их больше, тем сложнее работа. Случалось так, что сломанный прибор и не починить...

– Именно так, – кивнул Катафалк.

– Но нам о подобном не рассказывали... – ошарашенно отозвалась я.

– Уверены? – И Катафалк вновь вернулся к стеллажу, достал оттуда учебник по истории артефакторики и уверенно открыл его. А затем протянул мне, выделив пальцем третий сверху абзац.

Ну я и прочитала: «А также существуют артефакты так называемого рассекающего типа, позволяющие разделять магические механизмы, не нанося им урона. Ныне практически не применяются...»

ВСЕ! Дальше шло описание изобретения печати Йеримина...

И если Стэйн лишь недоуменно переводил взгляд с меня на Катафалка после того, как вслух были прочтены эти два предложения, то я, увы, уже начала догадываться, для чего преподаватель ткнул меня носом во внушительный фолиант.

И, как матерый пессимист, который не разочаровывается, потому как и не думал ни разу очаровываться, я оказалась права. Катафалк, тонко улыбнувшись, произнес:

– Плохо владеете материалом, Драккарти... Плохо. И как я мог поставить вам зачет по истории артефакторики? После стажировки вам придется прийти ко мне на передачу этой дисциплины...

ЧТО? ПЕРЕСДАЧА?! Нет!!! У меня нервно дернулся... нет, даже не гла... ВСЕ. Все тело целиком. И, кажется, что-то еще.

При этом взгляд Катафалка, устремленный на меня, без слов говорил: Драккарти, признаю, вы умеете мстить. Но и я знаю толк в вендетте.

А я, осознав всю глубину неприятностей, в которые я не просто попала – вляпалась с разбегу и сразу по самые уши, вознегодовала. Не владею материалом! А сам-то... сверился с энциклопедией! У-у-у... Ну ничего, будет тебе... вам, господин нехороший, передача.

Стэйн, наблюдавший за нашим молчаливым диалогом, напрягся. Причем, судя по его реакции и тому, как он приготовился меня ловить, спасал он отнюдь не одну беззащитную адептку, а преподавателя.

Распрощались мы с Катафалком тепло... Ну если так можно назвать мое горячее желание согреть Катафалка до глубины души и мозга костей на инквизиторском костре.

А на стоянке я с чувством попинала колесо вседорожника, ругаясь.

– Передача! Фтырх бы его подрал!!! Гремлинова передача... Да чтоб тебя... Да...

– Дэй! – выдохнул Мрак.

А затем меня взяли за плечи и развернули на сто восемьдесят градусов. Так, что за спиной остался чабиль, а перед моим носом

очутилась широкая грудь одного оборотня.

Вскинула голову, готовясь сказать что-нибудь резкое. Неважно что. Главное – как: вложив всю свою еще не выплеснутую злость. Потому что нельзя просто так взять и оборвать женскую истер... тьфу, задушевный монолог, прерываемый эффектными жестами, легким членовредительством тела и тяжелым – психики.

Но Стэйн, похоже, об этом правиле не знал, не догадывался или просто был самоубийцей на полставки. Потому как серьезным голосом предупредил:

– Дэй, если не прекратишь, мне придется остановить тебя самым действенным способом: я тебя поцелую.

– Это ты мне сейчас угрожаешь? – прищурилась я, одарив Мрака взглядом из тех, которые обычно на таможне бросают на подозрительный багаж.

– Предупреждаю.

– О таких вещах не предупреждают, – сморщилась я, – а сразу действуют.

– Значит, и о том, что мы едем ко мне, тоже можно не предупреждать?

Оборотень наклонился, провоцируя. Наши лица оказались близко. Вызывающе близко. Так, что мы делили один вдох на двоих. И хоть Мрак меня еще не поцеловал... Даже не прикоснулся губами к губам, но внутри уже вспыхнуло пламя, разливаясь по венам желанием, заставляя сердце бешено биться, выжигая мысли.

Рид шумно выдохнул. Жилка на виске бешено пульсировала, а в его синих глазах сейчас плавилось серебро. И я растворялась в нем.

Еще миг и...

– Нельзя... – Его горячий лоб прижался к моему. – Это будет ошибкой...

И обнял крепко, будто хотел закрыть собой от всего мира. Его подбородок уперся мне в макушку. И я чувствовала горячее дыхание оборотня затылком. И не только дыхание. Стэйн был напряжен: каменные мышцы, сумасшедший пульс, жар тела, ничуть не уступавший моему... Да уж, провокация двуликого удалась. Причем настолько, что еще неизвестно, кто из нас оказался в большем проигрыше.

Зато Рид добился главного: я и думать забыла об истерике. И даже с трудом вспомнила, кто такой Катафалк.

– Успокоилась? – хрипло спросил оборотень.

Его голос звучал сдержанно. Почти. И эта его невозмутимость чуть не заставила меня психануть. Но я все же сумела выдать из себя:

– Д-да, – хотя сказать хотелось совершенное иное. Хотя какое там успокоилась? Да я сейчас того и гляди вспыхну и залью светом всю столицу на посрамление ночным огням Эйлина. Но я взяла себя в руки и... простила двуликого. Чтобы тут же отомстить! Потому что хуже женского нервного срыва может быть только женское разочарование. Когда обещал – и не сделал! А я ждала, между прочим! И выпалила: – Рид, ты настоящий друг! Не бросишь товарища утром новогодья наедине с салатами, а девушку вечером – и с истерикой, – произнесла, чуть отстранившись.

– Дру-у-уг? – чуть растягивая гласную, удивленно переспросил Рид, сведя брови. Словно я провела перед его носом черту, и она его чем-то не устраивала.

Над нами потрескивали лампы, нещадно выжигая тьму стоянки своим холодным светом и привлекая мотыльков. На улице разлилась иссиня-темная, чернильная ночь, в которой даже ветер не нес прохлады.

А я с запозданием вспомнила, о чем мы говорили до того, как мы чуть не...

– И про твою квартиру... Отвези меня лучше ко мне домой, – постаралась, чтобы мой голос звучал твердо.

Я больше не боялась, что на меня нападут. Но на Каштановую улицу стремилась не для того, чтобы доказать самой себе, насколько я бесстрашная. Нет. Меня глодал червячок сомнения. Не мог ли папа во что-то случайно ввязаться?

«Мне стоит обшарить дом, – подумала я. – Тем более теперь знаю, что искать: серый камень. Причем, по словам, размером с ладонь. Редкий цвет. Да и столь крупные минералы очень редко используются в артефакторике...»

Так что если я могу хоть как-то защитить отца – пусть даже от обвинений в незаконной деятельности, – я это обязательно сделаю. Потому что не могу иначе. Он мой отец. И точка. Потому как я была из

тех, кто ради спасения мира не готов жертвовать своими близкими, а вот всем миром ради их спасения – да.

Во вседорожник мы садились молча. А вот то, как резко Рид вдавил педаль в пол и выкрутил руль, без лишних слов говорило: оборотень не так спокоен, как хочет казаться. Мы неслись по безмолвным улицам мимо ярких вывесок и погасших витрин. Мимо нас пролетали редкие чабили, а в опущенное боковое стекло бил ветер, неся с собой запахи ночного города, в которых смешивались ароматы цветущих жасмина и мирабилиса, раскаленной за день мостовой, жженой резины, железной окалины, кожи... А еще почти неуловимо пахло рыбой и водорослями – это уже с портовой части города. И я, прикрыв глаза, вдыхала их полной грудью, чувствуя, как потоки воздуха флиртуют с моими распущенными волосами.

Вседорожник плавно затормозил. Мне не хотелось открывать глаза, хотя я и понимала: мы уже приехали.

– Дэй. – Меня тронули за плечо. Нежно. Осторожно.

Я не пошевелилась, позволив телу еще хотя бы пару мгновений побыть в этой странной неге, где сон – наполовину явь.

Я почувствовала, как Рид отстёгивает ремни – свой и мой, как наклоняется, чтобы разбудить, и... ощутила, как его губы касаются моих. Почти невесомо. Едва ощутимо. Чтобы тут же отпрянуть.

И я открыла глаза, потянувшись вслед за ускользящим поцелуем. И услышала шепот, в котором отголосками звучали рычащие нотки:

– Это был не сон... Теперь я в этом уверен.

– Уверен? – переспросила я, растерявшись.

– Да. – Пальцы Рида прикоснулись к моим волосам у виска, погрузившись в них. И оборотень чуть прикрыл глаза, словно этот простой жест доставил ему высшее удовольствие. И, выдохнув, хрипловатым голосом он продолжил: – Сегодня утром ты так старательно мылась... Вот только ты не учла, что твой запах остался у меня на подушке. И он сводил меня с ума. Весь день. Как и воспоминания об этой ночи, в которой реальность не отделить ото сна.

Я медленно подняла свой взгляд. Упрямый подбородок, на котором проступила щетина, чуть обветренные губы, прямой нос, синева глаз, которая в моменты страсти расплавлялась серебром... В этой самой синеве можно было утонуть... И я тонула. Без надежды

выбраться. Волна огня тысячами жгучих игл прокатилась от макушки до пяток, и я сглотнула.

– К демонам все правила, – выдохнул мне в губы Рид.

Поцелуй. Сумасшедший, пьянящий, уносящий на самую границу безумия. И сильные руки, которые скользили по моему телу, лаская нарочито медленно. Томительно. Порочно. Искушающе. Так, что я не могла сдержать стон. И не было сил, чтобы не впиться ногтями в плечи оборотня, скованные лишь рубашкой.

Я пила запах Рида – пряный, как эта ночь, острый, как жгучий перец, пьянящий, как корица, добавленная в молодое южное вино. Вдыхала жадными глотками, желая лишь одного: быть ближе. Как можно ближе. И ощущая, что Мрак хочет того же. Однозначно хочет. И он имеет на эту ночь очень твердые намерения. Последнее я почувствовала бедрами, сидя на коленях у Рида.

Как я там очутилась – сама не поняла. И когда пуговицы моей форменной блузки оказались наполовину расстегнуты – тоже осталось загадкой.

Рид сжал мою ладонь и прикоснулся губами к подбородку, затем ниже – к шее, где бешено пульсировала жилка. Еще один поцелуй – во впадинку меж ключиц.

И на каждый из поцелуев мое тело отзывалось сладкой истомой, вздрагивало, а из груди вырывались стоны. Наслаждение скручивало меня, лишало воздуха, сжигало изнутри.

Мрак... Он был словно лавина, которую не остановить, не сдержать. Да мы и не хотели. Оба. Мрак, как и я, подышал от острых, запредельных ощущений. Его едва сдерживаемый рык, его поцелуи, требовательные, дикие, яростные, – Рид, как и я, балансировал на грани мига, что отделяет жизнь от смерти. Был на острие той самой секунды, в которую ощущаешь все краски в тысячу раз ярче, прикосновения – острее, чувства – сильнее.

Оборотень пленял меня. Руками. Губами. Собой. И от этого наслаждения мы оба готовы были взорваться.

– Ты сводишь меня с ума, Дэй, – прошептал Мрак, беря мое лицо в руки, как драгоценную чашу. – Меня тянет к тебе так, что я не могу сдержаться.

– Не только ты, но и твой барс... – не особо думая над смыслом сказанного, призналась я. Просто почему-то была уверена: тот

снежный зверь не просто так пригрезился мне.

И по тому, как замер Стэйн, я поняла: не ошиблась.

– Мой... зверь? Ты его видела? Где? Как? – Он напряженно сглотнул. Его зверь был двуликому важен. Жизненно необходим. И лишь барс мог заставить Мрака остановиться.

Я прикрыла глаза, пытаюсь скрыть страх. Потому что вдруг осознала, какую ошибку мы чуть оба не совершили. И наверняка утром могли бы уже жалеть о содеянном. Он – да. А я... Я, наверное, тоже. Когда осталась бы одна со своими чувствами. И именно их-то я и испугалась больше всего.

Лишь спустя дюжину томительных секунд смогла сосредоточиться и рассказала Риду о том, что видела перед тем, как проснуться в его квартире от стонов за стеной.

– Лучшие целители не смогли призвать даже тень моей второй ипостаси... – выдохнул он. – Говорили, что слишком много энергии было израсходовано и все связи порвались.

– Но у оборотней же нет способностей к магии? – задала я закономерный вопрос. Ведь всякому известно: среди двуликих нет ни одного чародея.

– К магии – да. Но нас пронизывают энергетические каналы, связывая воедино обе ипостаси. И чем эти каналы мощнее, тем быстрее происходит оборот. И если мой зверь потянулся к тебе, значит... ты чем-то ему понравилась... – И ладони оборотня скользнули на мои плечи, заключая одну растрепанную адептку в кольцо его рук. словно он желал продлить ощущение единения хоть немного.

– Чем? – удивилась я.

– Он тебя выбрал, – просто, как само собой разумеющееся, ответил Рид, счастливо прищуриваясь. – Ты ему понравилась...

Но я была артефактором. А в магомеханике нет понятия «понравилось». Зато есть термин «резонансной энергии».

– Скорее, моя магия оказалась созвучна той, что текла по каналам. Тем, которые соединяли тебя-человека и тебя-зверя, – предположила я. – Поэтому барс ко мне и потянулся...

Мрак нахмурился. Но отпускать меня и не подумал. А я, докрутив собственную мысль до конца, едва не вздрогнула от догадки: а что,

если и наше с оборотнем притяжение – это всего лишь магия. И его зверь стремится к моей силе, а она откликается. И...

– Мне пора. – С этими словами я начала спешно застегивать блузку.

– Ты уверена? – глядя глаза в глаза, спросил Рид.

А я... смогла ответить, лишь опустив ресницы:

– Да, – тихое и едва различимое.

– И я тоже уверен, – Мрак взял мой подбородок, заставляя чуть поднять голову и посмотреть на него, – что магия тут ни при чем.

Я не смогла на это ничего ответить. Лишь заполошно привела себя в относительный порядок и, выпрыгнув из чабилья, поспешила к дому, стараясь, чтобы мой шаг не перешел в бег.

Демонов Стэйн! И его зверь! Ну почему все так? Пульс стучал в висках, ключ не с первого раза попал в замочную скважину, и, лишь прислонившись спиной к двери, которую закрыла, я смогла выдохнуть.

А спустя несколько минут даже начала сносно мыслить. И если с двуликим все непонятно, то кое с чем – весьма конкретно. Камень. Мне нужно найти камень, который искал грабитель. И начать стоит с папиного кабинета.

Но сначала кофе!

Я ухватила за ручку джезвы, как за спасительную соломинку. Словно в привычном ритуале варки было мое избавление от душевного смятения. Вода, в которую я щедро высыпала две чайные ложки с горкой молотых зерен, вспенилась, и я вдохнула бодрящий аромат напитка. Ночь и кофе... В этом было что-то необычное, удивительное. Как первый весенний дождь. Словно морозный узор на стекле. Дежавю с благоухающим ароматом.

Я пила кофе медленными глотками. Мой эликсир бодрости. Мое зелье успеха. Да, именно так. Ведь за большинством моих достижений стояли именно они – пинты выпитого напитка. Черного, как южная ночь, и сладкого, как желанная победа.

Хроносы показывали половину третьего. Скоро рассвет. Пора переодеться в домашнее и приниматься за дело. Поэтому я решительно поставила чашку на стол и направилась в свою комнату, где облачилась в домашние шорты и растянутую футболку. А затем двинулась на обыск.

Я тщательно осматривала каждую полку, каждый ящик, тайники, даже в каминную трубу залезла, выпачкавшись в саже с ног до головы. Обшарила чердак, подвал, даже в кувшин с молоком, что стоял в холодильнике шкафу, заглянула: а вдруг папа кинул его туда? Да, знаю, логики в этом поступке ноль. Ну а вдруг!..

К пяти утра я была злая, невыспавшаяся, грязная и полная желаний наведаться в гараж. Это оказалось единственное место, которое я не осмотрела. Зевнула, решив, что вот сейчас чуть-чуть посижу в старом кресле – и непременно продолжу поиски. Но едва я опустилась в уже продавленное сиденье, как глаза закрылись сами собой.

А проснулась я, когда за окном уже алел рассвет. Может, проспала бы и дольше. Но тело от неудобной позы затекло, и все мышцы ломило. Именно от этого я, похоже, и пробудилась. Потянулась, морщась и чувствуя, как что-то внутри меня хрустит.

Вот только когда я вышла на крыльцо, то первое, что увидела, – хмурое лицо Рида. Оказалось, он провел всю ночь... ну хорошо, то, что от оной осталось, в чабиле! Перед домом. И, увидев меня, всю такую... впечатляющую, выскочил из вседорожника. И по тому, как он резво, с ни разу не затекшими мышцами выпрыгнул, стало понятно: в отличие от меня, Мрак, не иначе как подражая истинному злу, которое никогда не спит, глаз не смыкал.

– Ты что здесь делаешь?

– На тебя напали?

Вопросы прозвучали одновременно. Но под испытующим взглядом Мрака пришлось отвечать, точнее врать, первой:

– Я убираюсь. А ты?

– Я сплю, – на моргнув глазом отозвался оборотень.

– Ри-и-ид?! – протянула я, пытаюсь вытрясти из этого двуликого хитреца и интригана правду.

– Дэй? – Он иронично изогнул бровь.

Но я уже выиграла время, чтобы придумать что-то поправдоподобнее.

– Я искала информацию в книгах: все думала, что это мог быть за камень и при чем тут разделитель в квартирке того убитого... – многозначительно замолчала. Пусть сам додумывает. А то моя фантазия пасует.

Оборотень устало потер переносицу.

– Я тоже думал об этом ночью... Гоблин говорил, что сумел обхитрить всех, подстраховаться, чтобы его не кинули, разделил... – вспомнил Мрак. Почти дословно. Я даже поразилась: сама-то я лишь в общих чертах уловила суть предсмертных слов. – Я думал над его словами, и, похоже, наш ныне покойный сумел с помощью найденного тобой артефакта как-то отделить часть от Ока. Отчего оно перестало работать. И Шэйти Счастличик – главарь банды ночных псов – не смог его продать...

– Часть... – задумчиво протянула я. – А у меня в доме искали камень... Рид, мне срочно нужно в музей!

– Боюсь, что в шесть утра все экспозиции еще закрыты. – И оборотень, одарив меня пронизательным взглядом, уточнил: – Ты хочешь посмотреть на копию Ока, которая сейчас выставлена?

– Как ты догадался? – в исключительно гномьей манере, вопросом на вопрос, ответила я.

– Потому что сам хочу глянуть на этот муляж артефакта.

– А знаешь, чего именно сейчас хочу я? – Чуть подалась вперед. – Узнать, какого гремлины ты торчал все это время в чабиле?!

– Охранял тебя, – причем произнес это как само собой разумеющееся.

– От чего? – не поняла я.

– От кого, – уточнил Рид и сжал губы, посмотрев на меня в упор. И пояснил: – Дэй, на тебя чуть больше суток назад напали. И есть большая вероятность, что попытаются сделать это снова. Камень-то, который гоблин выковыр... изъял из Ока, они так и не нашли. И, думаю, Счастличик подозревает, что он у тебя. Так что извини, но просто так уехать я не мог.

Я ступевалась, почувствовав себя на редкость неловко. М-да... Об этом я как-то не подумала. Все же утро – это время, когда я чувствую себя носителем интеллекта. Причем бессимптомным.

– Мог бы, раз так, переночевать у меня дома, – сказала и тут же представила, как с фонариком на цыпочках обыскиваю папин кабинет, боясь потревожить чуткий сон оборотня.

– Тогда тебя бы пришлось охранять уже не от воров, а от меня, – прямо заявил Мрак.

Я чуть не взвыла. Ы-ы-ы! Ну нельзя же так. В лоб. Без тени намека... Даже фраза «ты мне нравишься» прозвучала бы не столь откровенно обнаженной. Хуже было бы разве что признание в духе «я тебя хочу», озвученное посреди ясного утра на лужайке перед домом. Хотя... Рид же оборотень. Матерый. Знающий себя и свои желания. Так что... для него сказанное – отчасти даже деликатность.

Но и от этого «пришлось охранять» я все равно покраснела. Пьянящий дурман вчерашней ночи исчез с рассветом, и ко мне вернулись и смущение, и отчасти страх. Страх перед собственными чувствами к этому двуликому. И я поспешила перевести разговор в деловое русло:

– А почему именно у меня. А не у тебя? Мы же оба были в квартире?

– Потому что я сдал бы камень как найденную улику. И его поместили бы в хранилище... – Я не успела возмутиться такому намеку на мою, скажем так, непорядочность, как двуликий добавил: – И оттуда она могла бы исчезнуть.

– Как? – потрясенно выдохнула я, забыв оскорбиться

– Я подозреваю, что в отделе есть крот, работающий на мафию.

Демоны! Час от часу не легче! Только облегченно выдохнула, что папа ни при чем и можно было не перерывать дом в столь спешном порядке, чтобы успеть до законников, так теперь это! Предатель в отделе! Выходит, даже на работе меня могут того... Кувалдометром по темечку? При чем сделать это может любой?

– Не любой. Своей команде я доверяю. И Хуку тоже, – судя по ответу Мрака, последние фразы я, ошарашенная новостью, произнесла вслух. А оборотень же, взяв меня за плечи, прижал к себе со словами: – Дэй, обещаю, я защищу тебя.

И откуда-то появилась уверенность: Мрак сбережет. Даже ценой своей жизни. Мы так и замерли, вдыхая рассвет. Над нами птицы щекотали крыльями, кажется, само небо, чья пронзительно-ясная голубизна обещала зной нового дня.

Я чуть отстранилась и, вскинув голову, посмотрела на Рида. Меня к нему тянуло. И я уже не могла отрицать силу этого чувства. Вот только что было ему виной: трепет сердца или... всего лишь магия, которая оказалась созвучна зверю Мрака?

– Раз уж ты будешь меня охранять, то стоит как следует тебя накормить, напоить, – я попыталась, чтобы сказанное прозвучало как шутка, но не успела договорить, как увидела, что сажей запачкала рубашку оборотня. И задумчиво добавила, думая о стирке: – И замочить...

– В тазике с цементом? – иронично уточнил Мрак, имея в виду под «замочить» отнюдь не стирку.

– Рид, тебе никто не говорил, что ты страдаешь профессиональным извращением... привычных понятий? – фыркнула я.

– Просто многие пытались меня не постирать, а просто стереть с лица земли.

– Судя по тому, что ты жив, у них не получилось, – заметила я.

– Дэй, ты уходишь от главного, – напомнил Рид.

– Это от чего? – уточнила я, глянув на довольно щурящегося под лучами восходящего солнца Мрака.

– От еды. – И оборотень плотоядно оскалился.

Делать нечего... пришлось возвращаться в дом и готовить. И ведь сама вызвалась. Увы, поразить оборотня особыми кулинарными талантами я не могла. Это Линк обладала сверхспособностью накормить парня так вкусно, что сразу становилась в его глазах в два раза красивее (хотя она и так была просто шикарной), а длина ее ног и объем груди, по словам сытых кавалеров, и вовсе увеличивались едва ли не вдвое. В общем, подруга в совершенстве владела приворотным искусством пирожков и салатов.

Я же готовила по принципу: просто и сытно. С тестом у меня не сложилось, крошить кучу ингредиентов, чтобы потом их заправить сложным соусом, казалось каторгой... Уж лучше за это время двигатель разобрать! Или артефакт какой починить. Поэтому в совершенстве я освоила несколько блюд: яичница, бутерброд, лапша, котлеты – при условии, что те из замороженных полуфабрикатов... Ах да, еще я отлично умела заказывать по переговорнику пироги с доставкой на дом. Что же до кофе... Для меня это была не готовка, для меня это был ритуал!

Папа в кулинарных подвигах продвинулся чуть дальше меня: он умел отваривать рис, хлопья и замечательно сжигал курицу в духовке. Вернее, запекал. Но до состояния угольков. А все потому, что его

фирменный рецепт приготовления состоял из трех стадий. Замариновать мясо. Поставить его в духовой шкаф. Вспомнить, что забыл что-то в гараже, уйти в него буквально на пару минут и пробыть там часа два-три.

Сегодня я решила папиных подвигов не повторять, а по-быстрому отварить лапшу и посыпать тертым сыром. Закинув в кипящую воду длинные макароны, я глянула на рубашку Рида, который сидел на относительно прибранной после погрома кухне, прислонившись спиной к стене, прикрыв веки. Я прикинула, что вариться завтраку минимум минут семь-десять. Так что за это время я успею застирать рубашку.

– Раздевайся, – сказала я.

Оборотень приоткрыл глаза, широко зевнул и усмехнулся:

– Таким решительно-командирским тоном мне снимать с себя одежду еще не предлагали.

– Мне нужна только рубашка. Я сейчас ее застираю. А то очищающие заклинания давались мне еще хуже, чем папе – жареная курица.

– Понял, ты уйдешь в ванную на пару минут, мне каждые полчаса помешивать еду в кастрюле.

От такого пронизательного ответа я даже остановилась у порога и обернулась.

– Что? – правильно истолковал мой недоуменный взгляд оборотень. – У меня, между прочим, три младших сестренки. Так что я в курсе, сколько длятся женские «пять минут». А ты что подумала?

– Что ты очень пронизательный детектив и знаток психологии, – вывернулась я и поспешила в ванную, пока мое дезертирство еще можно было назвать гордым словосочетанием «стратегический маневр».

Задержалась я там, как и предвидел Рид, больше пяти минут. Зато и рубашку отстирала, и сама под душем помылась. А вернувшись, увидела мечту диетолога: способ сжечь две тысячи калорий за четверть часа. Просто оставить их на включенной плите, и они сами сгорят. До состояния угольков. А Мрак... спал. Глубоко и счастливо. А кухня была в таком плотном дыму, что в ней можно было и топор повесить, и самому повеситься.

Но едва я пошевелилась, чтобы выключить плиту, как оборотень тут же открыл глаза. Словно у него даже в спящем режиме стоял детектор на движение и подозрительные звуки. Из серии: если кто проникнет в дом – я тут же среагирую. А подгорающая еда – это фоновое, опасности не представляет, и на нее можно не обращать внимания.

– Извини, Дэй, я сам не заметил, как...

Я, глядя на ложку, намертво сцементированную остатками спагетти с кастрюлей (хм, я ее не оставляла в утвари, похоже, Мрак и вправду разок помешал макароны, как и обещал), произнесла:

– Ладно, проехали. Сейчас найду металлический ковшик и отварю в нем.

– У меня есть идея получше. Давай ты оденешься, и мы съездим в один из крупных круглосуточных магазинов. При них есть небольшие кафе...

Надо ли говорить, что идея мне понравилась. Вот только Мрак предупредил, чтобы я захватила с собой какое-нибудь платье для музея, чтобы лишний раз не мелькать на выставке в форме законников. У него же самого в рабочем кабинете есть штатский костюм для таких случаев.

Пока двуликий умывался в моей ванной, я переоделась в форму и открыла шкаф, взглядом полководца осмотрев свои войска. Справа была рота «нечего надеть», слева пехота «вешать некуда», в авангарде «выкинуть жалко» и замыкающий отряд «вдруг похудею или поправлюсь». И скромно в углу – то, что я, собственно, носила: комбинезон, шорты, спортивное... И платье. Только уже не мое – увы, оно почилло смертью храбрых при поиске закладки в тяжелогрузе, – а Линк. Красное, облегающее – его подруга оставила у меня на случай, если нужно будет переодеться для вечеринки. Ее отец был строгих взглядов. И с него стало бы выпустить дочь на улицу вечером при условии, что на Линк будет исключительно сатиновая юбка в пол, модели позапрошлого века, блузка с длинным рукавом и кофта.

Так что красное платье у меня висело на передержке. Я критически осмотрела наряд. Надеюсь, ничего страшного, если я возьму его? По такой жаре оно было лучшим из всех вариантов. Только стоит все же сначала спросить у подруги...

Набрала номер Ли. Она ответила не сразу, и было такое ощущение, что она согласна сейчас на все: отдать платье, драгоценности, почку – лишь бы от нее отстали.

– Ты изверг, Дэй, – простонала она под конец моего краткого объяснения, по какому случаю я пытаю ее осознанной мыслительной деятельностью в такую рань. И добавила: – Но я тебе прощаю, – причем Линк произнесла это тоном «но обязательно это припомню». – Бери его, конечно.

И вслед за продолжительным сладким зевком из переговорника послышалось пиликанье, означавшее, что собеседник отключил артефакт связи.

Я взяла платье, еще раз покрутила его на вешалке... Оно хоть и выглядело ярким, но не вульгарным: у подруги был отличный вкус. Я сложила наряд в сумку, туда же закинула и босоножки на шпильке. Вроде все, для похода в музей почти готова. Только еще пару мелочей добавить...

Покончив с приготовлениями, я поспешила вниз. В холле уже ждал Рид. Непростительно бодрый. Особенно для того, кто спал за сутки меньше получаса. У-у-у, вот ведь... оборотень!

– Ну что, поехали перекусим?

Я кивнула, и мы пошли к машине. Путь до круглосуточного кафе был недолгим. И главная причина тому – еще только начавший просыпаться город. Пробки на центральных улицах еще не успели образоваться, и спустя каких-то тридцать семь минут мы с наслаждением завтракали.

Мрак – стейком и жареным картофелем, супом из бобовых и салатом. Я тем же, но в двойном размере. И еще кусочком торта. И под конец, смакуя десерт, я почувствовала, как на меня смотрит Рид. Тепло, заботливо, так, что я вдруг ощутила каждый свой нерв, каждую частичку собственного тела.

Чуть подняла голову. Взмах ресниц... И наши взгляды встретились. И моя душа потекла в его, а его – в меня. И вновь как сегодняшней ночью... в синем бездонном море безвозвратно потонул один драккар...

Звон мелочи, ударившей о стойку, – кассир давала сдачу еще одному раннему посетителю – оборвал волшебство момента. Оно исчезло, а я... поспешила опустить голову. Мрак был для меня

магнитом, чьей силе притяжения я не могла, не хотела сопротивляться. Но сомнения... Они роились, точили изнутри: а вдруг это все же магия? Что, если она и только она виновата в том, что происходит с нами? И как только Рид вернет зверя – все это исчезнет?

– До этого я не подозревал, что можно получить удовольствие, просто накормив кого-то, – услышала я и невольно посмотрела на улыбающегося двуликого. Причем он делал это так широко и искренне, что мои губы сами улыбнулись ему в ответ.

– А ты знаешь, насколько это опасно – кормить сытным завтраком чародейку? – предостерегала я, имея в виду свой зверский (и неважно, что из нас двоих наполовину зверь – это Рид) аппетит.

– И чем же? – Мрак чуть склонил голову.

Хотела сказать, что, если выбирать деликатесы, это может дорого обойтись для кошелька. Но произнесла почему-то другое:

– Потому что это может ей понравиться, – и лишь когда слова сорвались с губ, осознала: да я же флиртую! Сама того до конца не осознавая.

– На это и расчет! – А вот один наглый хвостатый все прекрасно понимал и ничуть не стеснялся.

Я ничего не ответила, вернувшись к десерту. Но улыбка так и не сходила с губ. И когда мы покинули кафе, и пока ехали в отдел. И надо ли говорить, что мы со Стэйном прибыли туда в числе первых.

– До открытия музея пару часов. Мне нужно еще поработать, – глянув на наручные хроносы, сообщил двуликий.

Я кивнула, прикинув, что в лаборатории для меня всегда есть работа. И думала, что на этом мы со Стэйном на время распрощаемся. Но нет, он проводил меня до самой двери, на которой вчера оставил свой незримый, без применения магии, отпечаток.

– Будь осторожной, – напутствовал Рид перед тем, как уйти.

Глава 8

А я отперла замок, думая, что буду первой. Ан нет, Хук уже был на месте. Оказалось, что его вызвонили в срочном порядке провести ритуал поиска одного юного дракона. Того украли и требовали выкуп. Причем на физическом уровне следы неплохо замели – ни один нюхач из двуликих след не смог взять. Но, судя по тому, как бандиты ведут сейчас с семьей похищенного переговоры, в вопросах вымогательства преступники новички. А это значило, что на жертву могли и не навесить гроздь скрывающих от сканирования артефактов.

Но перед тем как приступить к ритуалу, я не могла не спросить у тролля, известно ли ему что-нибудь о разделителях, в частности о том, который носит зубодробительную фамилию, которую в жизни с первого раза не повторишь. И хоть я подробно описала принцип работы артефакта, Хук лишь отрицательно покачал головой: он впервые слышал о подобном. Надо ли говорить, что моя неприязнь к Катафалку усилилась: если даже мэтр не знает таких тонкостей, то чего требовать от адепки? Но, похоже, преподаватель считал, что получить диплом выпускника достоин только тот, кто может посрамить званиями докторанта... С такими жесткими требованиями, боюсь, Катафалк на аспирантских экзаменах может и добрую часть коллег-архимагов отсеять...

– Значит, так, – вернул меня в реальность тролль, разворачивая на столе не просто старую – старинную карту города, – я ведущий, ты страхуешь.

План города, нанесенный на желтую, местами протершуюся до дыр бумагу, оказался, судя по дате, выведенной чернилами в углу, двухсотлетней давности. Видимо, таким же старичком был и поисковый артефакт, с которым карта шла в паре. К слову, последний, массивный до одури, Хук прикатил на тележке. Поблескивающий медью артефакт Боронгира порой использовали для нахождения пропавших.

Тролль водрузил эту бандурину на край стола, смахнул пот со лба и провел главный обряд, без которого весь поиск был просто обречен на провал, – отхлебнул из фляжки! Ибо самый коварный враг любых

точных расчетов – это похмелье. И Хук с этим супостатом боролся в первую очередь. И даже победил. Наполовину. Поскольку ровно столько, судя по звукам, осталось в сосуде мастера.

– Ну, с богами, – хлопнув в ладони, отозвался Хук. – Дэйнушка, возьми вот тот конверт. В нем волосы нашего угнанного... в смысле похищенного дракона. Подготовь их для ритуала.

Сказано – сделано. Я аккуратно достала прядь, растерла ее меж пальцев, с помощью заклинания превратив в порошок. При этом оба мои запястья светились, и показалось, что точек и на правом, и на левом прибавилось... А я и не заметила, когда произошел прирост дара. Хотя с такой убойной стажировкой это и немудрено. Впрочем, отвлекаться было некогда. Я сосредоточилась на заклинании. А едва превратила волосы в пыль, как ее пришлось засыпать в магодекантатор. При этом пришлось отодвинуть боковую заслонку на поисковом артефакте, который уже завис над столом, удерживаемый чарами Хука.

Похоже, тролль задействовал весь свой резерв: по его вискам тек пот, губы сжались в тонкую линию, руки, вокруг которых сейчас полыхало два круга – один чуть меньше, второй больше, – дрожали. А лицо мастера и вовсе побледнело.

Я же, активировав все свои точки, выпустила энергию, подхватывая начавший парить над картой здоровенный артефакт, который стал раскручиваться с бешеной скоростью вокруг своей оси. Его очертания поплыли, смазались золотистой дымкой, рождая тонкий красный луч, который, замерев на миг, вдруг заскользил по карте. Район Груши, Лейская набережная, Старое место...

Алая точка наконец застыла на левом углу дома тридцать шесть бис по улице Небесных странников.

Хук, поняв, что первую координату мы определили, выдохнул, его хватка чуть ослабла, и... поисковый артефакт едва не выпал из утончившихся силовых узлов. Я подхватила бандурину и, стиснув зубы, вычерпывая себя до доньшка, все же смогла ее выровнять. И уже вместе с троллем мы завершили ритуал и слевитировали изобретение почившего две сотни лет назад мастера Боронгира на пол.

Хук крикнул, усаживаясь на стул, чтобы передохнуть:

– Ух, ненавижу поиски... После них потом пару дней чувствую себя трупом... А когда это Око демоново пытались найти, думал, и

вовсе сдохну.

– Это то самое, похищенное из музея? – удивлённо утонула я. Потому как мое воображение спасовало. Что могли взять за якорь для отслеживания местоположения? Не пыль же с пьедестала, на котором украденный артефакт стоял в музее? А без частицы искомого сам объект не найти. С живыми существами в этом плане проще, а вот с предметами...

– Его, заразу. Сначала пришлось концентрат остаточного магического фона делать, а потом его в этом фтырховом барабане крутить...

– И? – Я даже подалась вперед, забыв об усталости.

– И... знатная сволочь та ворюга, что сперла артефакт! – в сердцах выдал тролль. – Мало того что за собой физический след столь аккуратно подчистил, что оборотни весь нюх отбили, пытаюсь его взять, так еще и умудрился столь мощную глушилку навесить на Око. Да такую, что подлога и при выходе с выставки не засекали, и после... Эх, взглянуть бы на этот экранирующий амулет... – закончил тролль мечтательно.

К слову, я и сама не отказалась бы посмотреть на прибор, способный напрочь заглушить фон Ока... Потому как в теории такой создать было невозможно. Но на практике выходило совсем иное...

– Так, – крикнул Хук, вставая со стула, – у нас пока и другие дела есть, кроме этого Ока. Посмотрим-ка, где прячется наш дракон...

И мы склонились над старой картой, едва не стукнувшись с троллем лбами.

– Отель? – не поверила я.

Судя по тому, как задумчиво эксперт почесывал затылок, он тоже не ожидал такой банальности от похитителей – держать жертву в съемном номере одной из самых дорогих гостиниц столицы.

– Скажу Макрофту, где его субчика искать. – И тролль достал из кармана переговорник.

А я же, ощутив, насколько устала, хотела было присесть где-нибудь в уголке и хотя бы чуть-чуть вздремнуть. Но уввы мне! Линк знала толк в низкокалорийной, так что от нее не потолстеешь, и притом сладкой мести. Потому как именно этот момент подруга выбрала, чтобы мне позвонить.

– А теперь рассказывай ВСЕ! – с ходу потребовала она. – Если тебе понадобилось мое красное платье, значит, в твоей личной жизни произошли крутые изменения. И рядом появился тот счастливчик, ради которого ты рискнула надеть мою прелесть... Колись! Кто он?

– Око Урнир, – выдохнула я устало. – Это артефакт, который сейчас выставлен в музее мировой истории магии.

– Дэй! Какое же ты чудо! – тоном, ничуть не соответствующим содержанию, отозвалась Линк. – Так и хочется крепко пожать твою нежную... шею! Для верности – пару раз. Я тут все утро, понимаешь ли, надеялась, что у нее свидание, а она... опять про свои железяки! У-у-у! Так и знай: если бы можно было убивать через переговорник, то ты сейчас была бы трупом!

Выслушав тираду подруги, я добавила:

– А идем мы туда с одним... – замялась, пытаюсь подобрать самое нейтральное слово, – ...парнем.

А что? Стэйн же точно парень, а не девица! Так что против истины я не погрешила.

– Ура! Ну наконец-то! – На миг мне показалось, что у уха я держу не переговорник, а шумовой разрывной пульсар. Меня даже слегка контузило звуковой волной. – А то на тебя столько парней заглядывается, а ты никому и шанса не даешь за тобой толком поухаживать! И раз ты призналась, я тоже тебе кое-что скажу. Точнее, предупрежу, – чуть посерьезнела подруга. – Платье с магическим утягивающим эффектом, и там чуть заклинание заедает. Так что, когда будешь снимать, без резких движений. А то оно может... слегка заклинить.

– Спасибо, что предупредила, – поблагодарила я.

– Да я вообще замечательная подруга, – скромно отозвалась Ли. – Отзывчивая. Заботливая... А вот у некоторых скрытных... – она намекнула на меня. – Нет чтобы сразу про свидание сказать. А то артефактами мне мозги пудрит! Дэй, у тебя нет ни совести, ни стыда.

– А зачем мне это лишнее и ненужное? – иронично отозвалась я.

– Еще одно слово – и три часа пыток, Драккарти! – угрожающе прошипела Линк. – Целых три часа я буду мучить тебя рассказами о своих пациентах.

– Так и скажи, что хочешь выговориться, – поняла я подругу.

– Да, – отозвалась та.

И как итог – мы проболтали с полчаса. А когда все же распрощались, то я поняла, что если сейчас не выпью кофе, то усну прямо на ходу. И, предупредив Хука, что я сбегая до кофейного магомата, который был в холле на первом этаже, отправилась на вылазку.

Вот только я и не подозревала, что путь мой может быть столь опасен и тернист. Я не успела повернуть за угол коридора, как столкнулась с черноволосой оборотницей.

Судя по тому, что стояла она, прислонившись к стене и даже приставив к той согнутую в колене ногу, двулика явно никуда не спешила. Скорее уж ждала. И, похоже, меня.

– И куда это так спешит наш стажер? – ее фраза, сказанная с оттенком пренебрежения, лишь подтвердила догадку.

В голове всплыл наш утренний разговор со Стэйном о том, что в отделе может работать предатель. А это значит, что меня могут попытаться ликвидировать. И, похоже, вот именно сейчас и будут пытаться.

– Вы что-то хотели? – участливо поинтересовалась я и даже постаралась улыбнуться.

Вежливость – наше все, всегда и везде. Особенно если готовишь за спиной пакость. И пусть спина – моя собственная. Зато она отлично скрывает заведенную за нее руку, на которой уже загорались точки. Сил после ритуала поиска было мало, но на один удар должно хватить.

– Если ты не идиотка, то не будешь вмешиваться в то, что тебя не касается, – прошипела чернявка, оттолкнувшись ступней от стены и сделав шаг ко мне.

– Мне не нужен конфликт... – Я зеркально отступила, поравнявшись с висевшим на стене пожарогасящим артефактом, в баллоне которого под давлением находился пеноалхимический раствор.

– Все-таки идиотка, – рывкнула оборотница, обнажая клыки. И в следующий миг она прыгнула.

А я, выпростав руку из-за спины, ударила в девицу огненным сгустком. Попала. Чернявая, которую я сбила в прыжке, отлетела к стене, здорово приложившись об нее. Человек от такого потерял бы сознание. Но, увы, передо мной сейчас была двулика.

Она мотнула башкой, отчего короткие волосы упали на лицо. И я увидела, как в глазах оборотницы сверкнули вертикальные зрачки. Частичная трансформация, чтоб ее!

Я почувствовала, что запахло паленой плотью, кровью (нападавшей) и крупными проблемами (это уже моими).

– Сволочь, – взревела оборотница, поднимаясь.

И она, оттолкнувшись от стены, снова взяла разгон. Вот только сил на еще одну ответную магическую атаку у меня не было. Да и времени тоже. Убегать было бессмысленно: нагонит враз. А вот выдрать из креплений тушительный артефакт...

Бешеная девица летела на меня. Я дернулась влево, понимая, что совсем уйти с траектории хука не могу, лишь сделать так, чтобы тот прошелся по касательной. Но именно в эту секунду я поскользнулась и... заваливаясь на спину, каким-то чудом разминулась с кулаком, летевшим мне в нос. Сжатые пальцы девицы пронеслись над моим запрокинутым лицом. Попади удар в цель – и минимум был бы перелом. А то и пролом. Вплоть до серого вещества.

А вот моя рука, державшая тушительный баллон, при падении дернулась вверх. Крашенный металлический корпус столкнулся с видоизменившейся и уже напоминавшей скорее звериную, чем человеческую скулой чернявой.

Раздался хруст, вой, и... я от души поприветствовала лопатками плитки пола. Провалиться сейчас в глубокий обморок было соблазнительно. Да и боль в затылке после падения на это намекала. А что – я уже лежу, созерцаю потолок... И поза опять же располагает. Вот только слегка смущала чернявая, которая пыталась меня убить.

И я, собрав все свое мужество, поступила исключительно не благородному. Из положения лежа от души въехала нападавшей по колену. И лишь потом, взвившись с пола, с размаху, особо не целясь, врезала чернявой баллоном еще раз.

– Да что ты за тварь такая живучая?! – гундосо прошипела противница.

И тут за моей спиной хлопнула дверь. Я услышала голос Хука:

– Дамы, прошу, успокойтесь! Уверен, что ваш конфликт можно мирно уладить...

Вот только я решила не тратить время и силы на разговоры, а сначала уничтожить противника. А потом все «мирно улаживать».

Двуликая, видимо, подумала так же. Потому как от еще одного удара лихо увернулась. И не просто увернулась, а вырвала из моих рук единственное оружие и... швырнула его же в меня.

Я пригнулась исключительно на рефлексах. Баллон просвистел над моей макушкой и, не встретив препятствия, устремился в сторону Хука.

Дзинь!

Судя по звуку, снаряд врезался все же не в тролля, а в стену.

– Пожалуй, мне стоит вернуться в лабораторию, – услышала я задумчивое от мастера. И возмутилась. Меня тут убивают, а он решил, что это милая девичья свара, какие не редкость для оборотниц?

– Стоять! – рявкнула я, не оборачиваясь. И приказала: – Спасать меня! Срочно!

– Дэй, а точно тебя надо? – боязливо уточнил Хук. – А то Мьяла выглядит более... помятой.

– Точно! – крикнула я, уворачиваясь от апперкота. Оборотница была технично. Зато я была страшна своей непредсказуемостью: уклоняясь от удара, я вместо того, чтобы выставить блок, перехватила запястье двуликой и дернула на себя.

Чернявая потеряла равновесие и, полетев вперед, боднула лбом стену. Вот только я не успела уйти вбок, и противница схватила меня второй рукой за горло в удушающем хвате. Моя же спина оказалась прижата к груди чернявой.

Я захрипела. Мое горло оказалось зажато согнутым локтем. Я чувствовала подбородком каменные мышцы плеча и предплечья оборотницы. Демоны! Они были твердыми, как гранит. Воздуха стало не хватать.

Перед глазами расплывалась стена коридора. Она была близко: руку протяни – и дотронешься, но я ее уже почти не различала – так стремительно начало темнеть в глазах. И я из последних сил подтянула ноги к груди, повиснув на руке, душившей меня. А затем резко распрямила колени, оттолкнувшись от стены.

В результате мы обе врезались в противоположную. Вот только если мой удар смягчила грудь оборотницы, то она сама от души приложилась об оштукатуренную кладку. И ослабила удушающий. Я же, еще ничего не видя, только чувствуя, сделала единственное, что

могла, — укусила запястье фтырховой девки. И, вонзив зубы в кожу, сжала челюсти: Драккарти не останавливаются на полпути!

По коридору пронесся дикий вой. И тут же меня попытались сбросить. Словно это я была волком, впившимся в руку слабому испуганному человеку, а не наоборот. Мах — и я отлетела в сторону. Если бы не сгруппировалась, закрыв лицо и макушку согнутыми перед собой руками и округлив спину, чтобы перекатиться через голову, то у меня были неплохие шансы на свидание со своими почившими предками сию же минуту. А так всего лишь врезалась боком в дверь и тут же начала медленно подниматься.

— Я тебя уничтожу, магическое отродье! — патетично прорычала полужвериной глоткой чернявая, глядя на кровившее запястье. Лицо ее при этом приобрело черты росوماхи.

— Лицо поправь, у тебя с него пафос подтекает, — ощерилась я, одной рукой берясь за дверную ручку. Делая вид, что опираюсь на нее, чтобы встать, а на самом деле проверяя, не заперто ли.

Дальше одновременно произошло сразу два события: я нажала сильнее, открывая дверь, и оборотница ринулась в атаку. Но, видимо, мне хотелось жить больше, чем ей — меня убить. Ибо я первой ввалилась в пустой кабинет и, прикрывшись створкой, врезала по дереву всей своей массой.

Оборотница впечаталась в дверь со всего маху. А я, недолго думая, метнулась к стоявшему в кабинете стулу и, схватив его за спинку, встала у дверного косяка. Причем все это я провернула за какую-то секунду. Вот что инстинкт самосохранения с людьми делает!

И когда в комнату ворвалась оборотница, ударила ее не по лицу или корпусу, как она ожидала, а по ногам. Отчего противница полетела носом вперед. Но она не была бы оборотницей, если бы не смогла в последний миг хотя бы повернуть корпус. Как итог — приземлилась чернявая все же на спину, готовая отразить мой пинок или хук. Но вот к удару судьбы двуликая оказалась не готова. В роли оного выступил стеллаж с папками. Он обрушился на девицу, придавив ее тело. Лишь голова осталась свободной. Ну и я немедля присела на упавшую мебель, добавив весу. И почувствовала, что во мне еще теплится искра магии. На заклинание ее не хватит, но вот припугнуть...

На кончиках моих пальцев засветились искры. Я поднесла руку к самым глазам двуликой, без слов намекая: сейчас я выжгу твои ясные

очи. И задушевым голосом спросила:

– На кого работаешь, дорогая?

– Ты больная? – взревела чернявая. – На Торкра, как и ты!

– Неверный ответ. – Я подалась вперед, отчего полка наверняка врезалась в грудь двуликой: уж больно выразительно она зашипела. – Тогда спрошу по-другому. Кто приказал меня убить?

– Да не хотела я тебя убивать, ведьма проклятая! Просто руку хотела сломать или ногу...

– Или череп... – зловеще подхватила я, приблизив пальцы, на которых танцевала магия, так близко к глазам противницы, что взмахни она ресницами – и коснулась бы.

И двуликая испугалась. Такой неподдельный ужас практически невозможно сыграть: когда зрачок расширяется, заполняя собой всю радужку, лицо вмиг становится мертвенно-восковым, с него уходят все краски, на лбу выступает холодный пот, а жилка у виска начинает бешено биться.

– Да забирай ты Рида ко всем демонам. Я сдаюсь! – прошептала она бескровными губами.

– К-к-какого Рида? – опешила я.

– Стэйна! Офицера Риднора Стэйна! Ты ведь на него нацелилась, чтобы метку получить! Весь отдел в курсе ваших отношений.

И я выругалась. Смачно, многоэтажно, от души. И слезла со стеллажа. А когда из цензурного на ум перестали приходить только запятые, я выдохнула:

– Знаешь, я вообще-то и не думала в ваших брачных играх участвовать. Я решила, что ты ко мне по серьезному делу.

– Какому? – теперь уже удивилась чернявая.

– Минимум – убийству, – припечатала я.

– Боюсь спросить о максимуме, – пропыхла двуликая, пытаюсь поднять стеллаж.

Пришлось ей помогать. А когда мебель была возвращена в горизонтальное положение, как и сама двуликая, бывшая противница протянула ладонь со словами:

– Мьяла. Офицер третьего ранга. Будем знакомы.

– Дэй. Стажер. Артефактор. – Я пожала протянутую руку. К слову, она была та самая. Прокушенная. Правда, я и сама выглядела немногим лучше.

– Дэй. На будущее. Если вызываешь оборотня на поединок, кусать нужно ДО, а не под конец боя.

– Сильно болит? – Я кивнула на запястье.

– Бывало хуже. А ты где так отлично сражаться научилась? Против оборотня не всякий опытный маг выстоит, не то что стажер, – чуть шамкая, отозвалась двулика. А потом замерла. Ее щека чуть округлилась, словно она языком что-то проверяла. А затем, подставив руку, двулика сплюнула в нее... зуб. – Крых, Драккарти! Ты мне клык выбила...

Она с сомнением посмотрела на обломыш, словно размышляя: а не приставить ли обратно? Но потом, видимо, все же решила, что нет, и положила его на край стола.

А в следующую секунду дверь снесло с петель и в кабинет ворвался Стэйн. За его плечом маячил Хук. Тролль все же вызвал подмогу.

– Уже все почти в порядке, – я постаралась, чтобы мой голос звучал доброжелательно. Совсем как пять минут назад, когда я плела за спиной заклятье для атаки. – У нас возникло некоторое недопонимание, но мы уже все выяснили.

– Вот, а я говорил, что все можно решить мирным путем... – вставил тролль, увидев разгром в кабинете и оценив его масштабы: поломанную мебель, разбросанные папки и бумаги и даже разбитый горшок.

– Ну почему именно его? – глядя на поломанное растение, возопил Хук.

Как позже выяснилось, это был его фикус-собутыльник. Иногда вечерами тролль, фикус и хозяин кабинета – аналитик Мухс – соображали здесь на троих.

Стэйн же, убедившись, что я цела и лишь немного вредима, начал разбираться уже с оборотницей.

– Рапорт о нападении на сослуживца и заявление об увольнении по собственному, – холодно отчеканил он. И мне показалось, что в эти мгновения кабинет резко уменьшился. И Мрак... Он заполнил его собой. Весь.

У Мьялы задрожали губы, она вся будто уменьшилась в росте и, не проронив ни звука, лишь кивнула.

– Свободна, – рыкнул Стэйн. И в следующую секунду чернявой уже не было в комнате. Хук, на удивление, испарился еще раньше. Но я заметила это только сейчас.

И я, лишь когда мы остались одни, решила спросить:

– А ты с Мьялой не слишком строг? – Вопрос задала специально наедине, чтобы не подрывать авторитет Стэйна перед подчиненными.

– Она пыталась тебя покалечить, – голос двуликого звучал отточенной сталью. И я поняла, что под этим ледяным панцирем внешней холодности внутри взрываются вулканы.

– Ну, и я ее тоже... – отозвалась я и, шагнув к краю стола, взяла пальцами клык.

Рид подошел ко мне со спины и заключил в объятья, словно еще раз убеждаясь: со мной все в порядке.

– Как ты себя чувствуешь?

– Думаю, то ли кофе все же попить, то ли кого еще прикончить, – призналась я, рассматривая трофей.

– Хм... – прозвучало задумчивое. Похоже, и Рид рассматривал обломьш.

А мой взгляд упал на собственное запястье, на котором были хроносы, подаренные Заром. Простенький амулет на удачу – сейчас он был абсолютно пустым. Выжженным. Похоже, своим спасением я обязана «везению» рыжего, которое сегодня израсходовалось все подчистую.

– Дэй, больше от меня ни на шаг, – тоном «это не обсуждается» произнес Рид.

Он хотел еще что-то добавить, но я перебила, поспешив сменить тему:

– Договорились. – Я повернулась в кольцо рук двуликого, оказавшись с ним лицом к лицу. Правда, для того, чтобы посмотреть в глаза оборотню, пришлось еще чуть запрокинуть голову. А затем я поспешила сменить тему: – А сейчас – на выставку? Сколько у нас осталось времени на поиск Ока?

– Меньше суток, – помрачнел Рид. – И я хотел бы проверить кое-какую теорию в музее...

Наши взгляды встретились. И из горла Рида вырвалось хриплое дыхание. А я почувствовала, как внутри меня разгорается дико

пляшущее пламя. Не от прикосновений, не от жарких слов или поцелуев. От одного взгляда синих глаз.

Я ощутила себя стоящей на краю пропасти. Стоит чуть податься вперед, к губам Мрака, – и я сгину. Навсегда и безвозвратно. Вот только будут ли наши чувства настоящими? Или это все просто притяжение моей магии и его зверя?

Сомнения и страхи – они, словно червоточина, как едкая кислота, выжигали душу. И не давали сделать шаг навстречу пропасти. Чтобы взлететь. Или разбиться.

Сейчас я буквально слышала, как наши с Ридом нервы гудели, словно стальные канаты, до предела натянутые над этой бездной. И в них под бешеным напряжением, до полного истощения, с сумасшедшей скоростью брали разгон чувства. Такой, от которого даже металл мог распасться пылью. Мы оба были на грани безумия... Безмолвные.

– Дэй, – голос двуликого звенел, словно он невероятным усилием воли все же сумел взять чувства под контроль, но не знал, надолго ли хватит его самообладания.

Я прикрыла глаза, пытаюсь последовать его примеру. Секунда. Вторая. Бешеный пульс, набатом отдававшийся в ушах. И я отстранилась.

– Мне нужно переодеться, – сама не узнала свой голос, так сишло он прозвучал.

– Хорошо, я подожду у двери лаборатории.

Хм... похоже «ни на шаг» Мрака было вполне буквальным. Я лишь кивнула. А спустя десять минут уже вышла из лаборатории в красном платье Линк. И вроде бы оно не показывало лишнего: длина до колена, рукава, не слишком откровенный вырез... Но! Оно облегало меня, как вторая кожа! А в сочетании с босоножками на шпильке в этом наряде мои ноги и вовсе выглядели возмутительно длинными.

– Я готова. – Открыв дверь лаборатории, я вышла в коридор. И услышала, как сглотнул Рид.

Ему понадобилось время, чтобы его взгляд, скользивший от босоножек вверх, добрался до моих глаз. И в них-то Рид и смотрел весь путь до его кабинета, и ни дюймом ниже. Удивительная выдержка для оборотня.

К слову, сам Мрак переоделся быстро. Очень. Вот только я, пока двуликий менял форму на штатское, ждала его не в коридоре, а внутри кабинета. Конечно, как приличная девушка, отвернувшись. Естественно, как любопытная, подсматривая через плечо.

И пусть Рид по-военному быстро разделся и столь же быстро натянул рубашку и обычные брюки, но я успела оценить и сильное мужское тело, привыкшее не только к упражнениям в спортзале, но и к сражениям в условиях боевых действий, и загорелую кожу с отметинами шрамов, и плиты грудных мышц, и руки с буграми мускулов и перетяжками сухожилий, и широкую спину, и узкие бедра с ямочками, что виднелись над чуть приспущенными боксерами, и даже то, что последние скрывали, – крепкие ягодицы... В горле враз пересохло. Этот был не двуликий, а концентрированный, неразбавленный грех! Сплошное искушение.

И теперь я поняла Мрака. В глаза. Смотреть буду только в глаза!

С этими мыслями я подняла взгляд чуть выше, и... Рид, как раз застегивавший ремень на брюках, увидел, что я подсматриваю. И, похоже, что-то такое было на моем лице, что он рыкнул, а его обычно синий взгляд превратился в расплавленное серебро. И я буквально почувствовала, как оно течет во мне, рождая дрожь желания. А в следующий миг Мрак уже оказался рядом и наши тела соединились в поцелуе. Жадном. Диком.

Чувства на грани боли и удовольствия. До безумия. Я забыла все на свете. Кто я. Где. И что должна сделать. Даже как дышать – и то забыла. Рид сейчас был моим воздухом. Моей опорой.

Мрак – мое личное проклятье, от которого в душе поселилась тысяча сомнений. Он мой собственный демон, на прикосновения которого предательски отзывается тело и вздрагивает в предвкушении еще большего удовольствия. Низвергнутые!

Я желала Рида. А он меня. До одури. До одержимой страсти. До моего стога, который он поймал своими губами, так и не дав вырваться наружу. До его сдавленного рычания, от которого хотелось впиться ногтями в плечи, оставляя на коже свой след.

И я не стала сдерживаться и... в следующий миг оказалась прижата к стене. И не просто прижата. Мрак удерживал меня на весу. И если лопатками я чувствовала прохладу обоев, то в живот мне упиралась затвердевшая плоть.

– Мрак! – произнесла, чувствуя себя рыбой, выброшенной на берег. И даже не поняла толком, как назвала его. – Мы сошли с ума...

Рид зарычал, тяжело дыша:

– Я уже давно сошел, – признался он. – И готов был сегодня убить ее... Безо всякого вызова. Не знаю, как смог удержаться...

Он не договорил, но стало понятно: Мрак чудом удержался не только от поединка, на котором разорвал бы оборотницу, но и от нашего поцелуя, так и не случившегося в разгромленном кабинете. Его выдержка оказалась сильнее... Тогда. Но не сейчас. И моя воля, похоже, тоже в эти минуты окончательно капитулировала.

Иначе почему так захотелось быть ближе, как можно ближе к этому двуликому? И я обхватила его поясницу ногами. И... забыла обо всем. О музее. Оке. Стажировке. Моих сомнения, что нас с Ридом ведет притяжение магии, а не чувств.

Нежное касание Мрака. И его ладонь на моем обнаженном бедре, которое не скрывало платье, задравшееся непозволительно высоко. Мужские пальцы скользнули по коже, и я не смогла сдержать вздоха. Его руки... Каким-то немыслимым образом Рид приручил меня к ним настолько, что сейчас казалось единственно правильным находиться в их плену.

Мрак – выдержанный, сильный, уверенный, привыкший все просчитывать наперед... Он заставил меня отринуть сомнения и доводы разума, отдавшись чувствам, желаниям. Не задумываться наперед, а жить одним мигом. Нашим с ним мигом.

– Дэй, я не могу без тебя, – он выдохнул мне признание прямо в губы. – Моя Дэй...

Я чувствовала бешеное возбуждение Рида. И сама, плаваясь льдом в языках пламени, как и Мрак, хотела большего. Ощутить его губы на своем теле, его поцелуи, прикосновения...

– Стэйн, пришли данные по Оку, мне нужен отчет... – этой скороговорке вторил стук. А следом за ним тут же распахнулась дверь и на пороге показался офицер.

– Занят!!! – так рявкнул Рид, что неосторожного визитёра вынесло в коридор.

Дверь захлопнулась. И это отрезвило меня. Нас. Хотя возвращение далось с трудом. Мы оба дышали через раз, сердце,

бывшееся сумасшедшим узником в клетке из ребер, готово было вот-вот совершить побег.

Моя голова упала на плечо Мрака, который все так же держал меня на весу. Кажется, мы увлеклись... А говорят, от взглядов невозможно забеременеть. Врут! Я всего лишь посмотрела на Мрака. Украдкой... И если бы не неожиданный визитер...

– Кажется, это был шеф... – выдохнул Рид, аккуратно опуская меня на пол.

И он оказался прав. Торкр, которого смело ревом Мрака, похоже, осознал, кто тут главный, а кто подчиненный, и через мгновение с шумом хлопнул дверью.

– Что ты себе позволяешь, капитан?! – проревело взбеленное начальство.

– Личную жизнь? – холодно ответил Рид, заводя меня собственническим жестом себе за спину.

– В рабочее время!!! – Кажется, Торкра не смутил даже факт нашего... как будто нам с Мраком уже прилично обнажаться. А вот то, что мы при этом занимаемся не поисками артефакта... Вот это да, безобразия!

– В нерабочее мы с Драккарти занимаемся расследованием, – отчеканил Стэйн, и не думая тушеваться.

– И что же вы нарыли? А? Я жду результата!!! Дивные прибывают в столицу за Оком завтра к девяти утра. И у меня вопрос: где артефакт?!

– К прибытию делегации настоящее Око будет в музее, – ответил Рид. И его голосом можно было рвать стальные канаты. Столько в нем звучало силы и уверенности.

Торкр, прищурившись, посмотрел на капитана. Мне, признаться, тоже захотелось обойти Рида и глянуть ему в глаза. Ну кошак пятнистый! Он ведь знал по Оку то же, что и я. И как догадался, где спрятан артефакт??? У меня лично не имелось ни одной идеи, как шлейф его магии смогли скрыть после того, как вынесли из музея.

Ведь глушилка для подобного, по предварительным прикидкам, должна быть размером с трёхэтажный дом и сама разить силой почище, чем траулер рыбой. А тут... артефакт как в море канул, и не было никаких предположений, где его искать. И вдруг капитан заявляет, что знает...

А Стэйн был уверен в своей теории. Ведь, насколько я успела узнать двуликого, он не давал пустых обещаний. Судя по реакции Торкра, который с сомнением потер подбородок, он тоже разрывался между «как такое возможно» и «этот парень слов на ветер не бросает».

– А если твоё предположение окажется ошибочным? – наконец спросил он. – Ты хоть осознаешь цену провала?

– Я воевал у южного барьера. И знаю, к чему может привести пропажа Ока. Я не допущу конфликта, – вскинул голову Рид. Я могла поклясться, что сейчас его глаза – сама первородная тьма. Они всегда темнели в минуты холодной ярости. А сейчас двуликий явно злился. Я чувствовала, как напряглась его спина. – А касательно версии – у меня их несколько. Но в одной я уверен как никогда.

– Ну хор-р-рошо, – совершенно нехорошо протянул Торкр. – Не найдешь – голову оторву, – это предупреждение прозвучало отнюдь не фигурально. И оборотень многообещающе добавил: – А по поводу стажера Драккарти завтра поговорим...

А я с сомнением подумала: если оно будет, это самое завтра. Между тем Рид совершенно непочтительно рыкнул на начальство, так что стало понятно: босс, шеф, главный тут, несомненно, Торкр, а вот кто альфа – ещё большой вопрос.

Но в одном руководитель отдела был прав: время играло против нас. И нужно было как можно быстрее найти Око: межрасовый скандал нам не нужен. А зная об обидчивости и мстительности дивного народа – не нужен вдвойне.

Потому, как только Торкр покинул кабинет, буркнув под нос: «Уволюсь к демоновой матери!» – я поспешила привести себя в порядок. Рид, впрочем, тоже. И, накинув пиджак, галантно подставил мне локоть. В итоге по коридорам отдела мы двигались импозантной парой. И никто не скажет, что ещё совсем недавно мы... Я не успела додумать эту мысль, как Риру, проходившая мимо нас в этот момент, вдруг удивленно сверкнула своим змеиным глазом. А потом вдруг и вовсе остановилась, потянула чутким носом и... расплылась в широкой улыбке.

И до меня дошло. Запах! Ещё никогда я так целомудренно не краснела от столь приличного слова. На мне остался аромат Рида. И каждый встречный оборотень его мог унюхать. Да это самая громкая

из заявок о наших отношениях! Но, кажется, одного кошака это ничуть не смущало. Скажу даже больше: он выглядел жутко довольным.

Меж тем я считала секунды, пока мы двигались по отделу. Ловила на нас взгляды, начала нервничать, а потом взяла и плюнула. На все. Да, я человек. Не оборотень. И в этом наше с Ридом главное различие. Но если я хочу остаться рядом с этим двуликим, мне нужно привыкать. Как и ему ко мне.

С этими мыслями я и села во вседорожник. И мы помчались по городу. За окном мелькали улицы Эйлина. Древняя столица с непростой судьбой. Портовая, торговая, никогда не спящая, пережившая несколько землетрясений, с дюжину осад, но никем так ни разу и не покоренная. Со своим характером, настроением и жителями, которые сейчас, как кровь по венам и артериям прилегшего великана, спешили по городским улицам. И даже не подозревали, что каждый день, каждый час их привычный мир может безвозвратно измениться.

Мы искали Око. Но кто знает, может, сейчас в другом чабиле по проспектам несется еще одна парочка таких же сумасшедших. И их задача тоже не допустить что-то... Или совсем наоборот – организовать... Мы можем столкнуться с ними или разминуться, даже не догадываясь о существовании друг друга.

Вседорожник притормозил, прервав ход моих мыслей. Я взглянула на музей мировой истории магии. Ну что, вот сейчас и выясним, что за камень искал в моем доме вор. И я решительно толкнула дверцу, собираясь выйти. Но так и не успела спрыгнуть с подножки.

Смазанное движение – и Рид с кошачьей грацией огибает капот, чтобы подать мне руку. Укоризненный и в то же время смеющийся взгляд оборотня в духе: не могла подождать секундочку, пока кавалер проявит галантность?

Но, как говорится, если мужчина ступил на тропу ухаживаний, то ему стоит пожелать лишь стойкости. В моем случае – еще и дополнительных нервов, терпения и запасного чарострела с полной обоймой пульсаров. А то основные во время свидания могут и закончиться...

Впрочем, рано Риду это знать. «Личный опыт – это ведь всегда интересно, если не помер или, того хуже, не разнес академию», как

говорил наш преподаватель по лабораторным практикумам.

Потому я, опершись на протянутую руку, как могла элегантно выпрыгнула из вседорожника, и мы направились в музей. И были в оном, наверное, самыми целеустремленными посетителями, потому что прошли сразу к главному экспонату. Ну как прошли... Двумикий точно шел, а вот меня... он слегка тащил. Хотя, будь его воля, закинул бы на плечо и понес. Потому что на выставке было столько артефактов! Уникальных! Древних! Сильнейших! И мне хотелось рассмотреть их все. Но я мужественно крепилась и... зависала не у каждого стенда, а через один.

И Рид вынужденно порывивал:

– Моя дор-р-рогая... Моя медовая... – И буксировал меня дальше.

При этом двумикий, как истинный собственник, на заинтересованные мужские взгляды, брошенные в мою сторону, отвечал холодным взором в духе «даже не мечтай, приятель, она моя». И я еще раз убедилась: рядом со мной сильный духом оборотень. Потому что только такой уверенный, отчасти даже жесткий мужчина не будет ревновать свою девушку ко всем вокруг. Даже если она в провокационном красном платье, повторяющем изгибы ее тела. Он будет ей гордиться. А слишком ретивых поклонников – предупреждать одним поворотом головы: на этот экспонат можно только смотреть.

Наконец мы в режиме «охраняю и буксирую Драккарти» добрались до Ока. Точнее, его муляжа. И мне хватило одного взгляда на артефакт, чтобы понять, какой камень был извлечен.

Само Око чем-то напоминало скипетр, в навершии которого как раз и помещался округлый сероватый камень с почти черными прожилками.

Насколько я помнила, Око когда-то было ключом в мир мертвых. Дивный народ славился своим почти бессмертием. Но если уж душа обитателя холмов все же покидала тело, то она отправлялась не за Грань, а в мир Ши-Гроу, что в одном из вариантов расшифровок с языка древних переводилось как «место, где тебя не побеспокоят». И действительно, никаким некромантским обрядом нельзя было призвать дух умершего фэйри. А вот Око – оно могло...

Я окинула муляж артефакта магическим зрением: подделка была великолепной. Не знай я, что передо мной ненастоящее Око, ни за что бы не подумала, что оно фальшивое.

– Как ты думаешь, – не отрывая взгляда от экспоната, начал Рид, – сколько по времени заняло бы отделение камня от остальной части с помощью разделителя Мерхусалигнголлериса?

Судя по тому, как Мрак легко произнес имя магистра, он тренировался. Но поразило меня другое: он запомнил его, единожды услышав! Просто, видимо, не смог выговорить с наскока – я вспоминала первые попытки Мрака озвучить зубодробительное название.

– Тяжело сказать точно, но...

Я призадумалась. Ритуалы с использованием артефактов, конечно, бывают разные. Есть и те, что длятся сутки, но... Еще раз глянула на нити и векторы магических потоков. Если предположить, что разделитель во время извлечения камня искажает их: растягивает, отводит, зеркалит, чтобы свести разрывы к минимуму, – а там, где отсечения не избежать, изолирует каналы, ставя временные блоки, тем самым не давая магии растечься... Как если бы человеческое сердце вынимали из груди, чтобы заменить его новым. На время пришлось бы разрезать или пережать некоторые сосуды. Но сколько тело может оставаться без пульса? Не думаю, что долго. Как и древний артефакт.

Значит, можно предположить, что ритуал длился недолго. Но для этого нужны ювелирная точность и... скорее всего, дубликат! Подменыш может не обладать свойствами истинного камня, но он не даст артефакту распасться. Сохранит до того момента, когда будет возвращен истинный камень.

К тому же для того, чтобы извлечь пропавший самоцвет, не нужно было разбирать само Око на составляющие – лишь осторожно, не нарушая плетений, отогнуть державшие его крепления...

Это была моя теория, лишь догадка, которую я озвучила.

– Хм... Думаю, что уникальный и опытный специалист у нас имелся. Убитый гоблин был мастером высочайшего класса. Не будь он преступником, стал бы архимагом. Не меньше. И ему вполне было под силу проверить подобное.

И Рид тут же задал следующий вопрос:

– А как изменятся свойства у артефакта, будь он в разобранном виде?

Ответ знал любой адепт первого курса, если только он был не совсем бездарью:

– В разобранном виде даже у сильнейших артефактов лишь малый остаточный шлейф. А иногда и полное отсутствие фонового магического излучения. – Я вспомнила, как, еще будучи школьницей, на собственном опыте убедилась в этом правиле: разобрала в мастерской сердечник гасителя, от которого прямо-таки разило магией, и оставила на пропитку. А папа, придя, нечаянно сгреб все детали в короб. И как я потом ни пыталась найти их, сколько поисковиков ни запускала... Обнаружился разобранец в лучших традициях чемпионата в пряталки. Когда прошлогоднего победителя традиционно находят спустя год. На новых играх. Так вот никаких эманаций от деталей не было! Но Око не какой-то там сердечник. Даже при извлеченном камне от него осталось бы излучение. Немалое. Но его вполне можно было замаскировать.

– Подожди... – От догадки я покачнулась. – Не хочешь же ты сказать, что гоблин разделил Око прямо тут? – Я обвела выразительным взглядом зал.

– А я и не говорил подобного. Это твои слова, – иронично отозвался Мрак.

– Сейчас будут и действия. Удушающего характера, – предупредила раздосадованная я.

Как?! Как этот оборотень, законник и ни разу не артефактор обо всем догадался раньше сведущей в магической механике меня?

– Значит, услышать мою гипотезу полностью ты не хочешь?

Я выразительно засопела в духе: «Я тебя ненавижу. Но если расскажешь все, ты все равно будешь бесить, но меня это будет уже устраивать».

– И как? – Наконец мое любопытство взяло верх над раздражением.

– Думаю, что наш преступный гений, как только включили охладительную установку и яд начал отравлять воздух, надел защитную маску. Из тех, что используют алхимики при работе с реактивами.

– А дальше из-за взаимодействия яда с узлами охладителя произошло возгорание. – Я вспомнила, как резакom пилила сплавленный в пожаре кусок металла...

– Да, и посетителей, которым стало плохо, начали выводить из музея. Дым, паника и как итог – оставшийся пустым зал. До прибытия

огнеборцев прошло двенадцать минут. Чад не позволил камерам заснять всего, но предположу, что за это время гоблин отключил сигнальное заклинание, извлек Око, подменив его муляжом, и отделил камень от артефакта. Но поскольку тот все равно фонил, логичнее всего было бы...

– Не тащить здоровенную, с чемодан, глушилку, а перебить магический шлейф более сильным излучением! – выпалила я. Похоже, слишком громко: на нас начали оглядываться другие посетители.

И если основная публика лишь бросала недоуменные взоры и отворачивалась обратно к экспонатам, то одна мисс прямо впилась в меня взглядом. Так смотрят те, кто идет убивать. Но я, сколь ни напрягала память, так и не смогла вспомнить, где мы могли с этой рыжей столкнуться. Меж тем огненная красotka чуть повернулась и... В ее облике произошли разительные метаморфозы: появилась томность, соблазн волнами потек от этой светской львицы к... Мраку. А как она на него посмотрела! Этот взгляд был сладким грехом по форме и похотью по сути.

– Ты ее знаешь?

– Молли, – сказал, а по интонации – выругался Мрак.

– Кто? – не поняла я.

– Бывшая. Мы с ней расстались. – Видимо, Мрак знал силу эпитетов, которые порой главные по смыслу не только в предложении, но и в вопросе спасения целостности шкуры.

«Так. Спокойно, Дэй. Главное – сдержаться», – повторяла я себе, пытаясь отвернуться от рыжей красавицы. Она превосходила меня во всем. Внешностью, умением держаться и... Один взгляд на ее фигуру говорил: эта мисс либо подхватила смертельное проклятье, либо очень, прямо-таки вопиюще богата. Потому что такая стройность может быть лишь у двух категорий смертных. И что-то мне подсказывало, со здоровьем огневолосяй все в полном порядке.

О том, что Молли из элиты, говорили и драгоценности, которыми были унизаны ее пальцы. И, как магомеханик, могу с уверенностью заявить: половина из них – артефакты. На миг подумалось: вот кто должен стоять рядом со Стэйном. Они вместе выглядели бы отлично...

Но когда я все же усилием воли повернулась к Мраку, то увидела: он бросил скептический взгляд на рыжую и чуть заметно отрицательно мотнул головой. И я осознала: если Рид захотел быть со мной, то ничто

и никто не заставит его быть с этой... М-м-молью. Как бы она ни пожирала его глазами, ни оттягивала провокационно край декольте, вроде бы невзначай проводя по тому пальцем, как бы томно ни вздыхала... А ревность... Нет. Ее не было и в помине. Но без волос и с еще десятком фунтов на талии этой Молли было бы определенно лучше!

– Дэй, – вернулся к тому, собственно, за чем мы и пришли сюда, Мрак. – Если исходить из того, что при выносе Ока из музея была использована не глушилка, а другой артефакт... Мог ли это быть, допустим, принесенный кем-то из посетителей родовой перстень или еще какое-то украшение?

Мне показалось, что Рид задал этот вопрос не то чтобы для проформы, а, скажем так, чтобы исключить второстепенные варианты. Я еще раз окинула зал уже чисто профессиональным взглядом, стараясь абстрагироваться от рыжей. Увы, на посетителях такого амулета не было. Ни на одном. Да и сомневаюсь, что такой артефакт со шлейфом, способным перебить магическое излучение даже ослабленного Ока, нашелся бы... А вот некоторые экспонаты...

Похоже, последнее я произнесла вслух, потому что Мрак выдохнул:

– Отсюда с момента открытия выставки экспонаты не вывозили. Ни один. Я специально наводил справки. Зато в соседнем зале как раз был последний день выставки схинских мумий.

На периферии сознания всплыли слова умирающего гоблина: он что-то говорил про гроб. Точно, про него!

– Мумии, гроб... – забормотала я.

– Саркофаг, – подсказал Рид. – Меня интересует одно: его фона достаточно, чтобы Око в разобранном виде не обнаружили?

– Наверное, – отозвалась я, уже понимая: сейчас я буду с пристрастием допрашивать экскурсовода. И сдаётся мне, это будет тот редкий случай, когда гид окажется не рад «вопросам из зала». А меня-то интересовала сушая малость: частота магического излучения, период распада остаточного силового шлейфа и диапазон покрытия... Всего-то. Никаких легенд, преданий, слухов о тайной беременности, случившейся три тысячелетия назад, и мифов о способах бальзамирования. Я желала отжать всю воду, оставив лишь факты. Но и не подозревала, что в процессе этой самой «выжимки» могу не

только утолить жажду знаний, но и наглотаться, захлебнуться и чуть не утонуть.

Словоохотливый экскурсовод был мастером своего дела и виртуозно уходил от вопросов, об ответах на которые он и понятия не имел.

Глава 9

Но мы с капитаном Стэйном оказались очень любознательными.

И ни разу не любопытными. Потому что любознательность, в отличие от любопытства, бывает исключительно по делу, а не праздности ради. Именно так я и заявила, когда экскурсовод, глядя на нас и, судя по ее лицу, мечтая о чаростреле, в сердцах произнесла:

– У меня еще ни разу не было столь дотошных посетителей, – причем это прозвучало с интонацией: «А лучше бы и вовсе не случилось!»

И все же дама сдалась под нашим натиском заинтересованности саркофагом и сделала почти невозможное для гида – признала, что она не полностью владеет материалом по истории Аленорига Пятнадцатого из рода Лонрис, который царствовал еще до эпохи низвергнутых. И заверила, что уточнит этот вопрос. Возможно, было бы быстрее, представься мы законниками. Но не факт. На официальный запрос тоже нужно время. А демонстрация значка – лишнее внимание, которое привлекать не стоило.

Экскурсовод вернулась спустя каких-то полчаса с копией манускрипта. По словам дамы, ее она вынесла из фонда исключительно для столь пытливых и интересующихся историей гостей музея. Автор рукописи, магомеханик Отто фон Крох, участвовавший в раскопках этого самого саркофага, подробно описал фоновый уровень и гробницы, и усыпальницы в оной, и тела бальзамированного правителя.

Я вчиталась в строки, выведенные четыреста с лишним лет назад рукой великого Отто фон Кроха, артефактора и чародея, и убеждалась: да, да и еще раз да! Саркофаг мог стать идеальным контейнером для Ока!

Получалось, что гоблин и не выносил украденный артефакт с выставки. Это сделали сами музейщики на следующий день, когда упаковали и отправили экспозицию мумий династии Лонрис... Куда? В запасники или?..

– И какой шлейф? – заглядывая мне через плечо, уточнил Рид с умным видом. Хотя, с учетом того, что я сама едва разбираю, что

изображено на копии, подозреваю, что для оборотня это и вовсе выглядело сущей галиматьей. Но...

– Сто сорок семь условных единиц... – отозвалась я.

– Ты выиграла это пари, – торжественно заключил Рид.

И я тут же смогла лицезреть, как светоч знаний может посинеть от черной злости. Если проще – экскурсовод взбеленилась. И, судя по выражению ее лица, срочно составляла список проклятий для двух сильно любопытных особ, которые потратили уйму ее времени ради какого-то своего спора.

Зато Стэйн добился главного: никто и не заподозрил, что мы здесь из-за пропавшего Ока. А то, что о нас подумала эта дама монументальных габаритов... Ну нельзя же одновременно одними и теми же костями играть и с демонами, и с богами. И если ради расследования придется пожертвовать своим реноме приличных посетителей в глазах гида – мы это пережеем! И переживем тоже!

И едва мы вышли из зала, Рид поспешил достать переговорник.

– Леард, это Рид. Мне срочно нужно узнать, куда отправили экспонаты выставки рода Лонрис. Она была представлена в музее мировой истории магии и пять дней назад завершилась.

Я не слышала, что ответил чувствитель. В этот момент меня озаботил куда более приземленный вопрос: я захотела в уборную. И как только Рид договорил, сообщила, что мне нужно отлучиться «припудрить носик». Оборотень коротко кивнул, но... не только взглядом проводил до нужной комнаты, но и, по ощущениям, дверь им же помог открыть.

А вот едва я оказалась в туалетной комнате, как нос к носу столкнулась с рыженькой Молли. Она поправляла прическу, стоя напротив зеркала, но, увидев меня, полностью потеряла интерес к своему отражению и уверенно развернулась так, что мы оказались друг напротив друга.

– Кажется, мы раньше не встречались и незнакомы? – медовым голосом произнесла она, впрочем, опустив такие прелюдии разговора, как приветствие. – Меня зовут Молли.

И она растянула губы в улыбке, которую можно охарактеризовать двумя словами: «кошмар дантиста» – зубы были идеально белыми и ровными. А такие здоровые резцы не сулили никакого обогащения! В общем, финансовый ужас, да и только.

Я на эту речь лишь вскинула бровь и улыбнулась. Доброжелательно. Хотя хотела совершенно иного: минимум – огреть эту наглую особу. Хотя бы кувалдометром. За ее взгляды в сторону Рида.

– А тебя как зовут? – не дождавшись ответа, чуть капризно протянула рыжая.

– Для ТЕБЯ, – я выделила последнее слово, – я – ВЫ.

– Ну что ты! – Она беспечно махнула рукой. – Какое «вы» между любовницей и невестой Риднора Стэйна?

Она? Невеста Рида? Лишь усилием воли я удержала лицо. Вдох. Выдох. Вдох. Так, Драккарти. Не убивать. Только не убивать. Мрак сказал, что она «бывшая». Значит, бывшая. И точка. И я должна ему доверять.

А еще – я не желала его ни с кем делить. Ни с этой... Молли, ни с кем бы то ни было еще! Он МОЙ. ТОЛЬКО МОЙ. И все тут!. Что бы эта конопатая о себе ни возомнила и как бы ни пыталась меня сейчас размазать в тонкий слой.

– Рид не говорил, что у него есть еще и любовница. – Я изобразила легкое удивление. – Ну что же, тогда будем знакомы – Дэйна.

Я оценила оборотницу. Что рыжая относилась к двуликим, стало понятно по тому, как на миг она не смогла после моих слов удержать маску благодущия и черты ее лица по-звериному заострились, а верхние клыки показались над губой. Но это только на долю секунды. И вновь она сама доброта. И по тому, как быстро Молли смогла взять себя в руки, я поняла: передо мной очень опасный противник. Из тех, кому не требуется размахивать кулаками и угрожать с пеной у рта. Рыжая способна размазать врага по стене толщиной в нанометр, не переставая улыбаться и не сделав ни одного движения. Слова. Только слова, произнесенные ласковым голосом. Таким сладко-приторным, что его можно добавлять в чай вместо сахара.

– Значит, по-хорошему не хочешь отступить? – правильно поняла меня Молли. – Интересно, и что МОЙ ЖЕНИХ в тебе нашел? – Ее взгляд прошелся от моих босоножек до макушки. – Я же лучше тебя во всем.

– Даже в магии? – невинно уточнила я.

– Пф, магия, – фыркнула рыжая. – Сомнительный дар, который не компенсирует твоего главного недостатка: ты человек. Смердишь человеком. И эту вонь не перебить ничем.

Молли оскорбляла не сразу, а поэтапно, смакуя каждый шаг. А затем элегантно достала из клатча капсулу духов. Та была размером чуть больше горошины. Достаточно ее сжать теплыми пальцами – и тонкие капли аромата окутают облаком. А во второй руке у рыжей в следующую секунду очутилась «ручная молния» – простенький артефакт, способный рождать пламя. Такие любили использовать курильщики.

Я догадалась о намерениях рыжей за миг до того, как та решила поджечь себя. А что? Идеальный ход: аэрозоль ароматного масла вспыхнет моментально, лишь слегка опалив платье. Небольшим ожогом, с учетом регенерации оборотницы, можно было пренебречь.

Я согнула в локте руку, и в ладони тут же вспыхнуло пламя. Белое. Настолько яркое, что даже один его свет обжигал. И только когда огонь взвился на пару футов, я поняла: мой резерв, еще утром опустошенный до дна, вновь полон. Столь быстро он еще ни разу не восстанавливался.

– Угрожаешь? – довольно ухмыльнулась Молли. Вот только был в ее уверенной улыбке оттенок... нервности, что ли.

– Ничуть, только лишь помогаю. А то эти ручные молнии не всегда срабатывают, – усмехнулась я в ответ. – Ты же хотела себя поджечь, а потом громко крикнуть, что на тебя напала обезумевшая магичка? Удиви меня, скажи, что это не так.

И судя по тому, как дернулось лицо рыжей, словно от пощечины, я поняла: угадала. Именно это и собиралась сделать оборотница. Элегантно устранить соперницу, выставив себя жертвой.

– Так вот, дорогая Молли, – продолжила, делая шаг вперед. – Я лишь тебе помогу. Чтобы ты точно почувствовала тепло моего радушия.

Я смотрела на рыжую в упор. И в душе не было и тени сомнения. Какое притяжение зверя Рида к моей магии? Что за чушь! Я просто хочу быть с Мраком. Сейчас. Всегда. А любой, точнее, любая, кто посягнет на **МОЕГО ОБОРОТНЯ** и попытается меня устранить... пусть пеняет на себя!

– А я тебя недооценила, – прошипела оборотница, сглотнув и отбросив маску любезности. – С виду наивная и глупая, а на деле...

– Просто любящая и любимая, – закончила я за нее.

– У альфы долг всегда выше любви, – выплюнула рыжая. – А Стэйн – будущий вожак. Его так воспитали. И альфа должен взять в жены двуликую. Так что даже не надейся, девочка, ты у него ненадолго, лишь до возвращения зверя. А потом Стэйн вернется в стаю и договоренности о нашем браке будут восстановлены.

Она все же оставила последнее слово за собой и, обогнув меня, направилась к двери.

– Лучше любовь без брака, чем брак без любви, – тихо произнесла я, не оборачиваясь. Но оборотница услышала. И за моей спиной со злобой захлопнулась дверь. Так, что косяк едва не вылетел.

Мне же нужно было несколько секунд, чтобы совладать с беснующейся в руке магией. Она ярилась, пытаюсь вырваться из-под контроля. Но все же я втянула пламя в ладонь. Прикрыла глаза, чтобы выровнять дыхание, а потом... Вспомнила, собственно, зачем пошла сюда.

А вот когда вышла из уборной, увидела Стэйна, разговаривавшего с Молли! Мрак был олицетворением вечных льдов и мог своим холодом, который сейчас излучал, замораживать на подлете птиц, людей и даже пульсары.

– Нет... – услышала я, подходя ближе.

И после этого категоричного ответа красotka развернулась. Я увидела ее недовольно поджатые губы, и она, мотнув головой, так что локоны медной тяжёлой волной упали ей на плечи, прошествовала прочь. Поплыла, а не пошла.

– И о чем же ты говорил со своей бывшей невестой? – я произнесла это едва слышно, но так выразительно, что Мрак нервно дернул ухом. Совершенно по-звериному! Такого я за ним раньше не замечала.

– О погоде, – видимо, кто-то не захотел вдаваться в неприятные для него подробности. О том, что разговор был не радужным, свидетельствовали побелевшие скулы и тьма, которая расплескалась в обычно синих глазах двуликого.

Но я жаждала расставить все руны над пентаграммой.

– Значит, так, маг-погодник! – Я сделала шаг так, что между нашими лицами оказался десяток дюймов. И руки сами, помимо моей воли, взяли его за лацканы пиджака, притянув к себе. Ну как притянув – попытавшись. Но меня не смутил этот маленький тактический провал. – В следующий раз, когда эта тучка подплывет к тебе, я без всякого предупреждения вдарю по ней молнией и организую вам шторм, от которого ты выпадешь в осадок, а ТВОЮ БЫВШУЮ НЕВЕСТУ размажет по всему атмосферному фронту.

– Я так понимаю, в дамской комнате ты столкнулась с Молли и у вас состоялась беседа, – Рид не спрашивал – утверждал.

– Да. Милый девичий разговор, – произнесла я тоном, которым обычно обещают долгую и мучительную смерть.

– Я не хотел тебе говорить о том, что, пока я не утратил связи со зверем, у нас с Молли были брачные договоренности. Потому что это все в прошлом. Ты мое настоящее. И я сделаю все, чтобы оно превратилось и в будущее.

Рид чуть склонился с явным и однозначным намерением. И ему, похоже, было плевать, что мы вообще-то в музее – месте, которое само по себе является мощным артефактом от прилюдных поцелуев. Мощнее его по действию в мире было только два оберега: от дождя – зонт и от приглашения на чашку кофе поздним вечером – корректирующие фигуру рейтузы.

Но раздавшийся на весь холл звонок заставил нас поменять планы. А мне пришлось отпустить лацканы пиджака двуликого и отстраниться. Леард выяснил, куда отправили экспонаты с соседней экспозиции – в порт. Выставка отбывала в столицу Схина, к нашим соседям. В страну, где правили драконы – власть, закон и порядок восточных земель. И если Око увезут туда....

– Когда отплывает корабль? – голос Рида звенел оточенным клинком.

Я не слышала ответа Леарда, но что-то мне подсказывало: мы опаздываем. Жутко опаздываем.

– Наших – всех туда. Живо! – скомандовал Мрак. – Я уже выезжаю. И... Лео, помни: в отделе есть крот.

После такого короткого напутствия Стэйн завершил разговор. И я выразительно посмотрела на оборотня.

– Ты хотел сказать: МЫ выезжаем?

– Я что хотел, то и сказал, – отрезал Мрак. – Там может быть опасно.

– Я знаю. И еду. Точка.

– С ума сошла?! – оскалился оборотень.

– Нет. Это мое обычное состояние.

– Дэй, – попытался зайти с другой стороны Мрак. Его голос стал проникновенно-убедительным. – Я не хочу подставлять тебя под пульсары.

– А ты сможешь почувствовать шлейф магии? Отличить настоящее Око от еще одной подделки? – Я прищурилась. Крыть ему было нечем. Но то, что идея взять меня с собой туда, где, возможно, будут стрелять, Мраку явно не нравилась, было очевидно.

– Держись за моей спиной, – прорычал Мрак.

Я согласно кивнула: лезть на рожон мне тоже не хотелось. И мы помчались к вседорожнику. И едва я запрыгнула в него, как Рид выжал газ на полную. Элементали – узники цилиндров мотора – взревели и... Я поняла, как Мрак примчался ко мне домой после ночного нападения за каких-то десять минут.

Кажется, для него не существовало не только дорожных знаков и правил вождения, но и вообще законов! В первую очередь физики и магии. А еще напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения. Его двуликому заменяли холодный расчет, стальные нервы и железная воля. Иначе как объяснить езду по встречной, дрифт и разгон машины вседорожника от нуля до ста миль в час за тридцать секунд – что вообще-то в теории невозможно. Это я как магомеханик заявляю.

Чабиль затормозил у контейнерного терминала. Рид открыл бардачок, достал артефакт-маячок и активировал его, сжав меж пальцев и положив в карман, потом извлек оттуда же пару чарострелов и засунул за спину, прикрыл оружие полый пиджака.

– Надеюсь, не понадобится, – сухо сообщил он.

А через минуту мы спешили по бетонной площадке. Несмотря на жаркий день, ветер был резким. Его порывы несли запах моря и водорослей. Надсадные крики чаек, круживших над головой и оравших, как оглашённые, откровенно бесили.

Скрипели цапли-краны, поднимая контейнеры на борт судов. Поделовому суетились рабочие, сновали погрузчики с ящиками и поддонами.

«Стригоя» – сухогруз, на котором должны были отправить саркофаг, – мы нашли быстро. Как и выяснили, что контейнер из музея еще не загружен. А вот когда мы со Стэйном, капитаном и еще несколькими членами команды корабля двинулись меж штабелей к злополучному контейнеру, выяснилось, что его охраняли. Причем явно не представители закона.

– Вы пришли слишком рано, – с этими словами к затылку оборотня приставили взведенный чарострел. Да и в мою поясницу упиралось, судя по всему, дуло.

– Значит, и вас, капитан, купили, – совершенно спокойно произнес Рид, словно это не он был на мушке.

– Предложили больше, – по-деловому поправил командир «Стригоя» и приказал уже кому-то из помощников: – Ирса, обыщи его.

Краем глаза я видела лишь часть его белого кителя и руку, что держала чарострел, приставленный к голове Мрака.

– И сколько же? – любопытствовал Мрак, пока ловкие руки этого самого Ирса доставали оружие из-за пояса оборотня.

– А вам не все ли равно? – усмехнулась, кажется, старпом, а потом ее голос дрогнул, словно у актрисы, забывшей свою роль: – Зачем вы влезли в это дело? – И, вот странность, мне почудилось в ее голосе... отчаяние?

Она стояла сбоку от меня. И ее, в отличие от капитана, можно было разглядеть получше. Хоть только и с одного, правого бока. Высокая, темноволосая, подтянутая... Красивая, зараза. Даже небольшой шрам у правого виска ее не портил. А еще она кого-то мне напоминала. Но мы точно никогда с ней не встречались.

– Затем, чтобы сыграть в считалки... Пересчитать вас всех... – ответ Рида совпал с солнечным зайчиком, блеснувшим на миг у ног Мрака, и он тут же крикнул: – Ложись!

Время словно замедлило свой бег до такого предела, что еще немного – и, мне показалось, оно вовсе оказалось на стоп-паузе.

Рид толкнул меня. И я, падая боком и уходя от выстрела, услышала, как вслед мне чавкнул чарострел. Но пульсар, вылетевший из дула, лишь обжег макушку.

А вот в самого Мрака, который, благодаря реакции оборотня, смог дернуться и разминуться с первым сгустком пламени, летел уже

следом второй. И двуликому, сумевшему наполовину повернуть свое тело к капитану, от выстрела было не уйти.

Чарострел, который держал командир корабля, дернулся, выпуская из дула новый пульсар, и тот полетел в Стэйна. Какие-то сотые доли секунды... И тут, словно разрывая саму ткань времени и пространства, на бешеной скорости в пламенеющий сгусток, летевший в грудь Рида, врезался точно такой же, сбивая траекторию полета обоих. И я знала лишь одного оборотня, способного на такую реакцию. На такой выстрел.

Зар! И следующий пульсар лиса уже точно вписался в кисть капитана, державшую чарострел. Белый китель окрасили брызги крови, а в воздухе запахло паленым.

А я, успевшая испугаться за Стэйна, уже касаясь головой бетона, вскинула руку. Плетение щита получилось само собой. Вот только вместо шести точек вокруг запястья вспыхнул целый круг, потом второй – шире, вписав в себя первый. И еще один. И еще.

Ударная волна получилась мощнейшей. Разметало всех. Рид, успевший пригнуться, просто проехал несколько футов, стоя на одном колене. А я с запозданием осознала, что только что произошел резкий скачок моего магического потенциала. Такой бывает в одном случае из тысячи у юных магов на грани жизни и смерти. Их жизни и смерти. Но Рид, похоже, был уже частью меня... И за него я испугалась больше, чем за себя. И вот результат...

Перестрелка заняла считанные секунды, и я еще не успела осознать случившееся до конца, как почувствовала, что меня подхватывают знакомые сильные руки и в следующую секунду буквально затаскивают в щель меж контейнерами, закрывая своим телом. И следом – выстрелы пульсаров. Сдается, в то самое место, где мы были миг назад.

Рид толкнул меня чуть глубже, а сам высунулся из укрытия, отстреливаясь. Когда он успел подобрать свой чарострел, я так и не поняла. Но факт оставался фактом. Оружие было у него в руке.

– Бежим! – отпрянув от угла и опустив чарострел, скоординировал оборотень. И мы помчались по узкому проходу меж контейнеров.

Я старалась двигаться как можно быстрее, но платье и обувь были рассчитаны на музей, а никак не на перестрелку с погоней. И тут, словно в подтверждение моим мыслям, сломался каблук, попавший в

выбоину. Я потеряла равновесие и наверняка разбила нос, если бы Мрак меня не подхватил.

А затем двуликий, не говоря ни слова, присел, обхватил мою ногу с босоножкой и... Хрясь! Я лишилась и второго каблука. А затем затрещало и платье. Оно обзавелось шикарным разрезом спереди. «Линк меня убьет!» – промелькнула мысль. Но, чтобы сохранить себя для завтрашней расправы подружки, нужно было сегодня постараться выжить...

– Вот так ты выглядишь гораздо лучше! – подытожил Мрак.

И я поняла: кто-то, даже несмотря на смертельную опасность, не потерял своего главного таланта – умения тонко издеваться и тем бесить.

– Рид, ты потрясающ, как неизвестно кто! – все же выдохнула я, не сдержавшись.

– Но ведь потрясающ, – ничуть не стусевался оборотень, поднимаясь единым слитным движением.

И мы продолжили наш сумасшедший бег. К слову, так, без каблучков и с разрезом за гранью приличия, нестись сломя голову было гораздо проще. Вот только бы еще любопытство для меня было не важнее дыхания – так вообще замечательно! Потому как я, чередуя рваные вдохи и выдохи, все же не удержалась от вопроса:

– Как Зар узнал, где мы? – и с этими словами едва не лишила легкие кислорода.

– Я активировал следящий артефакт. И пока мы с тобой разыскивали «Стригоя» и его капитана, Сев, Зар, Лео и Мири успели добраться до порта. И сейчас они нас прикрывают, – даже не запыхавшись, произнес Рид. И тут мы выбежали на открытый участок между штабелями и... Мгновенно запрыгнули обратно, потому как по тому месту, где мы только что стояли, полоснула очередь пульсаров.

Вот только их перекрыл скрежет. Рид на миг выглянул из-за стенки и тут же отдернул голову. А от угла металла в эту же долю секунды отрикошетило несколько сгустков пламени.

– Нёрбины потроха, Счастливчик!

– Счастливчик? Тот самый? – переспросила я, припомнив, что именно этого главаря банды Рид подозревал в краже Ока, но без улик не мог предъявить обвинение.

– Да, – кивнул Мрак. – Он сам лично принимает наш контейнер на борт. Машет рукой погрузчику, куда его поставить.

– И что будем делать?

– Прорываться на «Стригоя». Сможешь создать еще один щит? Но только постарайся при этом меня не убить.

– Односторонний, – я прикинула, сколько осталась резерва, – и еще парочку атакующих могу.

– Отлично! Главное – береги себя. На счет три.

И тут в наш угол врезался здоровенный огненный фаербол, от которого нас спасла лишь рефлекторная встречная волна моей сырой силы.

Демоны, у них что, и маг-стихийник есть?!

– Три, – моментально сориентировавшись в обстановке, рывкнул Рид и закинул меня себе за спину. При этом его и так мощное тело по ощущениям резко увеличилось в размерах, мышцы взбугрились, и рубашка с пиджаком едва не затрещали по швам.

Нет! К такому в академии меня определенно не готовили. Я собрала остатки магии. Той, что еще плескались на самом дне резерва после выброса сырой силы... На щит ее не хватало, но на пару арканов – должно. Только для того, чтобы их сплести, требовалась хотя бы пара секунд, которых у меня не было.

Как и пульсаров в чаростреле Рида. Тот чавкнул последний раз и... Отправился в полет, завершив оный, врезавшись кому-то промеж глаз. И я увидела, как Мрак, подхватив какой-то обрез металлической трубы, отбил им пару пульсаров. Но, увы, против атакующего огненного смерча его новое оружие было бессильно.

Не успела я додумать эту мысль, как двуликий ее опроверг.

Первый раз я видела, чтобы трубу использовали как копьё. И, что удивительно, весьма эффективно. Обрезок просвистел в воздухе и врезался прямехонько в грудь раскинувшего руки мага, который контролировал свое огненное творение.

– Твою ж! – вырвалось у меня. Такой наглядной демонстрации превосходства мощи оборотня над магией в учебниках не встретишь!

Жаль, что маг был не единственным противником. Мимо чиркнул еще пульсар и еще. И Рид, лишившись последней защиты, просто заслонил меня собой, готовясь оберегать до последнего. Вот только следующий выстрел был уже не в нашу сторону.

Кто-то из укрытия методично отстреливал наших противников. Зар? Сев? Мири? Лео? Не все ли равно. Вот только когда я увидела на одном из контейнеров сову с метательными ножами на изготовку, рядом с ней рыжего с двумя чарострелами и спешивших к нам гриззи и чувствителя, то... Кто же стрелял из укрытия?

– На корабль! Ребята прикроют, – скомандовал Рид, когда я увидела, как главный кран-погрузчик, уже поставивший НАШ контейнер на палубу, отключает магониты – артефакты, что позволяли удерживать груз на весу.

От «Стригоя» отъехали две здоровенные шпалы подъемника, которые отвечали за погрузку. Да и вообще, судя по всему, судно готовилось отдать концы. Преступники так торопились, что даже не спустили контейнер в трюм, оставив на палубе.

Демоны! Демоны!! Демоны!!! Мы неслись по коридорам меж штабелей, сложенных из контейнеров. Сердце выпрыгивало из груди, дыхание сбилось, и казалось, еще немного – и я зайдусь в кашле, выплевывая собственные легкие. В боку колело, но я не останавливалась. Успеть. Только бы успеть!

Взбежали по трапу на «Стригоя» в последний момент. Рид тут же резко повернул направо, и мы рванули вдоль палубы.

Вот только на пути меж нами и контейнером встал... встало... полуобнаженное нечто.

Это был самый мощный оборотень, которого мне довелось видеть. Его частичная трансформация поражала. Из-за искажавшихся черт невозможно было понять, что именно это за зверь. Шиповидные выросты пронзали его плечи до самых локтей. На голой груди поблескивали пластины чешуи, а волосатые икры, которые были видны из-под рванины джинсов, в обхвате были толще моей талии. Я не говорю о здоровенных лапах, чем-то напоминавших волчьи, когда опора идет на вытянутые фаланги, а плюсна не плавно переходит в берцовую кость, а характерно оттопыривается.

Химера какая-то, а не двуликий. Зверь оскалился, выпустив когти. Я сглотнула, оценив длину этих десяти стилетов. А затем тварь медленно, демонстративно провела одним из них по железной трубе перил, высекая искры и оставляя прочерченный след.

– Дэй, ищи Око. Я его задержу, – выдохнул Рид.

Я могла бы поспорить, но... не та была атмосфера, не та! Душевности для скандала не хватало, что ли. Потому я лишь коротко кивнула и поспешила к створкам контейнера. За спиной послышался рык и шум боя.

Примерилась к внушительному запору, а потом сорвала пломбу и взялась за рукоять, потянув ее на себя. Нёрбин потрох! Не поддается. Пришлось активировать остатки резерва, зажигая вокруг запястий уже не точки – круги. И наконец смогла сдвинуть прутковую рукоять. А потом, толкнув ее уже вверх, вынуть штанговую тяжеленую трубу из крепежа. Повторить то же самое со второй закрывающей штангой и... наконец попасть внутрь!

Контейнер хоть и оказался заставлен лишь наполовину, но повернуться внутри было практически негде. Саркофаг! Саркофаг! Где же этот гремлинов саркофаг, фтырхи его подери!

Я лихорадочно осматривала ящики.

Есть! Как там покойный гоблин сказал: в гробу? Что ж, он по-своему был прав. Передо мной был и вправду гроб. Стильный, наверное. По моде четырехтысячелетней давности – так точно. Вот только заколочен в каркас! А у меня магии чуть меньше, чем минус ноль: израсходовала всю, открывая створки. Но чародей, если выбор стоит между смертью и смертью, может продать свою жизнь подороже, вычерпав неприкосновенный резерв – собственную ауру.

И я, стиснув зубы, начала стягивать ее. Кольца на руках вспыхнули, и я, шипя от раздирающей боли, запустила сгустком магии в деревянный каркас. Его разнесло щепой. А затем, стиснув зубы, я отодвинула невероятно тяжелую крышку саркофага.

Есть! Око лежало рядом с одной из стенок. И его фон было ни с чем не спутать – артефакт был настоящим. Не подделка. Вот только в наверху на сером камне размером с ладонь алел замещающий его красный самоцвет. Он исполнял роль своеобразного протеза, поддерживая силовые нити.

Я сжала находку в руке.

От входа раздался рык, а затем звук, словно кто-то очень большой поправляет плечами ящики, пытаюсь протиснуться ко мне. Я обернулась и... рука, державшая Око, не успела за телом, сама уйдя в замах, и я, не думая, на одних рефлексх, артефактом, как ломиком,

врезала по морде химероидного монстра, который подобрался ко мне со спины.

Тварь же в последний миг до удара мотнула башкой, и Око вместо того, чтобы врезаться в скулу, поприветствовало оскал твари. Монстр лязгнул зубами, на миг их сжав, словно собака, вцепившаяся в палку.

Я, ошалев от такого произвола – мой артефакт собрались наглым образом даже не есть, а жрать! – дернула его на себя и... Челюсть химероида дернулась, а вместе с ней и все тело монстра. Но, увы, причиной тому была не я, а Рид, сзади схвативший тварь за выросты, торчавшие из хребта, и потащивший ее к выходу.

От неожиданности громадная тварь разжала зубы, и... в моих руках вновь оказался артефакт. Даже почти невредимый. Ну, если не учитывать клыка, торчавшего из металлической рукояти жезла.

Но мне было не до разглядываний запчастей, оставленных тварью в древнем и бесценном экспонате. Потому как я следила за Мраком, который вытащил химероида из контейнера на палубу. Вот только едва они оказались на открытом пространстве, как чудовище резко развернулось, так круто, что Рид отлетел, ударившись об открытую створку контейнера. Отчего тот, и так стоявший не на плоской земле, а на качающейся палубе, дернулся.

Монстр медленно двинулся ко мне, все еще находившейся внутри, и к Мраку, лежавшему после мощного удара у входа, рядом с металлической створкой, на которой появилась вмятина. Шатаясь, Стэйн встал. Казалось, он держится из последних сил. Я в отчаянии закусил губу, понимая, что мой крик только отвлечет его.

Шипастая тварь замахнулась. Голова Рида была откинута, словно сама подставлялась под смертельный удар, и... в последний миг Мрак резко отклонился. Вся его усталая расслабленность исчезла. Он поднырнул под хук и впечатал свой локоть в поясницу противника, а ботинок – в видоизмененную лодыжку.

Раздался характерный хруст, но и химероид достал Рида, полоснув бок того своими когтями. А потом и вовсе, обернувшись, схватил законника за шею, приподнял над полом на одной вытянутой руке и усмехнулся, видимо, наслаждаясь моментом.

А дальше я увидела то, на что способны лишь оборотни. Да и то не все, а один конкретный кошак. Рид закинул свою ногу на вытянутую руку противника, ту, что его держала, как на ветку, и согнул

свое колено. Миг – и он уже оседлал ее, перенеся свой вес и вывернув пальцы громамы так, что тот взвыл от боли. А Мрак, освободившись из захвата, ударил ногой по лицу химероида и, оттолкнувшись от его скулы, как от трамплина, прыгнул. Перекувыркнувшись в полете, Стэйн приземлился на обе лап... ноги, оказавшись спиной к самому краю открытого трюма, в который так и не успели опустить контейнер с экспонатами из музея. А его противник с оглушительным грохотом рухнул в нескольких шагах от распахнутого корабельного люка.

Впрочем, монстр тут же вскочил и, прихрамывая, с оглушительным криком ринулся на Стэйна. Поднырнув под его руку, оборотень вновь ушел от острых когтей твари, рассекших воздух, и, проведя подсечку, еще раз ударил в бок химероида. Как мне показалось, ровно по тому же месту, что и до этого.

От воя монстра, по ощущениям, задрожали даже стены. Тварь слепо сделала несколько оглушительных шагов вперед и, оступившись, рухнула в открытый трюм. Судя по звуку, тот был глубоким, очень.

Но я не успела обрадоваться. Спешно отчаливающий корабль качнуло, контейнер поехал по палубе, добавляя крена. И поскользился напрямиком в тот самый трюм, куда секундой раньше упал химероид.

Рванула к входу, пытаюсь успеть и понимая, что не успеваю... Ноги оттолкнулись от края пола в тот самый момент, когда контейнер боком проехал по палубе и уже на треть завалился в черную, как драконья глотка, пасть трюма.

Я полетела вниз, пальцы бессильно соскользнули с края палубы в бесплодной попытке зацепиться, и... резкий рывок заставил все мое тело вздрогнуть, словно я была марионеткой, кукловод которой дернул нить.

И лишь в следующую секунду поняла, что это не нить вовсе – сильная рука, которая надежнее любых стальных тросов. Ей Рид держал меня, сам второй цепляясь за тот самый край, за который я, падая, не смогла ухватиться.

Лишь позже я поняла, что оборотень, рванув вслед за поехавшим контейнером, нарочно упал на грудь, тем добавив ускорения, и последние феты до края проскользил на животе. Он успел схватить меня за сорвавшуюся руку, но сам удержать тело на накренившейся

палубе не смог и полетел вперед, лишь благодаря чуду и ловкости оборотня удержавшись второй рукой за край трюма.

А пока же... пока я видела, как внизу подо мной лежало то, что осталось от химероида, раздавленного многотонным контейнером. Тварь умерла. Это даже я, не будучи ни целителем, ни некромантом, понимала отчётливо.

– Да, не повезло Счастливику... – глядя, как и я, вниз, заметил Мрак.

Лишь потом я узнала, что Шэйти прозвали Счастливиком за то, что он, несмотря на все опасные и порой весьма сомнительные эксперименты по совершенствованию своего тела, всегда не только выживал, но и становился все более совершенной живой машиной для убийства. А ведь когда-то он был просто двуликим, вторая ипостась которого – крокодил.

Но это было после. А пока... нас качнуло.

«Если не поторопимся, я и Рид тоже можем присоединиться к этому монстру в посмертии», – подумалось вдруг, когда крен корабля оттого, что груз, а с ним и центр тяжести сместились, стал критическим.

– Нужно выбирать, – вторя моим мыслям, прохрипел Стэйн и начал медленно подтягивать двойной вес.

И только когда мы выбрались на палубу, я осознала, что все еще сжимаю Око, в котором нет камня, зато в его рукояти торчит клык.

«Стригой» накренился еще сильнее и...

– Прыгаем! – Стэйн подхватил меня, и мы, перелетев через борт, сиганули в воду, резко уйдя на глубину. Я перекувыркнулась в воде, враз забившейся в нос и уши, потеряв ориентир: где поверхность, а где дно? И почувствовала, как знакомая рука обхватывает меня за талию и выталкивает туда, где с каждым гребком становится светлее.

А когда мы наконец вынырнули у бетонного причала, то первое, что увидели, – это нацеленный на нас чарострел. Его держала рука старпома – пособницы предателя-капитана, продавшего мафии.

– Слава богам, это вы! – выдохнула она... облегченно.

А затем и вовсе убрала оружие и протянула мне руку с намерением помочь вылезти на сушу. И хотя сама я точно не справилась бы с этой задачей – все же высота от кромки воды до бетона была приличной, – протягивать руку в ответ не хотелось.

– Не дури, – старпом верно поняла меня. – Я тайный агент службы безопасности. Работала под глубоким прикрытием. И вы, законники, только что мне напрочь сорвали внедрение.

– Это ты стреляла тогда из-за угла? – Я вспомнила, как кто-то методично убирал преступников, паливших по нам с Ридом перед тем, как мы смогли рвануть к трапу отдававшего швартовые «Стригоя».

Старпом... Хотя нет, агент службы безопасности коротко кивнула. И помогла мне и Риду выбраться на берег. Вот только если я, оказавшись на суше, тут же начала озираться в поисках Сева, Мири, Лео и Зара, то оборотень пристально смотрел на свою «не коллегу»: законники и безопасники негласно недолюбливали друг друга.

Я тоже посмотрела еще раз на нее: светлые, коротко стриженные волосы, прямой нос, упрямый подбородок, высокие скулы и пухлые губы, подтянутая фигура... Женщина-статуя. Причем из стали... Стальная леди.

– Скажите, у вас, случайно, нет дальних родственников по фамилии Драккарти? – в лоб задал вопрос Стэйн.

И от него скула агента на миг дернулась, и... Я поняла, кого она мне напоминает: мое собственное отражение в зеркале.

– Мама? – ошарашенно протянула я.

Она прикрыла глаза, чуть склонив голову, а ее кулаки сжались. А у меня в горле встал ком. И Рид, почувствовав напряжение, витавшее в воздухе, отстраненно произнес:

– Ну зато теперь ясно по поводу провала: похоже, срывать внедрения – это семейная черта Драккарти, – усмехнувшись, произнес он.

И я была ему благодарна. Безмерно благодарна за эту фразу. Потому что она вывела меня из состояния ступора.

– Почему? – всего одно мое слово, но Стальная леди – да, именно так, не мама, потому что матери я не знала, – все поняла.

– Не здесь и не сейчас. – Она повернулась и посмотрела на меня. И в ее глазах плескался океан боли.

Глава 10

– Рид! Дэй! – К нам со стороны штабелей бежал Леард. – Живы!!!

Стальная леди даже не повернула голову в сторону чувствителя. Просто произнесла:

– Мы еще увидимся. Обещаю. – И, развернувшись, энергичным шагом поспешила прочь. Пара секунд – и она уже скрылась за одним из контейнеров. Еще до того, как Лео подбежал к нам.

– Дэй, ты как? – Чувствитель бросил на меня взгляд, потом перевел его на Стэйна и, увидев следы когтей на боку и плече у оборотня, выдохнул: – Сильно зацепило? Нужен лекарь?

Рид упрямо мотнул головой. А Лео повернулся в сторону контейнера, за которым скрылась Стальная леди, и, прищурившись, посмотрел уже на меня.

– Кто это был? Вроде я ее видел среди контрабандистов при перестрелке.

Но ответил Стэйн:

– Тебе показалось. Это работник порта.

– Кэп, вот всегда тебе поражался: ты так отвечаешь, что ложь не отличить от правды, – усмехнулся чувствитель, который, похоже, только что применил все свои умения и... так и не получил ответа на вопрос, который его интересовал.

– Потому что я не лгу, – усмехнулся Мрак.

– Угу, ты лишь виртуозно недоговариваешь, – сдался Леард и сменил тему: – Там ребята арестовали и капитана, и его команду. Вызвали подкрепле...

Кучерявый не договорил. Его перебил скрежет, которому вторил какой-то... чавкающий, что ли, плеск. Мы обернулись и увидели, как с борта тонущего корабля в воду прыгают матросы, а само судно медленно начинает тонуть. У самого берега.

Вот ведь... Столько ж экспонатов придется со дна доставать. Хотя с ними, по большому счету, ничего не должно было случиться. Столько сберегающих заклинаний на каждом повешено: чтобы не разбилось, от намокания, от сдавливания и поломки... даже от блох! Так что... даже не «если», а «когда» экспонаты поднимут со дна, пару дней на

магической реставрации – и они будут целехонькие и как новенькие... с погрешностью на свою древность.

– Настоящее Око?! – выдернул меня из созерцательных размышлений о тонущем корабле один очень энергичный кучерявый оборотень.

– Угу. – Я с мрачным видом подняла артефакт. Из его рукояти гордо торчал клык химероида.

– Так, это наше. – С этими словами Рид аккуратно взял из моей ладони Око, без тени сомнения выдрал зуб и положил себе в карман. – А это надо вернуть. – И он взвесил на руке обесклькленный артефакт.

Чувствитель недоуменно посмотрел на пустое гнездо, где еще неделю назад красовался самоцвет.

– А что с камнем? – задал он очевидный вопрос.

– Скорее всего, оплавился при взрыве в квартире гоблина, – предположил Рид. И мы все трое еще раз взглянули на Око.

То, что мы вернули артефакт, – это, конечно, хорошо. Но вот то, что не весь, – уже плохо. С другой стороны, Стэйн Торккру обещал, только что вернет Око, а в базовой комплектации или нет – об этом уговора не было.

– Грандиозного скандала с фэйри не будет, – заключил, почесывая кучерявую макушку, чувствитель. – Но минимум дивная истерика гарантирована...

И так он произнес это «дивная», что я даже не поняла: Лео имел в виду расовую принадлежность нервотрепки или все же ее масштаб и непередаваемый колорит.

Мы замолчали, каждый о своем. А потом Рид вдруг заинтересованно начал озираться и, увидев какой-то булыжник, целенаправленно пошел к нему.

– Нет худа без добра, – уверенно заявил он, поднимая голыш. – Зато у нас появился прекрасный шанс поймать крота. На живц... на камень. – И он подкинул здоровенную гальку.

А спустя полчаса, когда прибыли еще несколько отрядов, а подоспевшие работники пристани выловили моряков «Стригоя» (как выяснилось, кроме химероида, никто больше не утонул), Стэйн торжественно передал Торккру Око и... найденный камень, заявив на чистом глазу, что это и есть возможный выпавший из огранки элемент древнего артефакта.

Но самое удивительное – начальник прекрасно понял намек без дополнительных подсказок. И заявил, причем вроде бы негромко, но так, что услышали почти все:

– Хм... Да, действительно похож. Но стоит отдать Хуку на проверку. Единственное, пусть полежит до завтрашнего утра в отделе улик. У эксперта сегодня много работы...

Мне при этих словах захотелось оглянуться, чтобы посмотреть на реакцию законников. Ведь кто-то из них – предатель. Но я себя сдерживала, понимая, что в отличие от шефа и Стэйна не умею так виртуозно играть в игру «положи приманку», чтобы никто ничего не заподозрил.

– А вы, – Торкр бросил на нас с Ридом долгий взгляд, в котором было много хорошего и даже немножко мата, – на сегодня свободны. Завтра к десяти жду отчет. Делегация дивных прибывает в полдень, и я должен быть полностью в курсе всего произошедшего.

Стэйн коротко кивнул. И мы отправились к его вседорожнику. Мокрые и уставшие. Чайки все так же истошно орала над головой. Легкий ветер нес с моря запах водорослей и авантюры.

И тут я почувствовала, как нарочито-прямая спина двуликого расслабляется, а сам он... начинает шататься. Вот ведь! Лео же спрашивал его о лекаре! А Мрак наверняка потерял много крови.

– Тебе нужно к целителю! – категорично заявила я.

– Ничего страшного. Мы, оборотни, быстро регенерируем, – отмахнулся двуликий.

«Вот только ты сейчас человек!» – захотелось рявкнуть в ответ, но я удержала слова на кончике языка, понимая, что сейчас не лучшее время напоминать о том, что Рид потерял связь со своим зверем.

– Значит, в лечебницу ты ехать отказываешься?

– Ты хорошо успела меня узнать, – довольно хмыкнул в ответ Мрак.

– Тогда лечить тебя буду я! – произнесла с угрозой. Так, чтобы этот псих проникся, испугался и вообще возжелал передаться в надежные (и не столь безжалостные!) руки дипломированных целителей.

Но, увы, этот... невыносимый двуликий только выдохнул, а потом, у самой машины... Сграбастал меня так, что я не могла и пошевелиться, так, словно хотел убедиться, что я жива. И прошептал:

– Дэй, я никого и никогда не боялся потерять, как тебя сегодня. Это были самые ужасные полчаса в моей жизни. Даже когда подышал у барьера, потеряв своего зверя и думая, что сейчас и сам отдам концы, я не боялся. А сегодня я понял, что ты моя жизнь. Ты мой смысл, Дэйна Драккарти... Поэтому я спрошу здесь и сейчас... И если ты ответишь «да», знай: возврата не будет. Потому что мы, двуликие, собственники... Дэй, ты согласна быть моей?

– А если нет? – я все же не удержалась от вопроса, чуть отстранившись и запрокинув голову.

Рид помрачнел, его мышцы превратились в камень, и он, сглотнув, обреченно выдохнул:

– То я все равно буду рядом. Докажу, что достоин тебя и...

– И я тоже тебя люблю, – перебила этого упрямца. Моего упрямца, которого никогда и ни за что не буду ни с кем делить. Я тоже собственница, хоть во мне и не течет крови двуликих.

Поцелуй. Нежный и обжигающий. Мы живы. Мы вместе.

Мое тело отзывалось на прикосновения его чутких пальцев. А я... я поняла, что у поцелуев Рида есть удивительная способность: они согревали. От кончиков пальцев ног и макушки до самых потаенных уголков моей души.

– Значит, да? – когда мы наконец оторвались друг от друга, спросил Рид.

– Всегда да, – выдохнула, прижавшись к его груди и чувствуя, что сердце двуликого бьется в сумасшедшем ритме, как и мое собственное.

Я практически ничего не знала о Мраке, как и он обо мне. Но больше всего я не хотела потерять его. А ведь могла. Сегодня.

Прижалась крепче и... всхлипнула. Еще раз. И еще. Рид замер. А потом, осторожно касаясь, погладил меня по голове.

– Ну все... Все... А кто же будет меня лечить, если ты решишь плакать?

– Не дожدهшься! Я тебя сейчас так вылечу! – шмыгнув носом, воинственно пообещала я.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Рид. – Я даже согласен, чтобы ты заштопала мои царапины... Я до сих пор под впечатлением от твоих стежков...

Вот ведь! Не мог не напомнить про свою порванную рубашку, которую я отреставрировала в лучших традициях хирургов! Но я

поборола смущение и забралась в машину. Обещала лечить – значит, буду.

Мрак сел за руль и, сжав его, вдруг тяжело выдохнул. Прикрыл глаза...

Я уже собралась снова заикнуться о целителе, как оборотень вдавил педаль газа, и мы рванули с места...

«Как приедем, потребую у Мрака снять рубашку, обработаю раны и перевяжу...» – подумала я, глядя на напряженное, сосредоточенное лицо двуликого. Но... Едва мы переступили порог квартиры, я и заикнуться не успела о своих целительских намерениях, как меня смел ураган по имени Риднор Стэйн. Кажется, кто-то держался до последнего, а сейчас отпустил вожжи. И этот кто-то – мы оба.

Мой рот запечатали поцелуем. Он был не нежным и трепетным, как на парковке. Нет. Пламя. Шторм. Безумие, лишившее нас обоих воздуха, разума. Мы задыхались от желания касаться друг друга.

Рид подхватил меня на руки. Его губы впились в мои. Дико. На грани страсти и безумия. Жадно. Не давая опомниться. Я лишь почувствовала, как очутилась сидящей на комод. Мрак качнулся вперед, и мои ноги инстинктивно обхватили его бедра.

– Знаешь, о чем я мечтал всю дорогу? – рвано втянув воздух, признался он. – Дорвать, наконец, это демоново платье...

Раздался треск... «Я так и не узнала, заклинила ли на нем застежка», – промелькнула мысль. И пропала. Будто ее и вовсе не было. И в голове осталась лишь счастливая пустота.

На пол полетела и рубашка оборотня, и то, что осталось от моих босоножек. О паркет звякнул ремень брюк... Казалось, на нас слишком много одежды. И то, что Мрак не мог снять, он просто рвал.

Его рука опустилась на мое колено и медленно начала подниматься выше по бедру, в то время как губы Рида ласкали мою грудь. И я не смогла сдержать стоны удовольствия, подавшись вперед. Мои ладони прикоснулись к обнаженному торсу, разгоряченной гладкой коже, сильной спине с рельефом мышц.

Мрак был напряжен. А еще – возбужден до предела. А когда его пальцы дотронулись до внутренней поверхности бедра, я судорожно втянула воздух и вцепилась в плечи оборотня. Прижалась губами к его шее, тяжело дыша.

– Не... Могу... Больше... Укуси меня, – хрипло выдохнул Рид и откинул голову, чтобы мне было удобнее.

– Мрак... – Я выгнулась, умоляя о продолжении.

Меня лихорадило. Внутри все скрутилось узлом от желания. И такое же возбуждение я видела в глазах Рида, которые сейчас были сплошным расплавленным серебром. Ему хотелось вбиваться, проникать, соединяя тела. Но он сжал челюсти, из последних сил сдерживая себя! Ему важнее этого всего был этот демонов укус!

Да чтоб тебя! И я укусила. От души. И из горла Мрака вырвался хриплый стон удовольствия. А дальше были лишь откровенность и порок в чистом виде.

– Дэй... – прошептал он, открывая глаза, и замер.

И я увидела на его плече, боку раны, о которых забыла. Мы были перепачканы его кровью, оба грязные и пахнущие водорослями... И Рид тоже осознал это, а его губы расплылись в порочной, обещающей улыбке.

Двуликий подхватил меня, целуя, понес в ванную. Теплые капли душа ударили по плечам, смывая, казалось, не грязь, а сами воспоминания о ней.

Мы жадно целовались под струями, и нас выворачивало наизнанку от желания. Отдавать. Обладать. Быть вместе. Я ощущала лопатками кафель, Мрак вновь держал мой вес на руках, словно я была пушинкой... Кажется, кому-то очень нравится, когда мои ноги обхватывают его бедра...

– Мрак... У меня никогда... – я выдохнула это признание, доверяясь. Полностью. Без остатка.

– Дэй... – Он замер напряженно, словно я была хрупкой хрустальной вазой, которую он чуть не разбил.

– Если ты сейчас не продолжишь, я тебя придушу, – кровожадно пообещала я.

– Я не уверен, что смог бы остановиться. – Он склонился к моей шее, и... укус, заставивший меня вскрикнуть.

И вслед за ним – медленное, плавящее тело проникновение. Я вцепилась в плечи Рида, дыша через раз. Не от боли, а от ощущения единения, когда он вжимает себя в меня.

– Ри-и-ид, – я простонала его имя, окончательно слетая с катушек. В глазах потемнело от удовольствия. И последнее, что я увидела, – это

затуманенный наслаждением взгляд двуликого.

– Моя Дэй...

По нам барабанили капли влаги, и теплый пар застилал все вокруг. А мы падали в бездну. Вместе. Разделив одно сумасшедшее, дикое, шальное счастье. Одно на двоих.

Я не помню, как и когда мы вышли из душа. Точнее, Рид вышел и вынес меня, завернутую в махровое полотенце, на руках. Не желая отпускать ни на миг. И, кажется, я уснула в его объятьях раньше, чем моя голова коснулась подушки. Но даже во сне мне хотелось прижаться к Риду... большому, надежному, тёплому... с мягкой густой шерстью...

От осознания последнего я, кажется, и проснулась.

Хотя, может, виной моему пробуждению был звук открывающейся входной двери и женский ласковый голос, раздавшийся из прихожей:

– А где мой сладенький котик? Заждался... – это я услышала, еще не до конца открыв глаза.

А потом, как в калейдоскопе, промелькнули недавние события: сражение, мы нашли Око, а потом губы Рида... И вообще много Рида... Душ... И после этого всего какая-то девица входит в квартиру МОЕГО парня, как к себе домой! Поворачиваясь к Мраку, я прошипела:

– И кто эт?.. – но осеклась, так и не договорив.

Потому что на меня смотрели незамутненно-синие глаза... барса! В кровати рядом со мной развалился кошка! Громадный! Раза в полтора больше, чем в моем сне. Лапы его чуть свешивались с изножья кровати, лобастая башка покоилась на подушке. В лучах утреннего света блестела его густая, белая с черным крапом шерсть. Хвост зверя и вовсе по-хозяйски обвивал мою талию.

А морда зверюги была довольнящая... Барс потянулся, прогнувшись, и положил свою лапу мне на плечо. И замер. Ошарашенно. Словно не понимал, откуда у него вместо руки вот это...

– Ри-и-и-д? – уточнила я очевидное.

А барс между тем попытался встать с кровати и... Видимо, в теле зверя Мрак отвык быть настолько, что с абсолютно не кошачьей грацией с оглушительным шумом грохнулся с кровати.

Наверное, этот шум и насторожил гостью. Дверь спальни распахнулась. А затем появившаяся в дверях девушка украла у меня

мой же вопрос:

– Ты кто такая? – прищурившись, выпалила она, глядя на меня, прижимавшую к груди одеяло, и тут увидела барса.

– Шторм?! – И столько эмоций было в одном ее восклицании...

Гостья прислонилась к косяку, колени ее подогнулись, и она буквально упала на них. А затем, уже абсолютно не обращая на меня внимания, протянула руку, осторожно касаясь морды все еще ошалевшего барса.

Мне же хотелось как следует оттаскать за ухо этого наглого кошака. Оказывается, в жизни Рида есть женщина, которая знает его гораздо лучше меня, у нее есть ключи от его квартиры и она ласково зовет Мрака «моим сладеньким котиком»... И я узнаю о ней вот так, постфактум.

Я начала медленно подниматься, и мне было плевать, как я выгляжу.

– Риднор Стэйн! – мой голос зазвенел сталью, а бурлившая в крови магия отозвалась. Вокруг запястья появилось сначала кольцо. Потом второе. Третье. Четвёртое. Вчерашний резкий скачок потенциала был, похоже, не временным. И я останусь магом даже не первого, а четвертого круга. Но сейчас меня это мало волновало. – Или ты сейчас возвращаешься к нормальному виду и все объясняешь, или я за себя не ручаюсь.

В глазах барса удивление переросло в высшую степень офонарения. А гостья, к этому моменту поднявшаяся на ноги и сделавшая пару шагов вперед, попыталась задвинуть здоровенную кошачью тушу за свою спину. Но, увы, внушительная корма зверя за хрупкий стан никак не помещалась. И девушка ощерилась, показав звериные клыки.

Ну кто бы сомневался. Оборотница.

– Я, конечно, уважаю ужасный выбор моего брата, – прорычала она, стараясь сдержать эмоции. Правда, получалось у нее не очень. – Но тронешь его хоть пальцем – порву. И не посмотрю, что ты его пара!

– Брата? – неверяще прошептала я, уловив из всего сказанного для меня главное.

И тут я увидела, как кошачье тело подернулось дымкой и... за спиной гостьи выросла фигура Рида. Уже человека. Абсолютно обнажённого. Он был выше оборотницы на полторы головы. Но все же

между ними было сходство. И только сейчас я заметила, что и цвет волос у обоих одинаков, и линия носа, и разрез глаз... Вот только сестренке достались изумрудно-зеленые, а Мраку – синие.

– Дэй! – Он обнял меня, как маленькую. – Ты чего?

– Бешусь, – честно призналась я и добавила: – А что я должна подумать, когда незнакомая девица с порога называет тебя «моим котиком»?

И тут я услышала раздавшийся за спиной Рида истеричный хохот. Дзулика, оперевшись спиной о стену, медленно по ней сползала и смеялась. А еще плакала. Но смеялась гораздо больше.

– Я звала мантикора! – наконец смогла произнести сестра Мрака. – Рид позавчера позвонил мне и попросил покормить его. Потому что сам не успевал. Я вчера принесла котенку поесть. Ну и брату заодно. А то с его работой он вечно голодный. И сегодня решила заглянуть... И не зря! Оказывается, мой старшенький не только вернул себе зверя, но и нашел пару, – закончила она, широко и как-то даже коварно улыбаясь.

Дзулика говорила так радостно, что ее даже все набравший силу рык Стэйна ничуть не смутил. Но все же, когда Рид рявкнул, сестричка сочла за лучшее сбежать из спальни.

– Значит, ревнуешь? – едва дверь захлопнулась, проникновенно спросил Рид и, нежно обхватив пальцами мой подбородок, чуть поднял мое лицо к себе. – Дэй, с этого дня в моей жизни только ты – моя истинная.

Мои руки сами собой оказались на плечах Мрака. А ладонь почувствовала под собой лишь три полосы шрамов – все, что осталось от вчерашних ран. Похоже, Рид, перекинувшись, почти полностью успел исцелиться за ночь... Вот только эти мысли мигом вылетели у меня из головы, как только дзуликий наклонился и поцеловал. Нежно и осторожно. Но от одного касания его губ я растворилась в объятиях Мрака. А вот когда мы наконец отстранились, то суровая действительность напомнила о насущном самым суровым для девушки образом. Передо мной встал вопрос: что надеть?

Рид, незнамо чему улыбаясь, достал из шкафа свой махровый халат. Я в нем буквально утонула. И почувствовала себя схинской императрицей в ее восточных распашных одеяниях, когда подол

волочится по полу, а в каждом из широких рукавов можно спрятать по чарострелу. А то и по два!

Сам оборотень натянул на себя боксеры и спортивные штаны, оставив торс обнаженным. Явно издевался! Ведь знал же, что я буду на него пялить... смотреть! Хотя... Кого я обманываю? Откровенно пялиться!

Вот только, помогая мне закатать рукава, Рид увидел на запястье чудом не сломавшиеся хроносы, подаренные Заром. И даже не удивился! А наоборот – улыбнулся. На подарок другого! Это меня настолько поразило, что я, осененная догадкой, задала вопрос в лоб, постукивая по циферблату:

– Твоя работа?

– Ну от меня ты их не приняла бы...

А я опустила лицо, поспешив спрятать улыбку: Мрак... Он пытался защитить меня, даже если его не было рядом. И ведь если бы не его «удачливые» хроносы...

А вот когда мы вышли из спальни, то застали умильную картину: мантикоренок отнекивался от сардины. Свежей. И его морда была полна пессимизма в духе: «Я бы колбаски поел, а у вас, гадов, весь холодильник рыбой да сметаной забит!»

– Джин, он явно не хочет... – заметил Рид, глянув на то, как сестренка пытается накормить крылатого котика, и потянувшись, чтобы открыть дверцу холодильного шкафа.

– Что значит не хочет? Как можно не хотеть сардину? – возмутилась она.

– Ты вроде говорила, что принесла еды не только мелкому, но и мне, – недоуменно заметил оборотень.

– Да, все полки забила. – Джин отвлеклась от фарширования котика рыбой.

Мрак в ответ лишь озадаченно почесал затылок. И мы с его сестренкой синхронно выглянули из-за спины двуликого и уставились на девственно-пустой холодильный шкаф.

– Там же была грудинка... И окорок копченый, сосиски, сельдь маринованная, сыр, пирог, соленые огурчики... – начала растерянно перечислять младшая Стэйн.

А Рид, как истинный законник, пока Джин лишь недоумевала о причинах пропажи, уже разгадал дело о краже сосисок. Преступник с

невинной мордой взирал на нас троих и облизывал усы.

– И куда в тебя столько влезло? – воскликнула Джин.

А я, глянув на ничуть не пузатого мантикоренка, вспомнила, ГДЕ мы его нашли... Око было древним артефактом. А в незапамятные времена при создании подобных мастера могли использовать и душу мага или...

Что, если котик, как и чародеи, просто пополнил свой резерв...

– Рид, кажется, мы нашли пропавший камень... – прошептала я.

– Какой камень? – не поняла сестра Мрака. – Но он же живой!

– Если Дэй говорит, что это – оживший камень, то так оно и есть, – убежденно отозвался Рид и глянул на настенные хроносы. Они показывали почти десять.

– Джин, Дэй нужна одежда, – он не сказал «твоя», но сестра, видимо, хорошо знала решительный тон брата, потому как рефлекторно скрестила руки на груди.

– Ри-и-ид... – возмущенно протянула младшая Стэйн.

– Джин, пожалуйста, – и столько убедительности было в голосе Мрака, что сестренка сдалась. Но в исключительно прагматичной манере:

– Помни, ты мой должник! – нацелив палец в грудь братца, торжественно провозгласила она.

И когда мы с Джин отправились переодеваться, Рид уже звонил Торкру. Правда, сначала оборотню пришлось слушать начальство, держа переговорник от уха максимально далеко. И даже я, не обладая слухом двуипостасных, узнала, что босс думает о некоторых двуликих, к десяти утра не подготовивших отчет.

На эту тираду Стэйн произнес лишь одну фразу, заставившую шефа в корне поменять свою точку зрения.

– Мы нашли камень из Ока, – эти слова Рида произвели эффект взорвавшегося пульсара.

– Так какого демона ты еще не здесь?! Делегация дивных уже в столице и едет на выставку! Я уже в музее. И вы трое – живо сюда! И ты, и Драккарти, и камень! – И начальство отключилось.

Я тем временем уже впрыгнула в футболку и комбинезон. Последний не спадал с меня лишь благодаря ляккам. В общем, я была наглядной иллюстрацией картины «Спица в вазе».

А затем Стэйн подхватил возмущенно мяукнувшего мантикоренка, и мы помчались к чабилю. Я – в чужом комбинезоне, у которого перманентно спадали лямки, и балетках, которые готовы были свалиться с ног в любой подходящий (да и не подходящий тоже) момент. Рид – в спортивных штанах, футболке и кроссовках. В общем, в классической униформе людей и нелюдей, проспавших все на свете. И с котенком под мышкой.

Когда мы сели во вседорожник, серого полосатого пушистика пришлось взять мне. И как я раньше не догадалась, что он – камень? Просто с заключенной в него душой, которая очень хотела жить. И, спасаясь от взрыва, обернулась живым существом...

Улицы, как назло, были одной сплошной пробкой. Причем причиной такому затору были сами дивные. Из-за их прибытия перекрыли пару проспектов.

Рид, глянув на скопление машин, произнёс:

– Придется выйти.

И мы, выпрыгнув из чабиля, помчались к музею, теряя тапки. В прямом смысле теряя. Последнего Мрак не выдержал и, рыкнув, просто подхватил меня под колени, перекинул через плечо и понесся, ничуть не сбавляя хода. А я, свесившись с двуликого, вытаращенными глазами глядела на мантикоренка, которого держала в руках. Живой камень выпучился на меня в точно таком же офонарении.

В музей мы ворвались вылетевшим из чарострела пульсаром. Нас попробовала остановить охрана, но стоило Мраку назваться и сообщить, что мы по срочному приказу Торкра, как нас пропустили: похоже, начальник Стэйна успел предупредить стражей.

Мы пролетели на верхний этаж и вбежали в зал с Оком. Оно лежало под усиленной защитой. Настоящее, без камня. И вокруг него, помимо Торкра, толпилось еще несколько архимагов. Все – артефакторы. Некоторых я до этого видела лишь на чарографиях в газетах. Не знаю, были ли они здесь до звонка Стэйна начальнику и готовили ли коллективную извинительную речь, почему Око пострадало, но не совсем, или шеф их экстренно собрал. Но так или иначе, артефакторы были тут. И я не сомневалась, что они смогут заменить мелкий алый самоцвет, который исполнял роль протеза и не позволял нитям силы Ока ослабнуть или разорваться, на настоящий камень.

Но самое удивительное – среди умудренных сединой архимагов был и сверкавший почти темной макушкой Катафалк (посеребрённые виски не в счет). Преподаватель смерил меня взглядом и усмехнулся:

– Нашли все же камень, Драккарти?

– Да. – И я торжественно протянула ему мантикоренка.

Кис, которого я держала обеими руками перед собой, слегка растерялся от такого внимания и... оконфузился.

В общем, момент передачи камня мог бы быть и попомпезнее. И уж точно вручать потерянную часть реликвии должна была бы в идеале не растрепанная девица в комбинезоне с чужого плеча, а оборотница, облаченная в отглаженную форму законника. Но...

– Что у вас случилось? – шипя в сторону Стэйна, поинтересовался Торкр.

– Форс-дожор, – так же тихо ответил двуликий. – Именно благодаря ему Дэй и догадалась о том, где все это время был спрятан камень.

– В мантикоре? – на грани слышимости уточнил шеф, глядя, как маститые артефакторы бережно берут котейку.

– Нет. Котенок и есть камень, – участливо просветил Торкра двуликий.

Начальник витиевато, но проникновенно выругался. И я его понимала: искали, значит, всем отделом самоцвет, а он оказался пушистым, с усами и отменным аппетитом.

А я, слушая Стэйна и шефа лишь краем уха, следила, как мантикора бережно подносят к Оку, как маленькое тело окутывается дымкой и...

– Избыточная масса... – произнес один из магов.

– Где он так напился энергией? От накопителя? – это уже обеспокоенно второй.

– От холодильного шкафа, – я не удержалась от минутки просвещения и услышала, как фыркнул Катафалк.

А затем мой преподаватель, он же светило современной маготехники и еще более уникальная и исключительная язва, скомандовал:

– Коллеги, отделяем излишки...

Итогом расщепления стал камень и... новорожденный мантикоренок. Слепой. Его скорпионий хвостик напоминал морковку,

а крылья и вовсе пока были лишь валиками на спине. И он был размером с мой мизинец, умещался в раскрытой ладони.

И если серый самоцвет общими усилиями артефакторов поместили в Око, то с новорожденным мантикоренком возник вопрос. Решить его не успели: в зал вошла делегация дивных.

Я же, воспользовавшись моментом, цапнула мантикореныша и спрятала в рукаве. Ибо мое! Я его нашла! И вообще: пусть хозяйка из меня отвратительная, но все же... Участь лабораторной мыши для коты хуже!

И быстренько попыталась спрятаться за спину Стэйна... Вот только маневр мой получился удачным лишь наполовину. Если маги и законники не обратили внимания, то беловолосый фэйри, судя по всему, и возглавлявший делегацию, глянув на меня единожды, не отрывал взгляда. И пусть тот был не внимательно-изучающим – не пристало дивным проявлять интерес, особенно к людям, – но я его чувствовала.

И Рид тоже, потому как ощутимо напрягся.

А фэйри, высокий, изящный и в то же время излучающий шлейф силы, подошел не к Оку, а к... Мраку.

– Отойди, двуликий, – холодно приказал он, словно Рид был помехой на его пути.

– И не подумаю, – пристально глядя глаза в глаза, ответил Стэйн.

А я... испугалась. Потому что так, как смотрел сейчас Мрак, на фэйри смотреть было нельзя. Особенно если дивный, стоявший перед тобой, – могущественный или древний. А светловолосый, по моим ощущениям, являлся и тем, и другим. И дело тут даже не в расе или почтении. Просто взгляд перворожденного мог убить. В прямом смысле слова.

Спина Рида дрогнула, но двуликий устоял, даже не покачнувшись. И я поняла: сейчас между этими двумя шел бой. Незримый. Лишь в сознании, но...

– Ты настоящий альфа. Силен, смел и готов умереть за тех, кто тебе дорог. Но меня интересует не твоя... – он словно заколебался, подбирая подходящее слово, скользнул взглядом по моему комбинезону и добавил: – ...Девушка. А то, что у нее в руке. Я чувствую зов наследия древних в ее руке...

«Угу... Наследие древнее, – мысленно возмутилась я, – только слегка новорождённое». Но вслух ничего не сказала. И как ни жаль было отдавать котейку, но Рида было жалче. Как я поняла, сейчас фэйри провел на него пси-атаку.

И я, коснувшись одной рукой плеча Рида, протянула на второй ладони котеныша.

Лицо дивного, до этого бывшее истинной маской холодного спокойствия и величия, дрогнуло.

– Откуда у вас воплощение камня истины? – выдохнул он, бережно, словно великое сокровище, держа новорожденного.

Мне очень хотелось ответить, откуда именно. Даже рецепт разведения дать: разъединить Око, накормить до отожравшегося состояния камень, поделить, запихнуть обратно... Но боюсь, что фэйри от первого-то пункта придут в ужас.

А по поводу приличного варианта... В моей голове была идеальная, вакуумная пустота. Ну я и поступила в лучших традициях вендетты:

– Боюсь, моих знаний для объяснения будет недостаточно. Но профессор Кат... Ульрих фон Грейт, – я успела исправиться лишь в последний момент, но преподаватель все понял и... даже не сильно удивился, кажется, своему едва не прозвучавшему прозвищу. Видимо, он его прекрасно знал. А может, даже гордился им! – ...наверняка сможет все подробно объяснить.

И все присутствующие дружно уставились на Катафалка. А я удостоилась от последнего взгляда в духе: «Драккарти, ты помнишь, что тебя ждет пересдача? Так вот, даже не надейся!»

Меж тем дивный с грацией высшего хищника, тело которого полно быстроты, ловкости и разрушающей силы, двинулся к Грейту, обронив напоследок:

– Юный камень Лиалы является достоянием дивного народа, – его голосу вторил писк котенка, словно мелкий гордо заявлял: «Слышите! Это все про меня!» – каким бы путем он ни был получен...

А я, глядя на спину удаляющегося фэйри, подумала, что мне глубоко наплевать на всю их красоту. Потому что рядом был тот, равных которому в мире не было. Мой Мрак.

Но вот котенка было жалко... Привязалась я к нему, что ли... И обернувшийся ко мне Рид, видимо, прочел тоску в моем взгляде. Иначе

с чего бы он шепотом предложил:

– Хочешь, я подарю тебе такого же, только нормального, который не жр... без способностей к окаменению? – исправился он.

Я же, окинув взглядом фигуру Мрака, так же тихо ответила:

– Знаешь, я, кажется, сегодня утром уже завела одного... кошака. Большого и с хорошим аппетитом. И мне его достаточно.

Почему-то Мрак, услышав про «завела кошака», улыбнулся в лучших традициях демона-искусителя. Словно я сказала что-то на грани провокации. Я даже нахмурилась, не понимая. А когда сообразила...

Меж тем Рид, взяв меня за руку, тихо вывел из зала. И я смогла облегченно вздохнуть. А вот чего не ожидала, так это того, что следом за нами, крадучись, вышел... Торкр. Шеф облегченно смахнул пот со лба и... увидел нас.

– И вы тут? Кто бы сомневался, – фыркнул он. – Раз с делом по краже Ока покончено, то жду вас в отделении. Нужно еще дожать крота, которого Риру поймала сегодня ночью, и, Стэйн, я все еще жду от тебя отчет!

– А кто был предателем? – не удержалась я от вопроса, пока мы шли по лестнице.

– Орм, – как само собой разумеющееся ответил начальник.

А я вспомнила того самого офицера, который постоянно вламывался без стука. И из-за него мои кости перемывал весь отдел! И никому оные не стали поперек горла! Так это он крот?

А вот Рида информация, в отличие от меня, не сильно удивила. Его слова лишь это подтвердили:

– Я давно к нему присматривался. Но уверенности не было.

– Ну вот теперь, когда его взяли при попытке кражи твоего... кхм... булыжника, появились неоспоримые доказательства. Его сейчас колют Сев и Леард.

Как позже выяснилось, гриззи не просто расколол, а почти размазал предателя. А все потому, что Северин – бывший военный – испытывал личную ненависть к трусам и предателям. «Давил, давлю и буду давить гадов. По законам барьера, а не гражданским», – прорычал тогда громила. И, похоже, очень убедительно. Потому как Орм, видимо знавший, как у границы расправляются с такими, как он, выложил все тут же. И сколько ему заплатили, и кому, что и когда он сливал...

Но это я узнала чуть позже, а пока... Мы приехали в отдел. Правда, перед этим я успела заскочить домой и переодеться. Торкр и Стэйн ждали меня в гостиной. И я, спускаясь, услышала:

– ...вчера я не стал говорить, но сейчас скажу: яйца бы тебе оторвать, Риднор Стэйн. Со стажером, в кабинете... – наверняка шеф припомнил, как мы целовались с Мраком и он рявкнул на начальство.

– Она моя истинная пара, – перебил оборотень.

И Торкр осекся. А спустя несколько секунд молчания совершенно другим тоном произнес:

– Я сегодня заметил на ее шее метку, но подумал, что временная...

– Нет, – отчеканил Рид.

– Но истинная может быть, только если у тебя есть зверь, – подозрительно, словно от него что-то скрывали, и весьма успешно, отозвался Торкр.

– Он ко мне вернулся. Сегодня. И тоже признал Дэй своей.

– Твой отец будет в восторге, – скептически хмыкнул шеф, словно знал Стэйна-старшего лично.

– Я всегда умел его радовать...

Я поняла, что еще немного – и оборотни меня заметят, потому нарочито шумно начала спускаться с лестницы. Пора было возвращаться в отдел.

И едва мы туда приехали, я срочно оказалась нужна Хуку! А от Зара, заглянувшего в лабораторию, узнала, что капитан порта попытался впясть иск отделу за крушение судна, на что Торкр рявкнул: нечего швартовать у себя преступников. А вот от журналистов, жаждущих подробностей громкого задержания банды преступников, шефу так просто избавиться не удалось. Репортеры оказались невосприимчивы к грозному рыку, сверкающему взору... А отстреливаться пульсарами от любопытных писак Торкру, увы, было нельзя. Даже если те заглядывали в окно третьего этажа, моля из-за стекла о са-а-а-мом коротеньком, буквально на полминуточки, интервью.

А следом за Заром заскочил с подарком – бутылью чистой жареной воды – Макрофт. Тот самый следователь, что вел дело о пропавшем драконе. Оказалось, ящер-подросток с другом решил... украсть сам себя! И как итог – вместо родительских денег получил славу. Много славы. Правда, скандальной.

День пролетел незаметно, а под вечер в лабораторию заглянул улыбающийся Стэйн. Двуликий прямо-таки жаждал подвезти меня до дома. Своего, конечно. На что я заявила: только через мой. Все же зубная щетка и сменная одежда лишними не будут. Вот только дома нас ждал взаимный сюрприз: папа вернулся из командировки. И Риду вместо романтического вечера пришлось знакомиться с моим отцом, который, узнав, что мой парень – двуликий, ничего не сказал, но та-а-ак выразительно посмотрел на Мрака... что лучше бы сказал!

А все из-за не то чтобы нелюбви, но, скажем так, неприязни к двуликим. И появилась она не на пустом месте. Когда-то именно оборотень-крыс вынудил отца продать его мастерскую за копейки. Папе тогда нужны были деньги, чтобы оплатить мне учебу. И он согласился. Но слова двуликого пасюка запомнил на всю жизнь: «Вы, люди, слабы и никчемны. Потому всегда будете проигрывать нам, двуликим. Мы лучше, совершеннее вас не только физически. Мы во всем лучше». Отец на эту провокацию мог ударить магией, но сдержался. Деньги на частную школу для меня были для него важнее. А через два года он открыл новую мастерскую. Но двуликих с той поры недолюбливал.

И вот сейчас я из всех парней многолюдного города выбрала двуликого! А уж когда оборотень без тени сомнения заявил, что его жена, то есть я, переезжает к нему...

Тут уже папа не выдержал:

– Дэй! Мне стоило уехать всего на несколько дней! На несколько!.. И ты уже замужем!

– К-к-ак жена? – ошарашенно отозвалась я.

– Ну ты же меня укусила? – удивился Рид.

И так я узнала о брачной церемонии двуликих. Ни тебе фаты, ни гостей и тортика... Кусь – и все! Да уж... На это способны только перевертыши: лихо пропустить котлетно-букетный период ухаживания и совместных завтраков, когда еще немного – и двое уже жених и невеста, а пока вроде как свободны, но уже нет... Но то оборотни. А я была человеком. Потому еще долго не могла простить Стэйну того, что такая прекрасная пора прошла мимо меня. И он старательно извинялся. Каждый день. И ночь тоже.

Но выяснить отношения сейчас мы не успели. В дверь позвонили. И когда я открыла, то услышала:

– Доставка пирогов, вы вызывали... – Я чуть было не ответила, что не звонила, но голос... Он заставил меня шире распахнуть дверь.

На пороге нашего дома стояла... моя мать. В форме курьера.

Этой ночью мы так и не легли спать.

А я наконец узнала всю правду о себе и о родителях. Как они познакомились, когда мой папа чинил чабили, участвующие в нелегальных гонках, а мама работала над внедрением. Как у них появилась я. Вот только семьи не получилось. Потому что у спецагентов один выход из профессии – ногами вперед. Никаких личных привязанностей. Только работа.

А мы с отцом оказались единственным уязвимым местом. И Ли Джордан, умудрявшаяся скрывать свою беременность до последнего, ушла, оставив на руках Оливера Драккарти новорожденную дочь. А папа... Папа продолжил ее любить. Как и она его... Нас... Следя издалека за всеми моими успехами и неудачами. Так, чтобы о нашей связи никто не догадался. Так, чтобы мы не пострадали. И даже сейчас она не смогла прийти в дом открыто. А вот так, вечером, под чужой маской...

– Береги ее, Стэйн, – посмотрев на Рида, попросила мама.

И двуликий кивнул.

Мы не прощались. Лишь расставались. И пусть я не могла сказать, увижу ли ее вновь, но знала: она рядом.

Эпилог

– Я пришла к вам на передачу! – заглянув в кабинет Катафалка, радостно возвестила я, держа в одной руке рюкзак, в другой – лист с характеристикой, которую мне дал Торкр. И пусть в первой строчке моя фамилия начиналась с зачёркнутой «С» – ерунда! Просто пометка. И она совсем не из-за того, что шеф в мыслях называет меня не Драккарти, а Стэйн. Ведь по традициям двуликих я была уже даже не невестой, а сразу женой. Нет! Вздор! Просто Торкр, наверное, задумался, когда выводил «Д», его рука соскользнула...

Зато написано было обо мне хорошо. Почти.

Потому как Торкр, вручая мне бумагу, прямо сказал:

– Я не хочу писать о тебе идеально. Потому что, если напишу как есть... Дэйна, ты очень перспективная. А самых талантливых часто присматривают для себя спецслужбы. Поэтому одна... кхм... леди настоятельно просила дать тебе такую характеристику, чтобы ты осталась у меня в отделе после того, как получишь диплом. К слову, и я этого очень хочу. При условии, что ты будешь работать в лаборатории, и не топить корабли, и не размножать ценные артефакты, как котят, – все же шеф почтил минутой бурчания наш со Стэйном незабываемый поиск Ока.

Я лишь виновато улыбнулась на это. И вот сейчас стояла перед Катафалком, размышляя: а получу ли я вообще этот свой диплом?

– А, Драккарти, – увидев меня, чуть поморщился Катафалк. Хотя, судя по его виду, он и так пребывал не в самом радужном настроении. – Входите-входите.

И едва я перешагнула через порог, как поняла: профессор в кабинете не один. Рядом с ним стоял один из сынов ночи – тех, кого так же, как и оборотней, еще называют хищниками наших дней. Сильными, опасными, настойчивыми, неутомимыми... как сама жизнь. Смотрящими на целый мир, как на свою добычу. И считавшимися только с равными себе по силе или с тем, кто превосходил их.

И по взгляду вампира, который скользнул по мне, я поняла: меня пока оценивают. Как добычу.

И тут же оскалилась в ответ в лучших традициях двуипостасных. Без слов говоря, что я точно не жертва своей глупости, беспечности или наивности. А если кто-то задумает усомниться... Что ж, я докажу, что у хищников может быть самая безжалостная судьба.

Сын ночи тонко улыбнулся, обнажив клыки. Ровные, белые, длинные... «Хороший был бы трофей», – подумалось вдруг. И, не подозревая о моих мыслях, этот высокий статный красавец заявил:

– Она, конечно, не та, которую я искал, но тоже подходит. Хорошая сопротивляемость внушению, бесстрашие... К тому же раз она ваша ученица, магистр, то точно отличный специалист...

– Боюсь, что нет, – мгновенно отозвался Катафалк. – Адептка Драккарти уже прошла свою практику и закреплена за центральным отделом законников. К тому же, насколько мне известно, даже обручена с одним из двуликих, – сварливым тоном «вот так и отпускай девиц на практику, а потом отлавливай ценных будущих специалистов по свадьбам!» произнес преподаватель. – А про знания... Это у нее четвертая пересдача по моему предмету. – И тут же, противореча своим словам, Катафалк заявил: – Давайте уже вашу зачетку, адептка.

Я, обрадовавшись, что, кажется, меня мучить не будут, прижав характеристику подбородком к груди, на весу, не глядя, начала шарить в рюкзаке. Как назло, зачетки не попадалось. Зато под руку лезла все какая-то ерунда. Я психанула и выложила на стол сначала одну горсть, потом вторую и... только обрадовалась, что выудила наконец зачетку, как услышала, что кто-то сглотнул.

И лишь подняв взгляд, увидела, что на лакированной поверхности лежит груда моих амулетов, пишущих ручек вперемешку с листочками, парой фантиков и... венчает эту гору моя коллекция из трех выбитых клыков. К слову, зуб химероида мне Стэйн торжественно вернул только накануне со словами: «Это твой трофей». Как оказалось, все это время клык обретался в кармане его старых форменных брюк, которые долго ждали своего звездного часа на стирку.

И вот теперь мое трио из клыков вора-человека, оборотницы и химероида (последний был длиннее моей ладони) узрели Катафалк и вампир. И, судя по всему, на преподавателя и его гостя мои трофеи произвели впечатление.

А Катафалк и вовсе молниеносным движением расписался, поставив не иначе как по ошибке вместо отметки «зачтено» оценку «великолепно». И тут же потянулся за стаканом.

А я, думая о том, что, в принципе, не такой уж он и гад, мой преподаватель – распределил каждого из нас по способностям, да и как специалист он один из лучших, – решила уточнить:

– А вы не будете куратором моей кандидатской?

Катафалк поперхнулся водой.

– Кристоф, – откашлявшись, обратился он к вампиру, – теперь ты понимаешь, почему не она? Драккарти способна убить тебя на расстоянии безо всякой магии. Одним только своим вопросом! А тебе, судя по коллекции, еще и клыки выбить.

– А почему не тебе? – уточнил вампир. И голос его звучал... слегка озабоченно.

– Потому что, как я успел заметить, человеческий зуб у нее уже есть. А вот клыка вампира – еще нет, – срезал сына ночи глазастый Катафалк.

– Всегда знал, что ты, Ульрих, выпускаешь УНИКАЛЬНЫХ специалистов, – произнеси клыкастый это другим тоном – был бы изысканный комплимент. Но в прозвучавшей интерпретации слышалось явное ехидство. – Ты, дружище, выматываешь им нервы, закаляешь характер, заставляешь не только зубрить до посинения, но и понимать выученное, а главное – применять знания на практике... Проверяешь на приверженность профессии, и они производят не просто хорошее впечатление, а... кхм... незабываемое!

– Угу, а за это они пытаются меня убить. Иногда, – взгляд на меня, – почти удачно.

– Это незначительные детали, мой дорогой друг...

«Угу, очередь из сорока семи таких незначительных деталей, мечтающих закатать Катафалка в гроб», – вспомнила я выпускной курс артефакторов.

Профессор, судя по его лицу, подумал о том же, о чем и я, и отчеканил:

– Драккарти, свободна. – И уже когда я одной ногой переступила порог, припечатал: – А над тем, чтобы руководить написанием вашей кандидатской, я подумаю...

Вышла я из кабинета профессора... озадаченная. Я уже не ненавидела его, как раньше, понимая и отчасти принимая его методу обучения. Ведь именно благодаря ей я сейчас была магом даже не с одним, а четырьмя кругами силы – уровень, о котором до практики не смела и мечтать.

А вот моя мама... мечтала. Отчаянно. Все эти годы, что ее не было с нами – мной и отцом. И она держала свою мечту в руках, стиснув ее в ладонях изо всех сил. До того момента, как та стала ее судьбой. Ли Джордан смогла сделать невозможное – вернуться. Проведя секретную операцию, сумев предотвратить переворот в Схине, она удостоилась высшей награды – свободы. И пусть ей стерли память, вымарав оттуда двадцать с лишним лет жизни. Но главное – она смогла вернуться к отцу. Который ее ждал. Все эти годы. Всегда.

И пусть это произошло гораздо позже нашей со Стэйном свадьбы... Настоящей свадьбы, с тортиком, фатой, церемонией и шумной толпой гостей. Но главное – случилось. А на самом торжестве мама еще была незримой тенью, затерявшейся среди пышности и сумбура брачного переполоха.

Зато на нашей свадьбе всем запомнился отец Рида. Суровый и строгий. Он возвышался над гостями, точно утес. Альфа, одним словом. Он принял меня не сразу. И тому были причины. Ведь Рид между возвращением в клан и мной выбрал в то утро, когда к нему вернулся барс, меня. Хотя он мог претендовать на место альфы, легко потеснив с него отца. Но не захотел.

Потому как глава клана должен быть женат на оборотнице. И иметь сильное, а главное – двуликое потомство. А в браке с чародейкой... возможны были варианты. Ведь обычно полукровок не рождалось. Ребенок наследовал расу одного из родителей. И у Стэйна вполне мог появиться наследник-человек.

А вот мать Стэйна – та сразу распахнула свои объятия. И ей было плевать, что у внучат может не быть хвостов. Главное, что те вообще будут!

Я познакомилась с еще двумя сестрами Мрака, которым Джин бессовестно рассказала о моей реакции на «сладкого котика». И, как ни странно, младшие Стэйн ее дружно одобрили! И так же дружно пытались поймать букет, который совершенно неожиданно достался Риру. Двулика не растерялась и тут же выразительно подмигнула

своим драконьим глазом сидевшему рядом Торкру. Вот ведь язва! Даже тут смогла уесть начальника. Тот, обычно непрошибаемый, даже вздрогнул.

* * *

12 лет спустя

Какие мысли у нормальных людей и нелюдей возникают при словосочетании «осенний пикник»? Правильно, романтика. Объятья, поцелуи... Это все так, но только если вы едете с любимым смотреть на желтые кленовые листья вдвоем. А если шебутной семьей...

– Ма-а-ам, а дай бутерброд.

– Пап, а там что за яркая точка?

– Рхор, а ты в курсе, что это за листья? – Это уже младшая тербит за локоть старшенького...

– А мне на спине жестко лежать.

– Отдай подушку.

– Эй!

Звук отвинчивающегося термоса. Радостно носящиеся по шуршащему опадку чада...

Пятеро младших Стэйнов. Трое из которых – шустрые пацаны-оборотни. И две близняшки – юные магички. И еще неизвестно от кого – двуликих или чародеек – папа с мамой, а также преподаватели наших чад поседуют раньше.

К слову, о преподавателях. Катафалк на недавней защите моей докторской так и заявил:

– Все, госпожа Стэйн. Я рекомендую вас совету академии на должность преподавателя по дисциплине «Редкие и уникальные артефакты». Вы лучший в столице специалист в этом вопросе, – тоном «сам вырастил!» гордо заявил он во всеуслышание коллегам.

В общем, отомстил!

Рида же из столичного отдела все же переманили в федеральный следственно-магический комитет по особо важным делам. И сейчас он уже не носился по всему городу в поисках преступников. Хотя все так же их ловил. И успешно.

Но сейчас и у супруга, и у меня был отпуск. В первый месяц осени, когда деревья окрашиваются в золото, охру и багрянец, а небо становится особенно звездным.

Мы со Стэйном, решившие вывезти детей на природу, лежали, смотрели на небо, и я чувствовала, как меня обнимают заботливые, надежные руки и еще... что, кажется, в поясницу впивается какая-то ветка.

Ну что же поделать... Жизнь не может быть идеальной. Но она может быть удивительной, чарующей, невероятной, полной красок. Главное, чтобы рядом был твой мужчина. Единственный. Истинный. И он приложит все усилия, чтобы сделать любимую женщину счастливой.

От автора

Дорогие друзья!

Вот и завершилась первая, и я искренне надеюсь, что не последняя, история по миру «Хищники наших дней». И мы с вами еще побродим по улицам и проспектам Эйлина, обязательно посетим квартал Источников и район Груши, узнаем, чем живет Старый Йонтр, покормим уток на Лейской набережной и на чабиле с ветерком промчимся до академии Урхора. И уже в ее стенах узнаем, что случилось в Тоббенийской долине холмов у фэйри, какие каверзы готовят драконы Схина и что за интриги плетут сыны ночи.

Эта книга получилась жаркой. Наверное, потому что на нее меня вдохновило само лето. С его густыми сумерками, когда даже полуночный ветер не приносит прохлады. С его полуденным зноем, от которого плавится асфальт. С его обжигающим солнцем, яркими красками, головокружительными ароматами соснового леса и свежескошенной травы, плеском воды и вкусом черешни и земляники. И я искренне надеюсь, что смогла передать это, закупорить частичку июля, чтобы даже в холодные зимние вечера история Дэй и Рида согревала тех, кто ее читает.

Пусть вам, мои любимые читатели, станет тепло от этой книги. А еще будьте здоровы и счастливы. Пусть каждый день приносит вам радость. Верьте в себя, добивайтесь поставленных целей. Отдыхайте и мечтайте. Ведь реальность начинается с заветной мечты...

С любовью Надежда Мамаева